

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала – издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>) и веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница - 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovski@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

Журнал «Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит»

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
E-мэйл: karakovski@gmail.com

Главный редактор – Алексей Караковский.
Литературный редактор – Сергей Алхутов.
Выпускающий редактор – Анна Герасимова.
Вёрстка – Алексей Караковский.
Фото – Наталья Караковская.

Редакционный совет:

Сергей Алхутов (Москва) – прозаик, член Союза писателей Москвы.

Анна Герасимова (Москва) – переводчик.

Алексей Караковский (Москва) – прозаик, музыкант, издатель, член Союза писателей Москвы.

Андрей Моисеев (Москва) – критик, эссеист.

Дэн Шорин (Тула) – писатель-фантаст.

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи (Москва) – поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.

Ирина Медведева (Москва) – руководитель литературного конкурса «Илья-премия».

Елена Рышкова (Франкфурт) – руководитель конкурса «Согласование времён» и литературного агентства «Русский автобан».

Евгений Степанов (Москва) – кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов разрешается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 11.04.10 в 18:40. Заказ № 4

Отпечатано в типографии «Мульти Графика», г. Подольск, ул. Индустриальная.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15 декабря 2009 года.

ВНОМЕРЕ:

Вот что, баба, лизаться мне с тобой, как с рыбиной, некогда. Поидуя, баба, в контрабанду. В Москве я был на выставке, а в контрабанде не был.

Вяч. Шишков, «Диво дивное».

Телега	2
Санкт-Петербургские городские новости.	
Доктрина	3
Алексей Караковский. Воображаемая революция.	
Библиотека Атлантиды	5
Библиотека Атлантиды. Написанные и ненаписанные книги.	
Рецепты чтения	7
Елена Крюкова. Феномен «Белого Шанхая»: обманывающие и обманутые.	
Инна Серова. Белая лошадь «Белого Шанхая».	
Сценография	12
Виктор Кузнецов: Провинциалки Северной Пальмиры.	
Мария Крамерова. Что вы готовы показать за деньги?	
Исторический слой	16
Грэйл Маркус. Фестиваль на баррикадах. Из книги «Следы губной помады».	
История песен	25
Алексей Караковский. Группа «Slade»: «Far, Far Away» («Там, далеко»)	
Консонанс	26
Дмитрий Бебенин. Тяжёлое бремя металла.	
Библиотека поэтического рока	27
«Джаз-оркестр памяти Сальери»: много лет спустя.	
Алексей Караковский. «Дж.Ор.П.С.» и его искусства	
Георгий Зыков. Сначала было Слово.	
Александр Вишнёв. Salieri not dead	
Юлия Любимова. Детство в Дж.Ор.П.С	
Песни «Джаз-оркестра памяти Сальери».	
Письма из ниоткуда	34
Антон Чёрный. Уве Ламмла: Жизнь после Берлинской стены	
Кают-компания	36
Ольга Эрлер: исторический роман в эмиграции	
Портрет писателя в интерьере	37
Андрей Моисеев. Снег и листья Асмик Паланджян	
Точные координаты	39
Василиса Сатирская. «Пятый этаж»: кухня, раскрытая настесь.	
Никита Бомкин, Рахман Кусимов, Наташа Мурштейн, Нина Криночкина, Люба Лебедева	
Василиса Сатирская. Ядерный цветок.	
Кунсткамера	43
Марлена Куяльник. Яичница для него	
Алина Халзагарова. Девочки и мальчики.	
Сетевые раскопки	44
Andrenalin.Ru	
Дикий гон	44
Бантики-в-слезах. Бывают просто тесты	
Диванчик доктора Инкфиша	46
Доктор Инкфиш. История Крокодила Гены	
Контрабандное чтиво	47
Кирилл Сторецкий. Колодец.	
Танда Луговская. Чувство справедливости	
Татьяна Романова. Песня об ангелах	
Виктор Харин. Хранители сказок, часть вторая. Выход в город	
Сказки Полянской	63
Мария Полянская. Притчи о страннике	

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЕ ГОРОДСКИЕ НОВОСТИ

• В ноябре 2010 года состоялось знаковое событие в мире российской контркультуры. Специальным распоряжением российского правительства в границах Санкт-Петербурга и Ленинградской области объявлен эксперимент по взаимному замещению художественной и объективной реальности, цель которого — оптимизация и идеализация общественной жизни. Ответственным за проведение программы назначен первый заместитель главного советника Президента РФ Владимир Ильич Ленин (Ульянов). Отчётность об обстановке в подведомственной территории осуществляется В.И. Лениным через симпатическую связь со своим телом.

• В рамках эксперимента в городе и области проведены муниципальные выборы. Мэром города избран Василий Иванович Че, пост губернатора сохранён за Красной шапочкой. Депутатами обновлённого Законодательного собрания Санкт-Петербурга стали члены Союза меча и орала, Общества рыжих, Клуба самоубийц, Знака четырёх, Партии тупоконечников / остроконечников и крайне правой организации «Рыцари круглого стола». Партия английского социализма в Думе не представлена и находится в оппозиции по всем вопросам жизни города.

• В связи с торжественным событием могилу лётчика-испытателя Карлсона посетила Президент Финляндии Муми-мама. Из других официальных лиц в Санкт-Петербург прибыли Джек-Потрошитель, на поверку оказавшийся женщиной, Железный дровосек и несколько Терминаторов разных моделей, пообещавших вернуться. В морском порту города всплыл «Наутилус», а поверх него — «Арабелла» капитана Блада. К вечеру до города дополз главный герой рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни», на полметра опередивший Алексея Мересьева, после чего прозрачные ворота захлопнулись, и заварилась нешуточная сказка.

• Перепись населения, проведённая новым руководством города, показала удивительнейшие результаты: В ГОРОДЕ ЖИВУТ ТОЛЬКО РУССКИЕ. Правда, миграционным службам города приходится пресекать попытки проникновения под видом гастарбайтеров закамуфлированных джиннов из восточных сказок, не способных ни к какой продуктивной деятельности, кроме разрушения и возведения дворцов. Службой внутренней разведки под управлением комиссара Мегрэ осуществлена запись переговоров исламских фундаменталистов с Партией английского социализма о возможном применении джиннов для повторного взятия Эрмитажа.

• Рано утром на Лиговском проспекте были обнаружены и тут же засекречены СЕПУЛЬКИ. Эту опасную спецоперацию в одиночку осуществил сотрудник отдела абсолютного счастья Дерсу Узала, большой мастер по заметанию нежелательных следов. По приказу начальника отдела Е.Коловрата сотруднику вручены красные революционные шаровары, полфунта сахара, царская дочь третьей степени и пол-царства впридачу. Для патрулирования города приглашены Тимур и его команда, инструкторы из Ночного и Дневного дозоров, а также Черепашкиндинзя под духовным руководством матери-настоятельницы Тортилы.

• В продажу поступили новые комиксы, рассказывающие пользователям Интернета о реале. Главными героями серии стали такие известные персонажи, как президент России Дмитрий Медведев, президент США Барак Обама и экс-президент футбольного клуба «Зенит» Сергей Фурсенко. Наиболее хитовая версия кроссовер-комикса «Барак Обама и Большое металлическое дерево» не только выполнена в виде паспорта гражданина Российской Федерации, но и может применяться по этому назначению.

• Проведён натурный эксперимент, сколько ангелов умещается на шпигле Адмиралтейства, что, против всех ожиданий, вызвало Смех Ярославны,

хаотичные блуждания христианских апостолов, а также сезонные изменения в расписаниях электричек Витебского и Московского направлений.

• Перед городом встала продовольственная проблема, вызванная массовым бегством Колобков. К решению вопроса привлечены консультанты, обещающие прямые поставки эльфийских лепёшек, эльфийских сухофруктов и эльфийской вяленой гоблинятины. С гномской диаспорой таки удалось договориться об открытии сети ювелирных салонов, которая ничем не поможет удовлетворению насущных потребностей города, но, с другой стороны, и не помешает. В культовом ресторане «Сытое цыканье зубом» приостановлена подпольная торговля соком мишек Гамми.

• Васильевский остров, один из Сорока Островов, заявил о выходе из Торговой федерации и провозгласил культурно-политическую автономию, в связи с чем стоимость визы была поднята с 1 анчурийского реала до 10 мёртвых душ. Ведутся переговоры о безвизовом режиме с островом Робинзона Крузо, Швамбранией и Плутонией. Мёртвые души возмущены участием в переговорном процессе полпреда Чичикова и выражают солидарность с Колобками. В ответ на это власти намереваются применить девальвацию, деноминацию и демилитаризацию любых мёртвых душ на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

• В Автово ликвидирована материализация живописи Иеронима Босха, однако на Пискарёвке тотчас открылась новая прореха — зловещий Чёрный Квадрат, пожирающий всё живое. После инспекции Ийона Тихого и Дара Ветра было убедительно доказано, что это нематериальное образование не имеет отношения к чёрным дырам, а является эмбрионом афропетербургского Гарлема, панель управления которым находится в хижине дяди Тома Алексеевского равелина Петропавловской крепости.

• При книжной лавке «Кормчая книга» организована келья-читальня для любителей спокойного неторопливого чтения, цель которой — изучение жизненного пути таких легендарных персонажей, как Иван Грозный, Иосиф Сталин, Мао Цзе Дун, и других героев любимых нами с детства книг. И правда, кто же не знает таких замечательных детских писателей, как Александр Невзоров, Владимир Соловьёв, Михаил Леонтьев, Владимир Познер? Для особо вдумчивых читателей книжная лавка предлагает переход на следующий уровень игры — одиночные камеры.

• В монастырской столовой Золотого храма проведён инструктаж по технике пожарной безопасности. План эвакуации, зашифрованный в схеме Петербургского метрополитена, освящён патриархом московским и всея Руси Кириллом. Обеспечение выполнения инструкций возложено на святую Инквизицию под управлением Кристобая Хозевича Хунты, стремящегося таким образом пополнить свою таксидермическую коллекцию.

• Как стало известно из хорошо информированных источников, блокада Ленинграда, из зависти организованная литературными реальностями соседних стран, грозит перейти в Интервенцию. Вражескому нашествию, обложившему город по контурам линии Маннергейма, сопутствуют апокалиптические приметы, предсказанные в манускриптах древности: пожирающий Солнце крокодил, крадущий Луну чёрт и выпивающая Море синица. Башня Сююмбике практически завалена, в небе участилось появление покемонов, в водах Фонтанки дважды замечено мерцающее тело Гарри Поттера. Жители Петербурга и Ленинградской области начинают уже в открытую играть в такие ролевые игры, как офис мелкой фирмы, общественный транспорт, налоговая отчётность, студенческое общежитие, очередь в супермаркете и т.д. Программа ПРОВАЛЕНА.

• Губернатором Санкт-Петербурга назначена В.И.Матвиенко.

ВООБРАЖАЕМАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Контрабанда» как панк-концепция

Алексей Караковский: Я думаю, панки — интуитивные дзен-буддисты. В идеале...

Алина Халзагарова: Не, панки — активные разрушители.

Алексей Караковский: Это первая стадия. А когда уже всё разрушено, тогда они превращаются в созерцателей.

Всё чаще я прихожу к идее, что журнал «Контрабанда» — совершенно панковский по своей идее. Причём немалая часть панковости заключается в том, что мы совмещаем в своём содержании чистый панк и полное отсутствие всякого панка. Ладно, Есенин и «Sex Pistols» на соседних страницах — это субкультурная фишка, приколом. А вот то, что и то, и то — по сути условность, легенда, апокриф — вот это уже панк. Да, символы на то и символы, чтобы оставаться универсальными, неприкосновенными, но привычные логические связи — приговорены к уничтожению. Уильям Берроуз так и сказал: «Я всегда думал, что панк — это тот, кто все просек и на это забил».

Главное в панке — не столько разрушение, сколько стратегия разрушения. Юмор — одна из таких стратегий, ведь любая шутка, анекдот всегда неожиданный, и для них нет рамок приличий. Так что наша задача — сорвать башню. Да, нам надо, чтобы люди заигрывались, теряли чувство реальности, буквально переставали владеть собой. Вот тогда всё будет очень честно и вообще клёво.

Вы спросите, что нам сделала башня, из-за чего её так необходимо сорвать? Ну-у... Предположим, нас не устраивает окружающая социальная реальность: дня не проходит, чтобы она не твердила устами навязчивых и занудных доброжелателей: «чувак, вот это нельзя, а вот здесь ты вообще конкретно не прав». Что делать? Чисто теоретически есть только два выхода. Первый — устранение этой реальности или каналов её воздействия (но к этому варианту реальность, к сожалению, чертовски неплохо подготовилась). Второй выход — сознательный идиотизм. При таком подходе ты находишься в своей реальности, но никто к тебе не подберёт ключа (вот, кстати, пусть в суде кто-нибудь на полном серьёзе опровергнет то, что Путин — инопланетянин! А мы посидим, похихикаем, очень смешно зрелище...).

Впрочем, давайте рассмотрим третий выход.

Чем пахнет революция

Ольга Топровер: ...если всем читателям крышу снесет, это пахнет революцией.

Сергей Алхутов: Революция не пахнет!

В последнее время меня часто приглашают к обсуждению статьи Ильи Тюрин «Русский характер» — что ж, она вполне годится для того, чтобы проиллюстрировать мою мысль. Помимо множества полезных и бесполезных утверждений, содержащихся в оном эссе, есть там один забавный парадокс. В начале текста автор справедливо утверждает, что «русский характер» — это, по сути, миф, придуманный теми, у кого есть в этом мифе потребность, а в конце текста пафосно предсказывает через 11 лет появление «настоящего» «русского характера», явно не

врубаясь, что для создания нового, «настоящего» мифа достаточно всего лишь 11 секунд, а то и меньше. Истинное терапевтическое значение статьи Тюрин заключается в следующем выводе (моём, а не его): ЕСЛИ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НЕ ХВАТАЕТ ОБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, СОЗДАЙ СУБЪЕКТИВНУЮ. Поясню на примере.

Итак, вы просыпаетесь утром. К примеру, вам надо на работу, а кофе уже убежал. По телеку говно, а в городе пробки. Очередная машина с мигалками сбита женщину с ребёнком, а ОМОН разогнал пятерых опасных оппозиционеров у памятника Сусанину. Хочется эмигрировать, а скоро ежеквартальная премия... Что делать в такой ситуации? Правильно! Совершить революцию и свергнуть власть. Однако мы знаем, что реализация этого естественного и законного желания в нашей стране сопряжена со множеством сложностей. Более того, в объективной реальности свержение правящего режима попросту невозможно. Что делать? Ответ прост, как дохлая рыба: РЕВОЛЮЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ВООБРАЖАЕМОЙ!

Да-да, воображаемой, и никак иначе. Революция должна быть мифом — хотя нет, это слишком громкое слово — скорее уж приколом, анекдотом, который вы расскажете на перекуре, отправите с помощью SMS любимому человеку, запостите у себя в блоге (естественно, под замком). Сравните своё настроение до революции и после! Чувствуете прилив адреналина, повышение работоспособности, повышение самооценки? Во-о-о-от!!! А вы говорили, не подействует!

Я предчувствую громкое «фэ» высоколобых интеллектуалов. Конечно, сначала они замрут, онемевшие и потрясённые, но потом наверняка придут в себя и скажут что-нибудь вроде того, что идея революции устарела, и вообще всё новое быстро приедается. Но может, всё дело в том, что вы любите погорячее? Гламурные блондиночки на простых русских порносайтах вам уже не по вкусу, японок и кореянок подавай? Да пожалуйста! Нам и не жалко! Для радикалов замечательно подойдут воображаемые теракты, воображаемые еврейские погромы и даже воображаемый массовый террор. Воинственно настроенным оппозиционерам мы рекомендуем начинать утро с мысленной препарации десятка-двух Путиных и полудюжины свежих Медведевых. Ну а если вы, наоборот, консерватор, то для повышения тонуса сгодится такая мелочь, как воображаемое возрождение СССР. Или тот же самый воображаемый русский характер, раз уж в нём возникла потребность.

Найдётся, возможно, и некий господин N., который обвинит меня в приспособленчестве и наверняка скажет, что буржуазная мораль только и делает, что переводит революцию в ранг поп-арта, лишая её опасности и смысла. Но ведь я и вправду так делаю, я действительно приспособленец, я даже этого и не скрываю! Более того, я считаю, что психически здоровый приспособленец лучше психически больного приспособленца. Ибо как ещё назвать господина N., если он, будучи честным человеком, всё ещё не расстрелян за свои убеждения или хотя бы не сидит в тюрьме? Не будучи способным на революцию в объективной реальности и добровольно отказываясь от благ субъективности, он расписывается в собственной никчёмности и в том, что самые дорогие его желания и мечты сублимируются в унылое завистливое брюзжание. Как ни крути, приспособленчество не заслуживает морально-нравственной анафемы, ибо является единственной причиной того, что участники данной дискуссии вообще появились на свет и до сих пор живы.

Игрушки и не-игрушки

Дмитрий Шушарин: *Очень многие из заметных фигур в одиозных кремлевских молодежках не только прошли через это, но и продолжают играть. (...) ...считает игрой свою агитпроповскую деятельность. Был такой случай. Я ей пишу: ну, и кто ты, милая, после этого (наврала на хорошего человека, несла черт знает что), а мне в ответ: «Разве можно судить о человеке по тому, что он пишет в интернете?». Мол, это игра такая. Раньше говорили: «Сам понимаешь, служба...». (...) Превращение публичного высказывания в часть ролевой игры — это покушение на Логос...*

Неслучайно, что теоретическая основа того, о чём мы сейчас говорим — это ролевая теория. Конечно, я имею в виду не орды толкиенистов с деревянными мечами, речь идёт о совсем уже безнадежных больных — психологах. Ну сами подумайте, как можно было додуматься до так называемого «символического интеракционизма», согласно которому человек — это не только его индивидуальность, но и совокупность представлений о ней со стороны окружающих? Более того, оказывается на людях все мы играем какие-то Роли — Отца, Матери, Сына, Дочери, Дон Кихота, Чайника, Папы Римского — да, в общем, кого угодно, «в зависимости от сорта травы», как говорили в добрые старые хипповские времена.

Однако и здесь заложена отличная потенциальная возможность. Мы-то с вами, конечно, люди взрослые, и понимаем, что все эти концепции в чистом виде — бред сумасшедшего, стремящийся нас подчинить и классифицировать. Но, с другой стороны, возьмём ситуацию человеческой беззащитности и даже, пожалуй, безнадежности (я имею в виду не только нагоняй от начальства или сессию на первом курсе, но, скажем, поездку в общественном транспорте, где ничто не оградит вас от скуки и рекламы). Что реально может спасти, когда спасти уже ничего не может? Правильно, мгновенный уход в себя! Именно в этот момент полезно вспомнить о существовании психологии и искренне поиграть в то, что жизнь — игра. Скажем, на разное у начальства или при сдаче зачёта представить себя боевиком с автоматом. Ну а в маршрутке можно, например, обкатать идею, что ты — Симон Боливар, скачущий на белом коне. Или Че Гевара. Кому как нравится.

Тут можно додуматься до всякого. Например, что ты — президент Медведев (ясно же, что справиться с президентскими обязанностями лучше, чем Медведев — это как нефиг делать, если в воображении). А потом вспомнить, что обычно ты оппозиционер — и возненавидеть самого себя. Ну или другое какое столкновение социальных ролей выдумать: некоторые в маршрутке и вовсе занимаются рефлексией на тему того, какую сексуальную ориентацию принёс сегодня подъём не с той ноги. Ну, во всяком случае, у них лица такие... Шучу.

Как бы то ни было, сама природа одарила нас волшебной, неземной, фантастической формой подполья — мыслительной деятельностью. Никто пока ещё, слава Богу, не может читать наши мысли, да и пересказывать их бесполезно: так уж устроен понятийный аппарат нашей речи, что любая мысль, переходя в словесный формат, сама собой уточняется, конкретизируется и, как следствие, интерпретируется, меняется. Это означает, что быть подпольщиком очень просто, и ничуть не сложнее оставаться безнаказанным подпольщиком. Главное, не забывать об этом.

В обычной среде у революционера до последнего времени практически не было врагов. Некоторую опасность представляли лишь СМИ, но даже пассивно сочувствующая масса населения по сей день презритель-

но называет телевидение «зомбоящиком», а о газетах и вовсе молчит, ибо «читает, сколько оторвёт». Их задача, как и задача контрреволюции вообще, заключается в поддержании актуальности традиционных верований, в постоянном акценте на зудящей, не дающей покоя разнице между уничтожением человека человеком в гитлеровских и сталинских лагерях, между фашистами и патриотами, между «нашими» и «не нашими». Но если обычный, вульгарный контрреволюционер неукоснительно серьёзен, а его миссия проповедника не терпит легкомысленного к себе отношения, то, к несчастью, рано или поздно всегда находится другой, гораздо более опасный враг, который стремится внутрь тебя, искушает тебя (да-да, там, в пустыне с Иисусом тоже был именно он!), скрывая свою сущность и внедряясь под маской даже не друга, а тебя самого. Он, как и мы, тоже по-своему пытается внушить, что «в реальности всё не так, как на самом деле», но цель этого «разрыва логических связей» — не свобода, не панк, а порабощение PR-стратегиями, политическими доктринами, претензиями на истину в последней инстанции. Он превращает твоё сознание в искромсанное софистикой и НЛП решето, и в этом содержится его главная вина, ведь насилие над разумом, принуждение его — это именно то, что мы, революционеры, не приемлем, и с чем будем бороться до последней капли крови. Многие в этой жизни говорят нам о том, что эта капля крови не будет воображаемой, как вы, возможно, подумали...

Подводя итоги вышесказанному, хочется сказать: просторы человеческого воображения безграничны. Используйте их эффективно и будьте здоровы! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВООБРАЖАЕМАЯ РЕВОЛЮЦИЯ! Или, иначе говоря, ВООБРАЖАЕМАЯ СВОБОДА ИЛИ ВООБРАЖАЕМАЯ СМЕРТЬ!

Алексей КАРАКОВСКИЙ

ИЛЬЯ-ПРЕМИЯ. КОНКУРС «РУССКИЙ ХАРАКТЕР: НОВЫЙ ВЗГЛЯД»

«... Собственно, мы живём в то время, когда будет поставлен окончательный диагноз. И в ближайшие десять лет станет ясно — жить нам или умереть. Но если силы для генерации русского характера у нас остались, то для его появления требуются приличная власть и немного исторического покоя. Есть только один «аргумент» в пользу того, что такие условия в России создадутся: этих двух вещей одновременно на нашей почве ещё никогда не было».

Из статьи Ильи Тюрина, «Русский характер» (1999)

Поставленные в «Русском характере» вопросы не только не потеряли своей актуальности за минувшее десятилетие, но стали еще острее. Акция пройдет в рамках ежегодного литературного конкурса «Илья-премия». Она предназначена для всех желающих принять участие в разговоре о драматических судьбах русского народа и России.

При отправке рукописи просим сообщать имя, возраст, место проживания, образование, социальный статус - профессию. Жанр — на усмотрение автора. Объем для статей — не более 35000 знаков. Возрастных ограничений не предусмотрено, но более всего наш призыв адресуется к молодежи! Не будем забывать, что Илье, когда он писал статью «Русский характер», было только 19 лет!

Материалы принимаются по адресу: ilyadom@yandex.ru. Сроки проведения: с 1 октября по 31 декабря 2010 года. Итоги конкурса будут подведены в мае 2011 года — на фестивале «ИЛЬЯ-ПРЕМИЯ: ПЕРВЫЕ 10 ЛЕТ». Победители награждаются дипломами лауреата и участника и призами. Работы, признанные Жюри конкурса лучшими, будут опубликованы на сайте «Дом Ильи», Портале молодых журналистов ЮЮ.ру, в альманахе «Илья» и журнале «ЖУРНАЛИСТ».

Дополнительная информация о конкурсе на сайте ДОМ ИЛЬИ:

<http://ilyadom.russ.ru/dit2holl/dit2konkurs/>

ILYAPREMIА.RU

БИБЛИОТЕКА АТЛАНТИДЫ

Не все эти книги написаны, но каждую из них мы рекомендуем!

Бог. СЕПТУАГИНТА

Издание Александрийской библиотеки

Как известно, Септуагинта — это перевод Ветхого Завета на древнегреческий язык, осуществлённый в III—II веках до н. э. в Александрии. По преданию, царь Птолемей II Филадельф заказал перевод книжнику Элеазару, а тот перепоручил его 72 переводчикам семитского происхождения. Каждый из них работал в отдельной изолированной келье. Когда же переводы сличили, то их текст совпал слово в слово. Работа над изданием, вошедшим в итоге в Александрийскую библиотеку, демонстрирует блестящий и, пожалуй, наиболее древний пример использования литературных негров, а точнее — еврейских мудрецов. После написания Септуагинты не раз раздавались голоса, предлагающие ввод термина «литературные евреи», но Платон сразу сказал, что всё уже было.

Алексей КАРАКОВСКИЙ, Сергей АЛХУТОВ

Эмиль Дюркгейм. О САМОУБИЙСТВЕ

Париж, XIX век

Знаменитый французский социолог Эмиль Дюркгейм часто натёкался на самоубийц. Одни топились в реке, другие стрелялись, третьи при виде учёного незамедлительно лезли в петлю. Обладая пытливым умом, французский учёный решил исследовать закономерности поведения самоубийц в неволе, их жизненный цикл, особенности брачных игр и спаривания, для чего совершил одиночное антарктическое путешествие на корабле «Бигль» и дважды облетел вокруг земли на пилотируемом астероиде класса Хк.

Надо сказать, что к концу XIX века самоубийцы обычные (*suicidare vulgaris*) и вправду имели большее распространение в Евразии и Северной Америке. В наше время их ареал и общая численность заметно уменьшились в результате изменения природных ландшафтов, урбанизации, массового истребления и самоистребления. Во многих регионах мира самоубийцы находятся на грани полного исчезновения, хотя в крупных мегаполисах их популяция всё ещё остаётся стабильной. В качестве одной из ключевых жертв самоубийцы играют важную роль в балансе малых групп. Всего выделяют примерно 32 подвида самоубийц, различающихся по ролевым и агрегатным характеристикам. На территории Российской Федерации чаще всего встречаются обыкновенный (*s.c.lupus*) и необыкновенный (*s.c.non-lupus*) самоубийцы. Правда, по современным представлениям о филогении суицидалов, группа самоубийц полифилетическая, следовательно, непригодная для использования в качестве таксона.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

ВИНОДЕЛИЕ. Люди, которые вызывают у вас чувство вины

Москва, 2010.

Уникальное издание, предлагаемое вашему вниманию, представляет собой краткое изложение основных принципов норвежского буддизма, сформулированных в 2002–2008 году знаменитым будхисатвой Чжуан Гумбертом Йоханссоном. Учитель, выходец из южной Лапландии (фюльке Нур-Трэнделаг), испытал просветление при восхождении на великую гору Гальхёпигген, после чего провёл долгих три года в оди-

ночестве на далёком маяке Линдеснес. В 2004 году будхисатва покинул маяк, после чего там открыли музей норвежского буддизма. Последние годы жизни Учитель провёл в городе Йоккмокк на севере Швеции, посвящая молодых монахов и давая советы паломникам. Книга представляет собой записи бесед, поделённых по темам: «Северное сияние как энергия просветления», «Обморожения и нирвана», «Восемь оттенков снега — восемь видов энергии ци», «Техника айкидо в малице и унтах». Особая часть книги посвящена «виноделию» — особой духовной практике, заключающейся в остром чувстве вины, которое ученик испытывает по отношению к Мирозданию, живому миру планеты и даже камням под ногами. При покупке книги вы получаете скидку 25% на путёвку в Йоккмокк, где при могиле будхисатвы Чжуан Гумберта Йоханссона (в 2008 году Учитель, медитируя, был заживо заморожен в ледник) открыт Всемирный центр изучения норвежского буддизма, горнолыжный курорт и Диснейленд. Дети до пяти лет летят в Йоккмокк бесплатно!

Алексей КАРАКОВСКИЙ

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТАБЛИЦЫ БРАДИСА

Москва, 2010.

В настоящем издании (втором, юбилейном) под редакцией Н.С.Номенко переосмысливаются значения синусов, косинусов, тангенсов, котангенсов, мантисс десятичных логарифмов, биномиальных коэффициентов и пр. Переосмысленные значения указанных математических функций несомненно дадут новое понимание математических процессов в отдельно взятом субъекте инферальной федерации. В книге имеется поэтическое предисловие, автор которого прямо указывает на то, что прежние значения синусов, косинусов, тангенсов и т.д., ошибочные по своей сути и содержанию, но верные по форме, послужили основой отклонений в развитии как бы естественных наук и привели к явлению, известного под названием «парадоксальный тупик», то есть ситуации, когда наука вроде и есть, но на самом деле ее вроде и нет.

Издание оформлено в готическом стиле и снабжено кнопкой «скачать бесплатно». Для широкого круга читателя.

К. НЕПОМА

СЕМЕЙНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Увлекательнейшее сочетание утопии и антиутопии, практических рекомендаций и запредельной фантастики, детективной увлекательности и жёсткого порно. По неизвестным причинам до сих пор книга не пользовалась особой популярностью. Но теперь выходит новое издание! Расширенное и дополненное! Среди приложений: «Азбука секса от А до Ё-П-Р-С-Т», «Учимся целоваться взапас. Скрытые опасности», «Алименты. Быть или не быть» (приложение выпускается в мужской и женской версиях), «Авторы кодекса в пикантных ситуациях» (съёмки скрытой камерой), а так же аудиодиск с анекдотами о Вовочке.

Глянцевая обложка со встроенной подсветкой сделает эту книгу поистине настольной, а аромат дезодорированных страниц принесёт в ваш дом ощущение покоя и уюта. Список ароматов: 1) для женщин; 2) для мужчин; 3) для тех, кому за 30, а они ещё не определились.

Первым ста покупателям бонус: мы не станем предлагать им видеоконспект «Весь Петросян». Спешите!

Ирина СКАР

КРАСНАЯ РЕКОНКИСТА

Теночтитлан, 2015. Бумага: глянец, золото, сафьян. Печать: подлинная кровь авторов.

Скандалная книга, запрещённая в Мексике, по слухам, была издана на деньги Фонда Сороса. Романтика горных перевалов, партизанского радио, красно-синих перьев священной птицы Кетсаль, смертники гвардии Монтекумы, торжественная клятва верности революции на могиле Панчо Вильи и Эмилиано Сапаты — вот те взрывоопасные компоненты, которые предопределили возрождение ацтекской национальной идеи, борьбу против мексиканских полукровок-бастардов, уродующих собой чистоту богоизбранной расы. Авторы книги, пожелавшие остаться неизвестными, были тайно казнены в застенках мексиканской Инквизиции.

Сергей Алхутов, Алексей КАРАКОВСКИЙ

Василий Фруктов. «ХЗ» (серия «Русский роман»)

Откуда есть пошла русская земля? Так ли плохи русские, как о них все думают? Кто не виноват? И что не делать? На эти и другие вопросы вы не найдете ответов в новом, долгожданном романе популярного писателя Василия Фруктова. Как всегда Фруктов пишет ядреным, крепко сбитым, жутко матерным языком, действие книги динамично, эпоха сменяет эпоху, исторические персонажи выпуклы, яркие и притягивают взыскательный взгляд читателя. Вне всякого сомнения «ХЗ» встанет в один ряд с лучшими романами русской литературы и уже в следующем году сможет побороться за «Русский Букер».

Мария СКРЯГИНА

— .. — . — — — .. — . —
 . — — — .. — . — — — .. — . — — — .. — — — — —

Москва, издательство «Радиотехника», 2010

«Титаник. Неизвестные радиogramмы»+1CD — это впервые опубликованные воспоминания Гарольда Брайда, бывшего радиста «Титаника».

Кто виноват в гибели судна? Кто и как соблазнил капитана? Где Абрамович прячет свои миллионы? В книге приводятся радиogramмы с «Титаника», рассекреченные министерством Юстиции США только в 2009 году.

Книга полностью написана азбукой Морзе. Для тех, кто не знаком с азбукой, в конце книги приведена таблица, позволяющая легко осуществить самостоятельный перевод морзянки на английский язык. Вместе с книгой идет CD с аудиозаписью книги. Текст телеграфирует автор.

Рустам КАРАПЕТЬЯН

Органолептическое исследование наличия присутствия жизненных разумных форм за пределами границ цивилизации

Москва, Садовое кольцо, Издательство «Наш двор», 2213 г.

Сей академический, и по правде сказать — героический, труд Ивана Бурлака раз и навсегда ставит точку в извечном и животрепещущем вопросе современности: «Есть ли жизнь за МКАДом?». Автор, не убоявшись стинуть в необозримом пространстве за гранью существования, совершил в одиночку мужественный и беспрецедентный марш-бросок за МКАД.

Каждая строка книги вопиет, каждая буква топорщится необыкновенно вдумчивым и трезвым подходом автора к исследуемой субстанции. Да! — кричит нам автор из невыносимого далёка, — там есть

жизненные формы! И, знаете, ему хочется верить. И веришь, вглядываясь в снимки, порой не лучшего качества из-за вредного влияния среды, ощущая всеми фибрами тела великую правду мироздания.

Свершилось, друзья мои! Наши споры, порой переходящие в рукопашные схватки, наши смелые и фантастические предположения, пусть и рождённые во время застолий, нашли наконец своё научное обоснование. Герой, бунтарь-одиночка, мечтатель, верящий, что мы не одиноки на этой планете, он открыл нам дверь в непознанное! Да здравствует победа разума над косностью предположений.

Настоятельнейше вам рекомендую эту книгу для изучения. Это книга-шок, это книга-откровение, да что там, не было ещё в истории книги более сенсационной и в то же время с таким трепетом душевным, описывающей инородные и порой пугающие флуктуации социума в суровой, природной среде. Читайте, и я уже завидую вам, — не читавшим. У вас впереди столько ошеломляющих открытий!

Ника ХАБАР

ЧЁРНЫЕ КОПАТЕЛИ — МИФ ИЛИ ВСЕМИРНЫЙ ЗАГОВОР?

Мстислав Пузиков. АСТ, 2012

Рязанский публицист Мстислав Харитонович Пузиков, знаменитый своими скандальными и сенсационными трудами, такими как «Пельмени — новая форма жизни?», «Муравьи-шкуродёры решили захватить мир», продолжает будоражить умы читателей новыми открытиями.

Продолжая серию авторских расследований, начатую двухтомником «Продавцы мороженого — пути спасения человечества от инопланетян», в новом своём труде автор поднимает насущную тему спасения нации от иноземной угрозы. Приводя множество доказательств и оперируя десятками достоверных источников, Пузиков приводит читателя к мысли о подозрительности интереса темнокожих учёных-палеонтологов к костям мамонтов севера России. Не боясь преследования и угрозы физической расправы, смелый Пузиков открывает миру страшную картину всемирного заговора негров-палеонтологов, в который оказываются вовлечены спецслужбы крупнейших стран мира, секты «Аум Сенрикё» и «Свидетели Иеговы». Как часто это бывает в трудах Мстислава Харитоновича, не обходится здесь и без «пятой колонны».

Однако отметим и пару безусловных минусов издания. Во-первых, это абсолютно неуместные полуголые негрятки на обложке. Как упоминает сам автор, среди «чёрных копателей», участвующих в заговоре, женщин практически нет, и подобное несоответствие очень сильно режет глаз. Во-вторых, рисуя в последней главе возможные варианты развития событий, автор оставляет читателю надежду, говоря о возможном спасении от захвата мира «чёрными копателями», что представляется совершенно неуместным. Это уже совсем не тот Мстислав Харитонович, которого мы знаем и любим — беспристрастный и бескомпромиссный. Ну и в-третьих, безусловно, следует отметить значительное ухудшение авторского стиля. Предложения выглядят более связными, количество трёхэтажных нецензурных конструкций, которые мы все так любим, значительно меньше, чем раньше. Похоже, что с каждой новой книгой в Пузикове остаётся все меньше и меньше былого крестьянского задора, и это не может не огорчать.

В любом случае, эта прекрасная книга, несомненно, найдёт своего читателя, несмотря на то, что все мы обречены.

Андрей СКОРОБОГАТОВ

В уходящем году издательство «Рипол-классик» выпустило роман Эльвиры Барякиной «Белый Шанхай». Этот факт, возможно, не вызвал бы бурного обсуждения, если бы не сама писательница, загодя готовившая общественность к событию. Специально для раскрутки книги был создан ряд авторских Интернет-проектов, самым известным из которых стал портал Avtozam.com, повествующий о правилах написания бестселлера. Почитатели сайта, среди которых превалировали, естественно, писатели, ждали романа как Идеальной Книги — тем более, что многие фрагменты обсуждались и чуть ли не писались здесь же, на сайте. Однако, вместо Откровения читатели получили Разочарование. Самой же писательнице, явно не ожидавшей шквала критики, остаётся и вовсе только посочувствовать.

Что же случилось? Не сработал рецепт успеха? Или Эльвира Барякина сама по каким-то причинам решила его нарушить? Пытаясь разобраться в этой драматичной истории, мы решили опубликовать две статьи, посвящённых одной книге, — мнение литературного критика и мнение издателя.

ФЕНОМЕН “БЕЛОГО ШАНХАЯ”: ОБМАНЫВАЮЩИЕ И ОБМАНУТЫЕ

Первое: по первом прочтении, изумленно: неужели ЭТО можно обсуждать всерьёз? Второе: по втором прочтении и вглядывании: может, я чего-то существенного, важного не понимаю — и надо в этих рассыпах букв, хм, искать жемчужину, поэзию искать — образную находку, яркий сюжетный поворот, драгоценности русского языка, тайну сверхзадачи? Ищу... не нахожу... И третье, самое печальное: почему же все об этом «Белом Шанхае» говорят-говорят, — и не даже не столько о романе, сколько — о самой его создательнице?

Итак: в чем секрет пиара, даже если он крепко, по-русски называется — антипиар? А может, и пиара-то никакого нет?

«А была ли девочка?»

Дама решает прославиться — что ж тут позорного?

У каждой книги есть своя мифология. Чем крупнее личность автора, тем безусловнее и ярче конкретный книжный миф.

Каждому рожденному на свет художнику, если он серьезно занимается искусством, выпадает счастье отправить в мир — в форме книги, симфонии, полотна, спектакля, танца, рисунка, песни — послание: фрагмент своей души. Еще никогда произведение искусства, владеющее сердцами и умами, не было создано по рациональному расчету, из-за желаний прославиться. Большое сердце — большое искусство. Мне возразят: а порочный Есенин, что бил бутылки в кабаках и дрался в кровь, а порочный Оскар Уайльд, что мальчиков любил, а порочный Обри Бердслей, а порочная Сафо, а... Какие угодно человеческие пороки могли быть им, гениальным, «даны в нагрузку» к Большому Сердцу. Его биение не спутать ни с чем. Оно слышно через века, через толщу времени.

Эльвира Барякина написала и издала в 2010 году от Р. Х. роман «Белый Шанхай». Из названия явствует тематика. Белая эмиграция в Китае, что ж, прекрасно. Историческая вещь. Тоже хорошо. А вот автор, я никогда не слыхала о ней, это дебют — или она уже что-то написала и издала? Написала. И издала. Улыбку у нормального писателя вызовут эти издания.

Детективчики в формате покет-бук: «Русская Никита», «Фабрика гроз». Какие-то из этих коммерческих поделок написаны в соавторстве. Потом —

Торжество компьютерной графики: в этом записанном кукольном персонаже легко угадываются черты самой писательницы.

роман «Неопалимая»: впервые на арене появляется исторический мотив, гражданская война в России. Два героя мыкаются по просторам Родины, поднятой на дыбы властной рукой революции. Русские Бонни и Клайд? Роман разругали критики; издательство не продало маленький тираж; во-прос был снят с повестки дня, и автор сама удалила текст из Сети.

«Ж. Замечательных людей» и «Женщина с большой буквы Ж»: коммерческое легкое чтиво — такие поделки рынок выплевывает на прилавки тысячами. Ах да: еще издан «Справочник писателя: как написать и издать успешную книгу». Подобная утилитарная продукция тоннами выпускается на Западе. «Если мои книги не идут — надо УЧИТЬ людей, как писать и продавать книги!»

Автор прекрасно понимал, что «Справочник...» — не Великая Литература, и мало чем отличается от кулинарной книги. Как написать и разрекламировать книжку, как испечь вкусные оладушки... Да-а-а, женское это дело... Но не царское. А царские звездные имена Бунина, Толстого и Булгакова сияли высоко и недосыгаемо.

Что же делать безвестному автору? Как добиться вожделенной славы? Интернет — двигатель прогресса! Самопиар в Интернете — ну кто ж его запретит! В блогах и в Живом Журнале автор начинает раскручивать свой новый проект «Белый Шанхай».

Она рассказывает, как книга пишется. Какие в ней будут герои. Как она летает из Америки в Китай, чтобы посмотреть цвет моря, почувствовать запах реки, увидеть тот Шанхай, о котором она пишет книжку (конечно, город сейчас иной, но все равно!). Как она создает сайт романа, и добро на сайт пожаловать, и прочитать восемь страниц книжки, что соберет лавры, шумный успех, славу! И — да, постепенно собирает заинтересованная публика. Публика следит за «шанхайскими» новостями в блогах. Публика комментирует завлекательные посты. Публика ждет романа — очень ждет, подчеркиваю!

И вот роман выходит. Выходит живой книжкой, в издательстве «РИПОЛ-классик», тираж — 15 тысяч экземпляров. Покупай не хочу, читай не хочу! Тем более, что и в Сети появляется тоже. И что?

• РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ

Здесь в хорошем театре режиссер сделал бы огромную загадочную паузу посреди спектакля. Мхатовскую паузу.

Роман читать — это вам не дрова колоть

Перед народом, перед людьми читающими оказался текст, на который наша героиня делала серьезную ставку, утверждая, что «теперь все будет хорошо», видимо, памятуя прошлые книжные неудачи.

Мнения публики разделились. Кто-то хваливал новоиспеченный роман. Кто-то изумленно хватался за голову: и ЭТО вы называете литературой?! Автор вынужден был читать реплики и из лагеря поклонников, и из лагеря «ненавистников».

Передо мной те самые сакраментальные восемь страниц на сайте книги. И, точно, впала в оцепенение. Это писатель, который в ЖЖ позиционирует себя мэтром, учителем? «Служил он в церкви Святого Николая Чудотворца, что НА УГЛУ Калашниковского проспекта». «ОСТАТКИ белой армии погрузили на корабли — ржавые, из милости оставленные японцами после РАЗГРОМА 1905 ГОДА». «Российский флаг бился ОТ ВЕТРА». «Воды Мирового океана БЫЛИ голубыми, а СТАЛИ бурыми».

Вчитывание давало поразительные результаты: неуловимое, но ясно чувствуемое ОТСУТСТВИЕ того, что называется русской прозой.

Не веря себе, я попросила глянуть на эти восемь страниц двух мастеров: мощного, талантливого русского писателя, автора прекрасных книг, переведенных на двенадцать языков, он и в финалы русского Букера входил, и лауреат всяких других престижных премий, — и еще критика, сильного, молодого, умного, смелого. Думаю: может, разберутся, отгадают хитрую загадку! Писатель ответил сразу. «Сайт посмотрел. Текст прочитал. Не проза, нет. Такое впечатление, что писала машина». Критик откликнулся тоже сразу. «Текст «Шанхая» ужасный, пластмассовый. Но ужаснее всего то, что это будут читать...»

Меня заставила задуматься последняя фраза критика. «Ужаснее всего то, что это будут читать». Что за обман тут кроется? Что за скорбный секрет?

И я дочитала «Белый Шанхай» до конца.

«Белый Шанхай» с птичьего полета

Я пыталась отыскать в романе нечто важное. Нечто такое, что ОПРАВДАЛО бы позиционирование этого текста как «явления года» и «звездного проекта». И вот что я там нашла.

Роман заявлен как исторический. В нем масса исторических подробностей, документальности. Но вне художественного наполнения текста они выглядят как холодная, будто из энциклопедии, КОНСТАТАЦИЯ ФАКТА. И чем более факт констатируется, подается как реальный и непреложный, тем более ему не веришь. Прием «паззла», «складывания фактов в копилочку» без искусства не сработал.

Я пыталась следить за сюжетом, мысля так: ну хорошо, текст часто откровенно неграмотный — эх, хорошего бы редактора этому «Шанхаю», там на каждой странице стиливых огрехов — как из рога изобилия! — но зато, наверное, автор закрутит та-а-а-акой сюжетец обалденный, ведь китайский Шанхай, экзотика Востока, русская эмиграция с ее богатейшими традициями и великой трагедией, люди разных стран в этом азиатском Вавилоне... о, что сейчас будет!

Самое странное и необъяснимое: Я НЕ НАШЛА В РОМАНЕ СЮЖЕТА.

Набор эпизодов, поверхностно, бегло даже не написанных, а намеченных. Странная скачка от одной ситуации к другой. Диалоги скудные, скучные, отрывистые — словно у всех героев «обрублены хвосты» живой человеческой речи, как у породистых щенков, чтобы все были «по ранжиру»; словно дыхание живое у людей отнято. Может быть, они все говорят голосом Эльвиры Барякиной? Я стала читать эмигрантский эпос еще внимательнее.

Станный жесткий лаконизм, доходящий до стиливого скупердяйства, а именно — до полной выхолощенности, до создания мертвой фразы, похожей на пустую бутылку: снаружи блестит, а внутри вина нет. Что это, апофеоз объективизма? Может, это новый, ОТЪЕДИНЕННЫЙ ОТ АВТОРА стиль прозы XXI века, такой, с позволения сказать, идеальный сценарий, а читатель безнадежно устарел со своей любовью к Достоевскому, Толстому, Павичу, Пастернаку?

И вместе с тем — странное, отталкивающее сочетание отсутствия сентиментов (жесткое лаконичное письмо призвано помочь этому якобы «мужскому», «бестселлерному» стилю) и чисто женского сюсюканья: «Клим отвел ТРЕПЕЩУЮ Аду к гримерке», «Лишь бы каждый день встречать ее, ВЗВОЛНОВАННУЮ, ЖДУЩУЮ, целовать в губы и С ВОСТОРГОМ думать: «Родная моя...» Дешевая, паточная, сладко-сиропная стилистика бульварных романов того времени, думала я, создание исторического колорита... это автор так специально делает... Может, все вообще СПЕЦИАЛЬНО? Может, это такой изысканный постмодерн? Достоверный исторический колорит? Тогда как понять рассыпанные там и сям по тексту странные полублатные выражения нашего времени — вот вам прелестное словцо «по новой», словно излетающее из уст нынешнего школьника или наркомана в подъезде: «И все по новой: восклицания и объятия». Люди тех лет не могли ТАК сказать, так подумать. Читая, я догадалась, что это просто любимое выражение самой Барякиной, и она употребляет его в тексте романа не раз — бессознательно, «на автопилоте»:

«А вот поди ж ты, познакомился с Ниной, и опять все по новой: огонь в глазах, в голове — сладкая неразбериха».

Хорошо еще, барякинские герои не говорят «как бы», «сто пудов», «как-то так», «капец», «кирдык», «чисто конкретно», «в натуре, без базара», «вполне себе». А может, и говорят?

«— Месье Лемуан, как называется самая хорошая гостиница в Шанхае?

— «Астор Хаус». А вам зачем?

— Для общего развития».

Выражение «для общего развития» — выражение последнего полувека, типичная формула советской системы образования. В 1920 году так не говорили — словами школьного госстандарта 1960-х... А ближе к финалу романа один из героев и вовсе «ПСИХАНУЛ»...

«Назар сидел и ВОЗБУЖДАЛСЯ». «Если будешь меня слушать, всегда будешь при деньгах. Ты работаешь ЛИЦОМ, я — МОЗГОМ, понятно?». «Пришел, напачкал СОБОЙ». «Америка и Европа на пороге новой эры: молодые женщины больше не согласны быть ПРИЛОЖЕНИЕМ к мужчине». «Как ты там, моя Золушка? Не тесны ли хрустальные башмаки? НЕ ЖМЕТ ЛИ ПРИНЦ по ночам?». «Ни одно европейское правительство НЕ БРАЛО КАДЕТОВ. Ходили слухи, что их РАЗДАДУТ ПО СЕМЬЯМ и частным пансионатам». «Ада выбрала себе молодого поджадного полицейского С УГОЛОВНЫМ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ».

Улыбаетесь? Смешно? Да. Если бы не было так грустно.

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ

Кадры эпопеи мелькают. Ощущение, что я сижу в плохом кино, и недотепа-режиссер даже не знает, как делать стыки кадров и связи мизансцен. Эта книжная раскадровка обреченно обваливалась на меня, я в ней тонула, судорожно нащупывая теряющуюся нить повествования, а главное — не понимая, ЗАЧЕМ все это сделано, зачем написано.

С «идеальным сценарием» я бы согласилась, если бы он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** тут присутствовал. Но за отсутствием сюжета (и за присутствием лишь огромного набора сцен, где герои делают то, это и еще вот это) думать о книге-сценарии представлялось невозможным. И прежде всего вот почему. Я не чувствовала главного, что в искусстве живет и делает его живым: **ОБРАЗА**. Образ книги — это художественный образ, и на нем держится все здание романа, будь роман величиною с Библию, неважно.

Образа нет — есть герои. Слишком много героев. Люди мелькали, появлялись, опять исчезали — непонятно, неоправданно. Ну, допустим, такой прием создания романной толпы, эффекта многонаселенности («как во всех мировых эпопеях»). Но все эти люди проходили мимо как манекены, как декорации. Они не из плоти и крови — они выдуманы, сделаны, сконструированы, скопированы из прочитанных исторических книжек, а более всего — из Интернета. Как скопированы из Интернета, увы, и подробности романа, бегло и отрывочно изображающие шанхайский колорит.

Итак, передо мной все яснее вырисовывался весь невероятный парадокс «Белого Шанхая»: схема, набор накиданных в «копилку» ситуаций, чуть сдобренных (роман-то исторический) подробностями политики тех лет, экономики тех лет, военных действий тех лет. Схема, да! Но схема странно невнятная, рассыпающаяся на фрагменты паззла. Схема, которая на глазах разваливалась, **ПЕРЕСТАВАЯ** быть схемой.

Я все еще думала: может, это такой художественный прием... такой абсурдный, необычный... В один прекрасный миг я сказала себе: прекрати себя обманывать. Этот автор достаточно уже обманул наивных и доверчивых читателей, представив им свой опус как супершедевр.

Барякина хочет создать напряженность сюжета — а получается набор эмоционально вялых эпизодов, там, где читатель ждет наибольшего саспенса, взлета. Она плотно утрамбовывает разнообразной информацией главы, воображая, что это интересно — а на самом деле читатель теряется в обилии имен, диалогов, фактов, событий. Иной раз в одной главе спрессовано столько сведений, что их с избытком хватило бы на хороший, цельный роман.

Но, читая, я обнаружила еще один парадокс этого текста.

Я уже не замечала корявостей. Я не останавливала взгляд на проплывающих, как в китайских джонках, мимо меня людях. Gladко, гладко вился, тек, втекал в сознание текст. И я поняла: да ведь это обычная дамская **ГЛАДКОПИСЬ!** Как вышивание. Есть канва, она определена; и есть множество разноцветных нитей, почему бы не заняться рукоделием?

Этот парадокс — гладкопись и авторская отстраненность, безэмоциональность при всем безусловном напряжении и высоком эмоциональном градусе реально изображаемых ситуаций — привели к еще более странному ощущению: время и люди в романе Барякиной **НЕ ДВИЖУТСЯ, А СТОЯТ**.

Да, статика. Стилиевая и пространственная статика. С какого места ни открой «Белый Шанхай» — все будет одно и то же. Ты наткнешься на тот же унылый авторский рассказ; на тот же жесткий метрритм диалогов; на ту же атмосферу то ли скучной яви, то ли тяготящего

сна. Манекены разговаривают, да, у них человеческие голоса! Но от этого они не перестают быть манекенами.

И — новое удивление: оказывается, те первые главы романа, те восемь пресловутых страниц, на сайте выложенных, именно корявостью своей, неграмотностью, антирусскостью, смешной вычурностью — и **ЦЕПЛЯЛИ!** хотя бы возмущение вызывали! — а когда роман потек гладко и скучно, тоскливо, как-то слишком обыкновенно (при всей реальной **НЕОБЫКНОВЕННОСТИ** жизни Шанхая того времени — и жизни русских в нем!), я поняла: это не что иное, увы, как **ОПИСАТЕЛЬНОСТЬ** — банально, но факт: самое тоскливое, что может быть в тексте. «Спички, сахар, соль и мыло — это было, было, было...»

Сколько писателей описывало реальность, похоже или непохоже. И лишь единицы — ее — **РОЖДАЛИ**.

И вот что важно. «Белый Шанхай» — знаковая для автора вещь. Эти герои и эта тема — революция, гражданская война, эмиграция — преследуют Барякину, они предопределены в ее психике, в ее «обреченном на успех» психотипе. Барякина серьезно думает, что с развевающимся флагом этой темы — русские, «унесенные ветром» революции — она уж точно теперь прославится! сомнений нет.

Когда автор писала роман и рекламировала его в Интернете, никто и думать не думал, что «Белый Шанхай», оказывается, центральная часть триптиха, а приквел к нему будет называться «Аргентинец». Стремительно, за пару месяцев написанный «Аргентинец» всем, кто знаком с феноменом Барякиной, мог ясно сказать лишь о том, что он написан (переписан) с уже существующей «Неопалимой»: там — гражданская война в России и жизнь главных героев, Нины и Клина, «Бонни и Клайда», до эмиграции в Шанхай. Что ж, никому не возвращается переделывать старые книжки! Только не надо их за новые выдавать. А впрочем, кому какое дело...

Еще одно впечатление: торжество клише и штампа. «Работа вновь закипала». «Избитый пленник словно читал его мысли». «Он обещал, что все будет, — сказал, вернувшись, полковник Езерский, бледный от гнева». Таких устойчивых законсервированных словосочетаний в романе много. И они, как любой стереотип, тоже наводят погребальное уныние. Великий ход — клише и штамп превратить в искусство! Но подать клише и штамп **КАК** большое искусство — это уже не великий ход, а дешевая хитрость.

Нет, Эльвира Барякина отнюдь не хитрила, когда писала эту книжку: допускаю, она писала ее увлеченно, абсолютно искренне, вкладывая в нее, судя по всему, **ВСЕ** без остатка более чем скромные литературные способности, которыми на тот момент времени обладала. Превратить ходульных персонажей в живых людей — вот чудо! Но превратить живых людей в ходульных персонажей, изъясняющихся четко, коротко, почти офицерскими командами и солдатскими выкриками — это надо суметь.

И все же под конец чтения этот роман меня чем-то нереальным, чем-то призрачным привлек. Через ткань, сотканную и вышитую Барякиной, я **УВИДЕЛА** то, что могло быть: какими могли быть Клим и Нина, какими могли быть Ада и Даниэль. Они незаметно сами погрузились в свое собственное пространство, которое сами себе и выстроили — вне Барякиной, даже вопреки ей — как дом, в котором **МОЖНО** жить.

Да, если вообразить, что роман — толчок к чему-то иному, к другой книге, к вдохновению другого автора, тогда можно посмотреть на него как на **ЭСКИЗ** к живой, настоящей, печальной и веселой книге, согретой мощными образами, излучением живых, радостных и тра-

• РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ

гических героев. Даже как на нелепый эскиз к сценарию гениального фильма — при условии, что сценарий напишет гениальный сценарист. Как на рваную затравку к написанию цельной пьесы — только пусть ее напишет гениальный драматург.

И чтобы там, в пьесе или в фильме, был живой, а не мертво спящий с неких «исторических источников» Шанхай. Воображенный и рожденный мощным художником. Чтобы Клим и Нина избавились от ходульных фраз и рубленых выкриков, а смеялись, обнимались, плакали, предавали, писали письма, видели вокруг себя смерть и все же жили, жили — по-настоящему.

Призрак не оперы

Наверное, в этом сочинении еще сокрыто много всего, что вызовет недоуменные вопросы у читателей, отнюдь не тугоухих, хорошо слышащих музыку русского слова, интонацию русской прозы; у редакторов-профи; у литераторов; у людей культуры.

Жажда «написать и издать бестселлер» пересилила все. Книга действительно написана и реально издана. И автор нынче пожирает не только сладкие плоды.

Надо было не писать «по бестселлерному канону» — как можно проще, без лишних слов, здесь историческую вставку, здесь не забыть шуточку ввернуть, а здесь героя убить, а здесь пусть герои поцелуются, только очень быстро, — а образ внутри держать, не упускать чувство, драматургическую интуицию, которая ведет тебя — и безошибочно проведет через огромное пространство-время, как провела Льва Николаевича через миры «Войны и Мира». Не учебники по писательскому мастерству читать (и коммерчески переписывать) надо, а к себе продираться, осознать и выразить авторское «я»!

А ведь настоящий бестселлер пишется **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОЧЕНЬ ПРОСТО**. И, чем проще, тем лучше! Я серьезно. При условии, если автор — художник! Все крутые, наикрутейшие бестселлеры мира действительно просты и прозрачны: что «Робинзон», что «Том Сойер», что «Отверженные», что «Поющие в терновнике», что «Мастер и Маргарита». **НО!** Куда ж мы денем «Улисса», «Братьев Карамазовых», Голдинга, Андрея Платонова, Елинек, Пруста? Или это все не бестселлеры?

Ну да: это все просто великие книги. Несмотря на то, что они — сложные. Сложно написанные. Сложно построенные. Сложно — через край — нагруженные... судьбами, образами, интонациями, монологами, правдой, иррациональным... землей и небом... Простота — великая школа. Верно взятый тон, если... Опять я как пономарь: если за этой простотой много, много чего стоит. Если под крышкой сундука — богатства, сокровища. Искусство — это ведь не точка, а **ОБЪЕМ**.

Неужели редакторы крупного столичного издательства не увидели за этим огромным текстом, похожим на букет констатаций фактов, на компиляцию из придуманных биографий и увлеченных в книжках и старательно скопированных «в копилочку» исторических подробностей, призрак пустоты?

Жалобная песня о маленьком авторе

Что же в «Белом Шанхае» есть... хорошего? Нет, честно, что, вообще все вот так, из рук вон?

Хорош лаконизм, видимая простота текста — если бы не была столь нарочитой. Хороши иные мизансцены — если бы не их прими-

тивное воплощение, они могли бы притянуть читательское внимание. Хорошо, дерзко задумана главная героиня, Нина Купина — она в романе настолько мещанка и приспособленка, что надо было десятикратно усилить эти ее негативные качества, чтобы из героини сделать антигероиню, и это был бы художественный шаг! Но Нина так и осталась раскачиваться между положительной «русской дамочкой», которой надо сочувствовать, и холодной расчетливой лисой, которую даже возненавидеть нельзя — ибо бледно, вяло изображение «лисы».

Думаю: а может, Барякина просто еще... маленькая? Ну, незрелая еще, как писатель, такой литератор-недоросток? Может, эта чудовищная гордыня, это безмерно раздутое желание учить всех и вся, записывание себя с ходу в бестселлерные исторические романистки — всего лишь детская болезнь, всего лишь бравада молодости, и **ЭТО ПРОЙДЕТ!** Пройдет еще десять лет, и...

...и что? Мы увидим настоящего писателя, настоящего художника Барякину? ...нет, наверное, через десять лет квазиписательский зоб автора раздуется еще больше, Мэл Гибсон снимет фильм по «Шанхаю», а Кемерон — по «Аргентинцу», и из-под ее пера (пardon, из-под бойких пальчиков...) будут выходить — вылетать — на шумящий книжный рынок — роман за романом: сиквелы, приквелы...

Рынок, рынок. Опять рынок. Куда ж мы от него денемся? Ведь и голливудские режиссеры просчитывают рынок; может, Барякина свой шанхайский рынок хорошо просчитала? Тогда наверняка должны быть дореченки «великого романа».

Что ж, будем наблюдать торжество пошлости. Она теперь нова и свежа; на ней — вуаль 1920-х годов и яркая китайская камисолька. Если раньше писали бульварных книжек и не записывали себя в великие писатели, знали свое рыночное место, то новая генерация барякиных кричит нам в уши: «Мы гениальны! Мы — Великая Литература! Уважайте, покупайте, читайте нас и восхищайтесь нами!». В кошмарном сне мне видятся клоны Барякиной — поверхностно образованные и дико напористые «селф-мэйд-мэны» и «вумэны», наплывающие на литературу, как солдаты Урфина Джюса; они кричат: «Пришло наше время!»

Не будем о кошмарах. Верю, что дар неистребим. Что художник выживет. Что его сердце бьется, бьется. Мне Барякину часто отчего-то жаль. Так яростно борется она за литературное место под литературным солнцем. Так искренне работает по десять часов кряду. Трудолюбие должно быть вознаграждено; сказка о Золушке в очередной раз затуманит восторженные умы Элиных блогеров.

Жаль Барякину. Жаль охмуренного простого «читателя из народа», кому все равно, что поглощать, лишь бы было «интересенько» да еще разрекламировано. Жаль искусственного, прекрасного русского читателя, ищущего настоящего писателя и настоящего открытия — и нагло обманутого. Но Барякина «запрограммирована на успех», и никто ее не остановит: в том, чтобы стать знаменитой, все равно каким способом, она видит цель своей жизни. Способ стать писателем международных бестселлеров — подходит, окей. Только вот стал ли бестселлером «Белый Шанхай»?

Резюме очень простое и жесткое, в духе рубленых барякинских диалогов: **ЧТОБЫ СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ, НУЖЕН ТАЛАНТ.**

Так все просто. Но талант не холодного компилятора, не искусного копировщика, не хитрого складывателя паззлов, а великий талант художника. С живой душой и большим сердцем.

Елена КРЮКОВА

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ «БЕЛОГО ШАНХАЯ»

Скажу честно: я «Белого Шанхая» не читала. Я вообще редко что читаю «просто так», поскольку слишком много всего приходится читать в связи с профессиональной деятельностью. Я издаю книги, нон-фикшн (то есть разнообразную популярную литературу). Мое небольшое издательство входит во вновь образовавшийся холдинг «Азбука-Аттикус». За два года издано около 200 книг, совокупный тираж — порядка 3000000; в месяц издаем в среднем десяток новых проектов, штук пять допечаток.

Пишу книги сама; пишу синопсисы; редактирую; пишу на наши книги аннотации-задники; иногда, в особенно пиковые моменты, приходится выступать и в роли корректора; обсуждаю с художниками все обложки; веду переговоры с представителями торговли. Придумываю и осуществляю пиар-акции. Иногда приглашают на ТВ; иногда приходится давать интервью.

Итак, я не читатель, я издатель. Потому не могу оценить роман «Белый Шанхай» как художественное произведение. Но могу сказать несколько слов о позиционировании проекта и стратегии самораскрутки автора.

Писательницу Эльвиру Барякину долгое время принимали за современную Золушку, которую распознали в замарашке, отмыли и сделали принцессой. В роли принца на белой лошади выступил «Рипол», который прозорливо разглядел зачатки лонгселлера в романе «Белый Шанхай».

Однако недавно независимые источники назвали сумму, в которую обошлись Эльвире и ее спонсорам отношения с «принцем». Это весьма большие деньги, на которые была произведена печать БШ, разработана и запущена пиар-стратегия. При всей непомерности этой суммы для русского человека среднего достатка приходится констатировать: да, без этих денег ничего бы не состоялось.

Объясню на пальцах. Меня как издателя спрашивают, может ли такое быть: мне присылают текст, я его читаю, «влюбляюсь», публикую несезонную книгу сразу тиражом 15000, организую серию пиар-мероприятий. Отвечаю: да, может, если при этом мне сдадут деньги на печать и пиар.

Спрашивают: а без денег? Отвечаю: мне может понравиться текст; тогда я сделаю пробный тираж — 5000 экз. — и посмотрю, как он будет продаваться. Если вдруг «выстрелит», можно говорить о продвижении. Если нет, то нет. Я не знаю, что будет востребовано на рынке; он непредсказуем.

Спрашивают: вы читаете все тексты? Отвечаю: упаси Боже. Только те, которые считаю нужным.

Спрашивают: почему можете счесть нужным? Отвечаю: потому что я знаю, что тема выигрышная; потому что востребован жанр произведения; потому что автор уже писал на эту тему в этом жанре и книги его отлично продаются. Если все эти критерии удовлетворены, то я стану разбираться с текстом, а читать его насквозь — только если мне понравится описание книги (нечто среднее между аннотацией и синопсисом).

Теперь разбираемся с «Шанхаем». Я издатель, мне предлагают издать роман, я думаю, читать его или нет. Тема: тема русской эмиграции до сих пор не была апробирована рынком. Захотят люди покупать книгу об эмиграции или нет, большой вопрос. Жанр: исторический роман не пользуется на современном рынке большой популярностью; все зависит от автора, конечно. Автор: Э. Барякина писала на околоэмигрантскую тему в жанре исторического романа. Роман «Неопалимая» был опубликован в АСТ в 2005 году тиражом 5000 экземпляров. Проект провалился, книга в жестком переплете 384 страницы продается на Озоне сегодня за 45 р.

Итак, предварительные критерии не удовлетворены: я не стану разбираться с этим текстом и читать его, потому что он обладает всеми

предпосылками, чтобы, будучи изданным, не продаваться. Как издатель мне он неинтересен.

Если же автор приносит мне деньги (не взятку!), это совсем иные отношения. Есть о чем говорить. Мы договариваемся таким образом. Все риски — его. Он макетирует свою книгу, оплачивает производство, все необходимые мероприятия для раскрутки, раз ему так хочется крутануться. Я со своей стороны предоставляю ему свой брэнд и ресурсы (связи со СМИ, торговлей и пр.). Могу разработать и представить на утверждение пиар-стратегию. Могу нанять исполнителей.

В случае если проект окажется удачным, мне оплачивают мою работу, использование моего брэнда и я получаю долю прибыли. В случае если проект гибнет, мне оплачивают мою работу и использование моего брэнда. Дополнительные тиражи я как издатель издаю за свой счет (или на паритетных с автором началах, это регулируется доп. соглашениями), со второго и последующих тиражей автор получает роялти. И да: я не обязана читать этот текст.

На сегодня ситуация такова. Из 15000 тиража за полгода продано 12000. Оно, в общем, неплохо, на круг выходит 2000 в месяц. Но продажи встали. Остаток 3000 экз. рискует превратиться в неликвид (как случилось в свое время с «Неопалимой»). А деньги на рекламу и пиар, из тех, что были вложены в проект, уже израсходованы. Без этого локомотива, по-видимому, книгу практически не продать.

С озвучиванием суммы миф о Золушке разлетелся. Это можно и нужно было предвидеть. Полагаю, что тут сказался пофигизм пиарщиков: работаем «от сих до сих», остальное нас не волнует. В результате автор «подставился», куча народу выводит его на чистую воду, топчется и топчет. Этого нельзя было допускать.

Ошибки, которые я выделяю как издатель:

1. Неверное позиционирование романа на рынке. Нужно было представлять БШ, например, как новые «Унесенные ветром» (я об этом писала в сообществе «Без воды» в ЖЖ).

2. Отсутствие профессиональной разработки пиар-линии автора.

3. Формальное отношение к таким формам раскрутки, как интервью, выступления в СМИ (скажем, пиарщики должны были следить за теми, чтобы факты, представленные в одних и других сюжетах, не противоречили друг другу).

4. Особым пунктом — претензии к автору (не как к человеку, но как к продвигающему себя писателю). Как надо было подавать себя, чтобы избежать негатива в свой адрес? Я бы акцентировала внимание на своей целеустремленности; не озвучивая суммы, сразу заявила бы, что она была вложена в дело, в мою писательскую карьеру; рассказывала бы, как развивается ситуация, отбиваются ли деньги и пр. Такая подача вызывает уважение. Еще вариант: заявить «на берегу», что рассказ о пути к успеху будет выложен только после получения несомненных доказательств успеха (скажем, когда будет подписан в печать крупный доп. тираж). Такая подача создает интригу.

Резюмирую свои мысли. Несмотря на справедливость точки зрения, что текст книги должен быть хорошим, как издатель я уверена: ценой соответствующих усилий можно привлечь внимание к любому книжному продукту. Вопрос денег и грамотных стратегий.

Деньги в БШ вложены немалые. А вот стратегии оказались непродуманными. Это наглядный урок, как не надо позиционировать книгу и автора, если хочешь создать бест — и — тем более — лонгселлер.

Инесса СЕРОВА

ПРОВИНЦИАЛКИ СЕВЕРНОЙ ПАЛЬМИРЫ

Провинциальные актрисы, покорившие столицу Российской империи в последней четверти XIX века... Незаурядные королевы сцены Полина Стрепетова (на репродукции) и Мария Савина несомненно добились бы шумного успеха и в любом другом городе. Но великими их сделал именно Санкт-Петербург...

Полина Стрепетова

Дождливым вечером 4 октября 1850 года парикмахер Нижегородского театра Антип Стрепетов вышел из дома запереть ворота и закрыть ставни. На крыльце — в измороси и тумане — он обнаружил тряпичный сверток, из которого послышался детский писк и выпали два куска колотого сахара. Принеся находку домой, Антип Григорьевич позвал квартального. И, посоветовавшись с женой, отказался сдать новорожденную девочку в полицейский приют. Приведя священника, супруги Антип и Елизавета Стрепетовы окрестили приемную дочь Пелагеей...

Тайна происхождения выдающейся русской актрисы Пелагеи (Полины, как она сама себя называла) Антиповны Стрепетовой так и не была разгадана. Поговаривали, что ее появление на свет — результат бурного романа водевильной артистки Глазуновой, ушедшей из театра примерно за полгода до рождения девочки, и гвардейского офицера Алексея Балакирева, отца знаменитого композитора и пианиста. Полина Стрепетова, когда ей довелось уже взрослой встретиться с актрисой Глазуновой, была удивлена ее беспричинной враждебностью: «Если эти рассказы не праздная болтовня, невольно покажется странной такая вражда ко мне человека, не имеющего со мной ничего общего. Если бы мы состояли в одном амплуа, возможно было бы предположить зависть. Но наши амплуа диаметрально противоположны».

Родная мать маленькой Поли — была ли это Глазунова или другая женщина — осознанно выбрала брошенной дочери приемных родителей. В семье Стрепетовых кроме собственных детей уже рос усыновленный мальчик Ваня, найденный двумя годами раньше в темном подвале рядом с умирающей роженицей, обманутой богатым купеческим сыном. Супруги никогда не кичились своей сострадательностью, не трезвоили о ней на каждом углу, а делали то, что подсказывало сердце...

В доме Стрепетовых почти каждый вечер собирались актеры. Но там никогда не велось разговоров о высоком назначении искусства, призвании, долге, служении сцене... И все-таки сердце подрастающей Поли при малейшем упоминании об актерской профессии замирало от счастья. На подмостки она впервые вышла в семилетнем возрасте в роли мальчика в двухактной французской драме «Морской волк». С того незабываемого дня театр стал главным в ее жизни.

Домашние поначалу не поддержали устремлений дочери. Если бы не суровые обстоятельства (Антип Стрепетов страдал запоями, а Елизавету Ивановну брали уже только на вторые роли старух), Полине пришлось бы пробиваться на сцену совершенно самостоятельно. «Она чрезвычайно неуклюжа, неповоротлива и нехороша собой. С ее ли грацией мечтать о сцене? — вслух говорила приемная мать. — Если даже впоследствии и окажется способность, то будет играть комические роли...» Такая оценка встречала понимание окружающих. Черты лица девушки-подростка казались резкими и неправильными, фигура — нескладной: из-под платья выпирали худые ключицы и лопатки... А искривленный болезнью позвоночник производил впечатление горба. «Вам бы стать учительницей или гувернанткой», — советовала преподавательница французского языка в воскресной школе. «Нет-нет, я непременно буду актрисой», — твердо отвечала юная Полина.

И Елизавета Ивановна, подгоняемая жестокой нуждой, согласилась пойти навстречу желаниям дочери. По договоренности с антрепренером из Рыбинска («...жалование вы назначите сами, если убедитесь в ее полезности») она захватила дочь с собой. Антрепренер, набравший актеров не по таланту, а по принципу «числом поболее, ценою подешевле», заставил четырнадцатилетнюю девочку несколько месяцев проработать бесплатно. Поля с упоением исполняла все, что поручат, и к концу сезона он выплатил ей по 18 рублей месячного жалования (актер с амплуа первого любовника зарабатывал у него 30 рублей в месяц).

Основу репертуара в Рыбинском театре составляли водевили и мелодрамы — с пением, танцами и сценами самоубийств. Но карьера Полины началась со спектакля по драме Алексея Писемского «Горькая судьбина», где девушка подменила заболевшую вдруг исполнительницу главной роли. Игра юной актрисы вызвала не только бурю аплодисментов, но и восторженные похвалы газетных рецензентов. Так уже к концу первого в жизни сезона дебютантка завоевала возможность самой выбирать себе роли. И остановилась на пьесе Петра Боборыкина «Ребенок». Благодаря ей спектакль имел невиданный в Рыбинске и Ярославле успех.

Через два года в Симбирске игру Стрепетовой увидел писатель Владимир Соллогуб, рассказавший о ней известному антрепренеру и режиссеру Петру Медведеву: «Вот, батенька, вы всегда разыскиваете молодые таланты: поезжайте-ка в Симбирск, посмотрите актрису Стрепетову. Это такой талантище, что может прогреметь на всю Россию».

Медведев послушался и поехал. Но в дни его пребывания в Симбирске актриса не была занята в спектаклях. Он пошел к ней на квартиру, где застал, по его собственному выражению, «...какую-то нечесаную, неумытую, некрасивую женщину в стоптанных туфлях». Никому не известная актриса («без внешности и гардероба» к тому же) осмелилась запросить у него 75 рублей в месяц. Возмущенный Медведев тогда хлопнул дверью. Но уже через два года в Казани он чуть ли не на коленях умолял ее согласиться на 75 рублей за каждый спектакль. И эта цифра была вскоре увеличена...

Закончив сезон, Полина в тот год со множеством дорогих подарков помчалась в Нижний, где застала родителей в печальном состоянии. Отец почти не поднимался с постели, но постоянно требовал

водки. Мать больше не играла на сцене — сезон в Рыбинске, первый для дочери, в ее жизни оказался последним...

Десятилетие свое актриса Стрепетова встретила в самарской труппе, которой руководил воспитанник Малого театра Александр Андреевич Рассказов. Театр Рассказова не шел ни в какое сравнение со всем другими, где Стрепетова играла прежде. Руководитель, сам обладавший выдающимся комедийным талантом, очень серьезно относился к подбору кадров. У него служили молодые актеры с университетским образованием. Это были приобретшие вскоре широчайшую известность Александр Ленский, Модест Писарев, Василий Андреев-Бурлак... Оказавшись в высокоинтеллектуальной среде, Полина Стрепетова принялась восполнять пробелы собственного образования и актерской культуры — изучала литературу, музыку, французский язык...

На сцену она выходила почти ежедневно. Скромная приемная дочь театрального парикмахера становилась самой общественно значимой актрисой России. В переполненных до отказа залах она заставляла зрителей думать, сопереживать, содрогаться, плакать. «Если вы еще не видели госпожу Стрепетову, — идите и смотрите. Я не знаю, бывала ли когда-нибудь наша сцена счастливее, чем стала теперь, с приездом этой в полном смысле артистки-художницы...» — так, объявляя Полину Антиповну одной из лучших актрис эпохи, писала казанская «Камско-Волжская газета».

И. С. Тургенев на ее спектаклях заливался слезами и говорил: «Выучиться так играть нельзя. Так можно только переживать, имея в сердце искру Божию». Владимир Иванович Немирович-Данченко, отметив, что высот, коих успела достичь Стрепетова, «... не достигали многие столпы российской сцены», называл ее явлением редким, феноменальным. А знаменитый адвокат А. Урусов подчеркивал: «Только в спектакле г-жи Стрепетовой приходится видеть, как восторг, производимый горестными, а не радостными эмоциями, охватывает публику».

На спектакли с участием «звезды» стало трудно попасть. Случались, конечно, и конфузы. Глеб Успенский, например, много слышавший об «этой знаменитой Стрепетовой», был полностью разочарован ее исполнением роли кокетки-обольстительницы в переводной комедии «Кошка и мышка»: «Пришел посмотреть выдающийся талант, а увидел неопытную и некрасивую актрису, которая старалась выглядеть светской дамой и у которой это явно не получалось». Писатель прохотел весь вечер и с тех пор находился в полной уверенности, что над ним кто-то зло пошутил...

Параллельно со сценическими победами к актрисе Стрепетовой приходила и страстная любовь. Первым в ее жизнь вошел актер Михаил Третьяков, выходивший на сцену под псевдонимом Стрельский — нагловатый, малоталантливый, но, благодаря бархатному баритону, срывающий аплодисменты в водевилях и опереттах. Полина Антиповна, чтобы не разлучаться с ним, в том же саратовском театре мадам Сервье пела ненавистные ей куплеты... Стрельский открыто изменял ей, издевался. И она, ожидая уже ребенка, сбежала от него в Казань.

В большом волжском городе Стрепетова опять примкнула к самарской труппе и через некоторое время сблизилась с одним из крупнейших деятелей русского театра Модестом Ивановичем Писаревым, удочерившим ее дочь от Стрельского Марию. Полина Антиповна подарила Писареву сына Виссариона. Но безоблачным счастье было совсем недолго. Большинство свидетелей звездного романа утверждает, что мягкий и спокойный Писарев (его считали самым благовоспитанным человеком среди русских актеров) оказался жертвой крутого и бескомпромиссного нрава своей возлюбленной-максималистки. Для нее если уж любить, то ничего не взвешивая и

не рассчитывая. И она требует от избранника такого же горения, такой же экзальтации, такого же полного растворения в ней...

Писарев, сбежавший было от Стрепетовой и поспешивший сообщить, что в его жизни появилась другая женщина, возвращается с мольбой о прощении... Она прощает мужа на короткое время, венчается с ним в церкви, но в ноябре 1881 года насовсем уходит от него. Друзья Писарева заваливают Полину Антиповну мольбами о прощении, тщетно просят смягчиться и одуматься. Но она непреклонна. Модест Иванович продолжал по-отцовски заботиться об удочеренной им Марии. По-своему любивший Полину Стрепетову до гробовой доски, он делал все, чтобы вернуть бывшую жену. Но та согласилась встретиться только накануне его кончины от тяжелой болезни.

Стрепетова уезжает в Петербург, поступает в труппу Александринского театра, знакомится с писателями Тургеневым, Островским, Чеховым, художниками Репиным, Ярошенко. И играет, играет, играет...

В Александринском театре на долгие годы развернулась жестокая борьба за первенство между двумя выдающимися актрисами того времени — Полиной Стрепетовой и Марией Савиной. Стрепетова, по всей видимости, виновата в этом конфликте больше, чем Савина...

Амплуа ведущих актрис Александринки мало соприкасались друг с другом: Стрепетовой больше удавались трагические роли, Савиной — романтические. Главным инструментом почти неподвижной на сцене Полины Стрепетовой был ее завораживающий голос — металлический, с хрипотцой; Мария Савина, наоборот, обладала журавлиной пластикой... Полина Антиповна по своим манерам до конца дней оставалась прямолинейной и неуживчивой простодушкой. Мария Гавриловна, выглядевшая светской дамой, превосходно чувствовала себя в аристократических салонах, была остроумна, дипломатична и чутко реагировала на запросы зрителей, на новые литературные веяния. Она любила сцену не меньше, чем Стрепетова. И тоже немало сделала для развития театрального искусства в России. Незаурядным актрисам стать бы подругами и союзницами, а они нередко сходились чуть ли не в рукопашную. Столкновения, как правило, провоцировала Стрепетова...

На очень короткое время актрис сблизило несчастье, охватившее почти всю страну — в 1891 году в Поволжье вспыхнул жестокий голод. И Стрепетова, которую коллеги не раз обоснованно обвиняли в скарденности, без всякого шума и громогласных заявлений отправилась с сыном на Волгу все свои драгоценности — включая врученные когда-то вазы и серебряные венки... В следующем году в Саратове Полина Антиповна встретила с театральной труппой, оказавшейся в безвыходном положении из-за полного отсутствия сборов. Заранее отказавшись от возвращения долга, она отдала коллегам все бывшие при ней деньги... Савина в те дни была полностью солидарна с соперницей. Несколькими годами позже Мария Гавриловна основала в Санкт-Петербурге Дом ветеранов сцены, доныне носящий ее имя...

В начале 1891 года Полина Стрепетова вновь вышла замуж. Окружающие сочли этот брак мезальянсом. Избраннику актрисы, чиновнику Государственного управления по делам печати Александру Дмитриевичу Погодину, всего 28 лет, а ей — 40. Но новобрачные чувствуют себя счастливыми. Погодин, правда, безумно ревнует жену к прошлому, к увлеченности сценой, ко всему связанному с театром... И, когда его переводят по службе в Москву, решительно требует, чтобы супруга немедленно ехала с ним. Стрепетова отказалась — именно в эти дни в Собрании художников шли ее спектакли. 31 января 1893 года Погодин предупредил жену, что в случае нового отказа покончит с собой. И вечером 1 февраля, когда Полина Антиповна подтвердила свое несогласие, застрелился.

Родные Погодина во всем винили Стрепетову. Она и сама жестоко казнилась: «Я могла, могла удержать его от этого...» И почти целый год не выходила на сцену. Только в начале новой зимы в Петербурге вновь появились афиши с именем Полины Стрепетовой... Сезон 1897 года она почти без всякого успеха играла в театре с претенциозным названием «Чикаго». В 1899 году вернулась в Александринку с контрактом «на роли драматических старух» и вновь завораживала публику в «Грозе» и «Без вины виноватых». Но уже в следующем сезоне Санкт-Петербургская контора императорских театров отказала Стрепетовой в продлении ангажемента: «Это не входит в наши предложения, и потому Вы можете считать себя свободной от службы». На прощание актрисе вручили «всемилошнейший подарок — брошь с рубинами, сапфирами, жемчугом и бриллиантами из кабинета его Императорского Величества».

С той осени актриса, на спектакли которой так недавно люди специально приезжали в Санкт-Петербург, выступала только в концертах и на благотворительных вечерах. Она не могла жить без сцены и была рада теперь заменить и капризничавшую артистку оперетты, и привередливого «героя-любownika»... 4 октября 1903 года — аккурат в день своего 53-летия — актриса после двух тяжелых полостных операций умерла от рака в больнице общины сестер милосердия Белого креста. Когда навестившие Стрепетову коллеги сказали в утешение, что она достаточно послужила русскому театру, умирающая открыла глаза и гордо ответила: «Театру Савина служит. Я служила народу».

Преждевременная кончина спасла Пелагею Антиповну от участия в новой трагедии — ее сын Виссарион Писарев, успешно окончивший университет, Высшие дипломатические курсы и работавший в российском посольстве в Турции, покончил жизнь самоубийством. Эгоистическая любовь матери не позволила молодому человеку жениться на полюбившейся ему девушке, и именно это (у избранницы через некоторое время появился другой) привело к катастрофе...

Дочь Стрепетовой Мария Писарева, обладавшая, по свидетельству современников, немалым артистическим дарованием и имевшая шансы на сценический успех, не смогла преодолеть сопротивление матери, утверждавшей, что в театре невозможно честным путем достичь независимости. Мария Модестовна вынуждена была стать учительницей. И до конца дней не чувствовала себя счастливой...

Мария Савина

Марии Савиной, пережившей Стрепетову на 12 лет, довелось в свое время посперничать с совсем другой Полиной — Виардо.

В последние годы своей жизни Савиной страстно увлекся Иван Сергеевич Тургенев. Писателю шел уже 61-й год, актрисе не было и 25-и. Она, вызывая восторг публики, играла Верочку в спектакле «Месяц в деревне». По первоначальному плану режиссера актриса должна была исполнять главную роль. Но она сама выбрала героиню, казавшуюся всем, в том числе и Тургеневу, второстепенной. И смогла сыграть ее так, что на глазах изумленных зрителей юная девушка превращалась в душевно зрелую женщину. Потрясенный автор, примчавшись в ее гримуборную с огромным букетом роз, воскликнул: «Неужели эту Верочку я написал?!» Савина бросилась Тургеневу на шею и поцеловала в щеку.

Назавтра писатель и актриса на вечере в пользу Литературного фонда читали диалог из его новой комедии «Провинциалка». И хотя подошедший к ней Ф. М. Достоевский ядовито бросил: «У вас каждое слово отточено, как из слоновой кости... А старичок-то пришепеты-

вает», с того дня между Тургеневым и Савиной началась теснейшая дружба. Такая, что Полина Виардо — давняя мучительная страсть Ивана Сергеевича — оказалась практически забытой... Савина прежде всего была своя, родная, русская. И в ней было то, чего уже не хватало там — она блистала и очаровывала своей молодостью.

Летом 1881 года актриса гостила в Спасском-Лутовинове. И в день годовщины свадьбы друзей писателя Полонских опять кинулась Тургеневу на шею и поцеловала его... Но уже через несколько недель она из Перми прислала Ивану Сергеевичу письмо, где сообщала о своем предстоящем замужестве... Скрепя сердце, Тургенев отвечает ей пожеланиями счастья и радости и уверяет в неизменности дружеских чувств. Брак Савиной временно расстраивается, и Тургенев в письмах к ней вновь строит планы совместной поездки в Рим или Венецию. Пишет он часто, как правило — через день. И не скупится на нежные фразы. «Милая Мария Гавриловна, — признается, — я Вас очень люблю — гораздо больше, чем следовало бы, но я в этом не виноват».

За год до собственной смерти уже тяжелобольным Тургенев поедет к знаменитому невропатологу Жану Шарко — хлопотать о приеме прибывшей для лечения в Париж Савиной. Он будет радоваться ее намерению отдохнуть в Италии, примется рекомендовать ей Флоренцию, вспоминая собственное пребывание в пленительном поэтическом городе... Но умрет Иван Сергеевич все-таки в окружении семейства Виардо со словами: «Ближе, ближе ко мне, и пусть я всех вас чувствую около себя... Настала минута прощаться... Простите!..»

В 1908 году — через четверть века после кончины великого писателя — в большом зале Академии Наук была организована тургеневская выставка, где представлялось все, связанное с его жизнью и творчеством. Перед большим портретом Тургенева каждое утро появлялся огромный букет роскошных пурпурных роз. Привозила свежие цветы и ставила в вазу ведущая актриса Александринского театра Мария Гавриловна Савина... В тургеневской драме «Месяц в деревне» игравшая теперь — по возрасту — уже не Верочку, а Наталью Петровну. А еще у нее были роли в чеховских «Чайке» и «Иванове», во «Власти тьмы» Льва Толстого, в «Ревизоре» Гоголя...

«У Савиной был далеко не безупречной красоты голос, — подчеркивал один из ведущих в то время театральных критиков. — Лицо Савиной далеко не было лицом красавицы. Но между голосом, между манерой говорить, лицом, жестами была какая-то совсем особая безупречная гармония». Замечательной русской актрисой интересовалось еще множество мужчин — весьма успешных, знаменитых и состоятельных.

Тайную страсть к Марии Савиной испытывал, например, и знаменитый русский юрист Анатолий Федорович Кони. Сохранилась их обширная переписка, где Мария Гавриловна, остро нуждаясь в дружеских советах, делилась своими радостями и горестями. В 1883 году, например, она, расстроенная царившими в Александринке порядками, вознамерилась уйти из театра. И Кони доказал всю пагубность ее опрометчивого решения. «Савина, — писал он ей, — не есть только имя личное; это имя собирательное, представляющее собой соединение лучших традиций, приемов и преданий с талантом и умом. Вы сами по себе школа. И должны как солдат стоять на бреши, пробитой в искусстве нелепыми представителями театральной дирекции».

Мария Гавриловна была на десять лет моложе Анатолия Федоровича. Но умерла на двенадцать лет раньше — в 1915-ом, когда Кони шел уже семьдесят второй год...

Виктор КУЗНЕЦОВ

ЧТО ВЫ ГОТОВЫ ПОКАЗАТЬ ЗА ДЕНЬГИ?

«Только для женщин», «Только для мужчин»... Эти ограничения в искусстве не новы. Какой же за ними кроется смысл? Разве не ущербно то, что включает в себя ограничивающий фактор? Оказывается, нет. На самом деле это простор для коммерции, ищущей свою целевую аудиторию — не случайно при разговоре о гендерном искусстве в голову сразу приходят «женские романы» и женские глянцевики журналы.

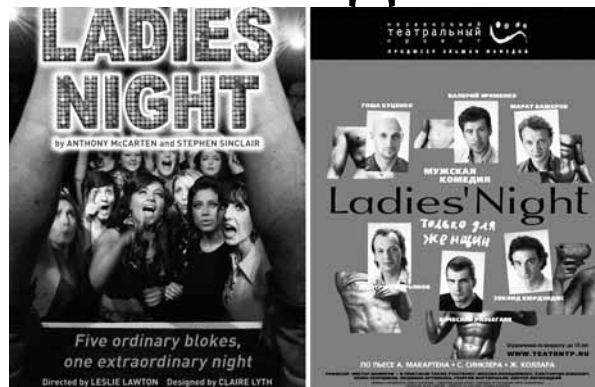
Трудно отрицать: большинство театров выкручиваются как могут, чтобы хоть как-то существовать, ведь «высокое искусство» их не кормит. Антреприза, разовый коммерческий проект, суть которого — действительно заработать, помогает им удерживаться на плаву, но художественная ценность таких постановок, как правило, не превосходит среднего романа Дарьи Донцовой. Впрочем, такая задача ими и не ставится.

Однако, даже на этом фоне спектакль «Ladies night» поразил своей одиозностью.

Очередным парадоксом сейчас является отсутствие значимых событий в культурной жизни столицы. Может в других городах, таких, как Санкт-Петербург, всё по-другому, судить глобально об этой проблеме сложно. Каждый месяц радует нас очередными премьерами, но радость пропадает, стоит только увидеть очередной «шедевр». Никто не говорит, что обязательно нужно ставить скучную классику или что-то чересчур современное, но если подходить к делу, нужно продумать всё до мелочей, начиная от музыки, заканчивая режиссурой. Многие люди привыкли думать, что театр — это скучно, но это совсем не так, часто бывает очень даже весело. Так что я могу определить три категории спектакля: 1) скучно 2) весело 3) то, что действительно нравится. Естественно, третья категория самая редкая, но слава Богу, она существует!

Ни для кого уже не секрет, что современный театр время от времени занимается зарабатыванием денег, и достаточно неплохих. Но стоит ли больших денег то что нам показывают? Я думаю, нет. В пример приведу, наверное, самый знаменитый сейчас антрепризный спектакль «Ladies night» — «Только для женщин».

Если полистать страницы интернета или журналы, вроде звучит заманчиво: «Мужская комедия по пьесе Энтони МакКартена, Симона Синклера, Жака Коллара. О том как шестеро безработных друзей собираются в баре и понимают, что надо что-то делать. На глаза по-

Афиши русской и не русской версии

падает объявление в газете о том, что за вход в бар, где показывают мужской стриптиз, каждая дама должна выложить 200 долларов. Безумная идея приходит внезапно: самим организовать группу стриптизеров, которая будет доводить до неистовства женскую аудиторию ночных клубов». Ограничение на вход до 16 лет, цены билетов доходят до 6 тысяч рублей. За такую стоимость можно сходить на концерт известного певца!

Билеты выкупаются на два месяца вперед, афиша пестрит именами новых «секс-символов» России — таких, как Гоша Куценко, Марат Башаров, Петр Красилов, Дмитрий Марьянов, Вячеслав Разбегаев, Михаил Полицеймако, Валерии Яременко. Да, много известных актеров, просто так их всех не собрали бы! Конечно, любому заинтересованному человеку хочется пойти посмотреть.

Итак, я с трудом достала два не слишком дорогих билета, пошла со знакомым, интересно было услышать мужское мнение тоже. И вот мы в зале! Уже в фойе заметила, что дамы готовятся к чему-то особенному. Все какие-то ненормально взволнованные, обмахивающиеся веерами или всем, что попадет в руки. Редко, но всё же виднелись в зале мужчины. Спектакль начался. И с самого начала поток слов «Х...», «П...» и «Ж...» открытым текстом поразил слух, прибив к креслу. Не скажу, что мне это понравилось, однако дамы бальзаковского и пост-бальзаковского возраста реагировали бурно. Несомненно, «помогла» еще и откровенно-вульгарная дама, сидевшая впереди и очень громко реагировавшая не на «там, где смешно», а на то, что очень пошло! Я не ханжа (по крайней мере, я так думаю), иногда и со сцены, и в литературе как-то пикантно все это подается. А здесь местами было даже противно. Конечно, сама пьеса слабенькая, во многом ее спасают актеры. Кульминацией стал, конечно же сам, стриптиз — ближе к концу второго акта, где артисты раздеваются, показывая свои далеко не идеальные тела, но тем не менее зал буквально встал с мест от восторга! На протяжении всего спектакля я не могла отделаться от мысли, что Куценко надоело уже все это играть в очередной раз...

Вывод такой: антреприза — это коммерческий проект, собирающий известных актёров. Продюсеры не заморачиваются, делая на этом бизнес, поэтому ждать чего-то серьёзного не стоит. В основном, преобладают комедии, сходить просто посмеяться и через пару минут забыть. Никакого драматического, серьёзного действия нет. «Настоящий» театр следует искать совсем в других местах, и о них мы поговорим в следующих номерах «Контрабанды».

Мария КРАМЕРОВА

Обложка — едва ли не самая консервативная часть женского романа. Её сюжет неприкосновенен в течение десятилетий!

ГРЭЙЛ МАРКУС. ФЕСТИВАЛЬ НА БАРРИКАДАХ

Продолжаем публикацию глав перевода книги Грейла Маркуса «Следы помиды: Тайная история XX века» (1989). Для более основательного знакомства с текстом произведения мы рекомендуем обратиться к блогу переводчика Александра Умняшова — gileec.livejournal.com.

Баритон

«Баритон стих под гром аплодисментов. Его голос брал возвышенные траурные ноты. Можно подумать, что в прошлом он был *répresentant du peuple* (фр. — народный представитель, депутат), член монтаньяров, «мыслитель», имеющий о себе самое высокое мнение... Я не удивился бы, если этот баритон предсказывал нам те проблемы, что обрушатся на нас в будущем». Так писал журналист-консерватор Луи Вюлло за четыре года до упомянутых проблем: до образования Парижской Коммуны в 1871 году, воплотившей его пророчества. Сеансы магии были не единственным событием, потрясавшим Париж в 1867-м.

Согласно «Картина современной жизни» Ти Джей Кларка, Вюлло описывал артиста из «Альказара», «концертного клуба»: тот «разогревал» Терезу — певицу, послушать которую сбегался весь Париж. Она была коренастая, непривлекательная, но влиятельная. Тексты ее песен тщательно отслеживались государственным цензором, но он не мог контролировать ее голос и жесты — а это то, как пишет Кларк, чем она побеждала в своем противостоянии «против стандартных мелодий, банальной лирики, цинизма, мешанины насилия и преувеличенных эмоций». Это было чем-то вроде взмаха руки в нужном месте в удачное время и — как однажды отозвался Ховард Хэмптон о концертах Боба Дилана середины 60-х — Тереза резким произвольным движением осудила весь существующий социальный порядок: «публика — пишет Кларк — жила мгновением, когда группа заиграет "La Canaille" («Толпа») и певица пригласит всех затянуть припев "J'en suis! J'en suis" («Я ее часть»)».

«Альказар» был довольно большим залом, выпивка там лилась рекой. Новая *petit bourgeoisie* (мелкая буржуазия), клерки, заполнявшие заведение, по роду своей деятельности или в своей повседневности оскорбительно считали «толпой» низший класс. Здесь же они экстатически превозносили свое пролетарское или крестьянское прошлое, экстатически проклинали высший класс буржуазии, в который на самом деле так стремились. Здесь, на новой территории неизбывного развлечения и организованного досуга, у них появилось привилегированное пространство, где они могли расточать свои тоску и гнев, или кичиться ими. Так что оставшийся неизвестным баритон Вюлло (который вместе с другими двадцатью тысячами был в июне 1871 года приставлен членами Коммуны к стенке и расстрелян — а может, он и успел покинуть город) поставил интересный вопрос: кабаре — это место рождения духа отрицания или место его смерти?

«За углом притаилась революция, — пишет Кларк — и не важно было, при чем тут баритон». Но за следующим углом находилась помойка истории. Коммуна образовалась 18 марта 1871 года, когда набирал силу консервативный парламентский режим Адольфа Тьера, сменивший императора Наполеона III, который провалил франко-прусскую войну, поставил Париж перед угрозой прусского нашествия и бегства правительственных войск. В следующие несколько месяцев каждая радикальная идея

Тот самый Элвис, то самое шоу Эда Салливана. 1956 г.

была поднята с земли и реализована на практике. Обычные люди вновь почувствовали себя гражданами, стали интересоваться всем, потому что, когда все кажется возможным — все становится интересным. «Мне никогда не забыть этих восхитительных мгновений свободы — говорил один человек — я шел с заседания верхней палаты парламента и оказался в Латинском квартале, преображенном в центр безграничного клуба под небом Парижа. Все разговаривали об общественных переменах, все забыли о предрассудках, никаких больше мыслей о купле-продаже, все ощущали — телом и духом — движение в будущее».

Для многих тогда, да и сейчас, Коммуна вообще не являлась революцией, но анархистской пародией того, что началось как старомодное буржуазное неприятие закосневшей власти. Будь это революцией, это было бы чем-то необычным: «величайшим фестивалем XIX века», как написали в 1962 году в своей статье «О Коммуне» Ги Дебор, Аттила Котаньи и Рауль Ванейгем. Они видели философию досуга («Всматриваясь в события весны 1871 года, можно увидеть, что мятежники ощущали себя хозяевами истории, но не в смысле «государственной» политики, а в смысле повседневной жизни») — современного досуга — в средневековых вахханалиях: ставшие хозяевами своей истории, коммунары отменили обычный ход времени. Лорд Беспорядков, шутливый король древних сатурналий, чья власть по прошествии празднеств аннулировалась, каким-то образом захватил историю и объявил, что беспорядок теперь будет продолжаться вечно. Это было похоже на то, как если бы вместо того, чтобы приплестись пьяным домой и на следующий день снова вернуться за свои конторки, поклонники Терезы вывалились из «Альказара» и изменили мир, несмотря на память о том, как все было вчера. «Это танец, который все позабыли» — так однажды высказался певец рокабилли Батч Хэнкок о первом выступлении Элвиса Пресли на шоу Эда Салливана в 1956 году. «Это такой выразительный танец, что понадобилось возвести целую цивилизацию, чтобы его забыть. И десять секунд, чтобы вспомнить».

Память о переменах в том, что движет работой, семьей и досугом — об отключении этого двигателя, о его приостановке — вот что оставила Коммуна тем, кто хотел об этом помнить. Коммуна породила органы прямой демократии, которые в последующих революционных движениях — в петроградских советах 1905 и 1917 гг., в берлинских Rate 1918 года, анархистских коллективах Барселоны в 36-м, венгерских муниципалитетах 56-го, в «Движении за Свободу Слова» в Беркли в 64-м, в парижских собраниях 68-го, в польских профсоюзах «Солидарности» 80-х — выглядели бюрократическими органами. Ситуационисты писали:

Верхушка Коммуны была некомпетентной (если мерить ее Марком, Лениным или даже Бланки). Но различные так называемые безответственные действия движения в высшей степени полезны для сегодняшней революционной борьбы (даже если эти действия абсолютно деструктивны: самым известным примером может служить один революционер, который ответил заявлявшему о своей аполитичности буржуа: «именно поэтому я и собираюсь тебя убить»).

Как говорится, грузчики видели в философии брехню, а клерки корчились в поисках абсолюта («именно поэтому я и собираюсь тебя убить»). У Коммуны было столько же общего с Мюнстером Иоанна Лейденского, сколько и с любой современной революцией — так полагал Жорж Клемансо. Вряд ли случайным является факт, что самым серьезным обвинением Коммуне остается халтурный ужастик Гая Эндора «Оборотень в Париже»: будучи инсценировкой свободы, Коммуна была также и бунтом общественного бессознательного. Вскрыв всякое желание жизни, она вскрыла и все желания смерти, в том числе и желания смерти самой Коммуны. С наступлением Бисмарка и с бегством из Парижа французской армии у коммунаров не оставалось шанса — и они это понимали. Но многие были готовы умереть, потому что, вкусив свободы и сопоставив ее со своей прошлой жизнью, они не смогли повернуть назад: жить так, как раньше, ощущать свободу лишь в выборе покупок или где провести выходной — в парке или у воды. Так рождалась легенда, выдуманная поверх фактов. В этом смысле Коммуна явилась не захватом истории, но подарком ей — или проклятием. Мерилом, по которому можно судить будущее: мгновением преклонения или мгновением хулы.

В конце века (начало)

В конце века Коммуна уже была примечанием ко Второй империи и превратилась в анархистский миф. Теперь она казалась заманчивой, за ее каждым порывом маячила возможность — возможность творения, искусства. В каком-то смысле она и была таковой.

Величайшим и важнейшим творением искусства всего XIX века было переустройство Парижа, предпринятое бароном Османом. В 1850-е и в 1860-е он разрезал город на части и вновь их соединил. Он выпрямил узкие переулки, протянул через весь город длинные бульвары, что были как реки (ходила шутка: распрямив улицы, он мог бы такое же повторить с Сенной), разрушил старые поселения ремесленников, отделил дома от рабочих мест, рабочие места от развлекательных заведений, районы от рынков, сословие от сословия.

Общеизвестно, что бульвары Османа были призваны облегчить маневренность войск, чтобы впредь предотвратить баррикады 1848 года. Менее очевидным, но от этого не менее замечательным, оказалось то, что Осман — взамен автономных поселений — положил начало круговороту автономных прибылей, транзитной системе, обеспечивающей бесперебойное и последовательное движение капитала. Это было искусство, но не искусство ради искусства, каким щеголял авангард прошлого и настоящего в попытке нагнать Османа. В 1985 году Чарльз Ньюман уловил суть: «Сегодняшний авангард льет воду на мельницу капиталистической потребительской культуры. Как заметил Джералд Графф, «в своей высшей стадии капитализм стремится уничтожить остатки традиции, все общепринятые идеологии, все постоянные и неизменные устои в стремлении стимулировать нарастание потребления». Кризис перестает быть революционным, превращаясь в капиталистическую метафору». Но в

Жорж Эжен Хауссман, более известный, как барон Осман.

своем фундаменте капитализм сохраняет устои прошлого (иерархии, классификации, отчуждение), запуская спектакль непрерывных перемен, в котором все демонстрируемое устаревает в одно мгновение и тут же сменяется новой фальшивкой. Ги Дебор в «Обществе спектакля» тоже улавливает суть, выражая ее в гораздо более жестких и неприятных выражениях, спуская ситуацию с небес на землю.

Если на ранней стадии капиталистического накопления «политическая экономия видела в пролетарии лишь рабочего», который должен был получать лишь необходимый минимум для поддержания своей рабочей силы, и ни в коем случае не нуждавшегося в «досуге и человеческом облике», то теперь эта идейная позиция господствующего класса изменилась, т.к. производство товаров достигает такого уровня избыточности, который требует от рабочего избытка соучастия. Этот рабочий, внешне отмытый от тотального презрения, на что ему недвусмысленно указывают способы организации производственного процесса и контроля, вдруг находит своё «я» вне производства. Он ежедневно обнаруживает, что в сфере потребления с ним обращаются с потрясающей вежливостью, почти как с барином. Впрочем, товарный гуманизм берёт под свою заботу «досуг и человеческий облик» трудящегося просто потому, что политическая экономия сегодня может и должна господствовать над этими сферами именно как политическая экономия (параграф 43).

Другими словами, во времена Османа капитализм достиг своей критической массы. Он стал настолько эффективен и ненасытен, что в своем бесконечном стремлении самоутвердиться, простирается повсюду, он предоставил право рабочему — в эпоху дикого капитализма служившему лишь гвоздем или молотом — на самостоятельность и теперь рабочий стал готов к потреблению, готов стать зрителем в спектакле. Перед рабочим открылся мир излишеств, свободных денег и свободного времени — в ином случае капитализм просто достиг бы своего пика и лопнул. Тайна товарного фетишизма заключалась в том, что предметы потребления могли разговаривать, они казались живыми, они умели превращать людей в вещи. Реификации, бывшие частью секрета, проникали в человеческую психику, так что каждый мог слышать то, что заставил услышать свою героиню Теодор Драйзер в «Сестре Керри»:

Красивый наряд всегда был для Керри чем-то весьма убедительным — он говорил в свою пользу мягко и вкрадчиво, как иезуит. И желание обладать им заставляло Керри охотно прислушиваться, когда какой-нибудь наряд взывал к ней. Голос так называемого Неодушевленного! Кто сумеет перевести на наш язык красноречие драгоценных камней?

«Дорогая моя, — говорил кружевной воротничок, приобретенный ею у Партриджа, — полюбуйся только, до чего я тебе к лицу! Ни в коем случае не отказывайся от меня!»

«Ах, какие прелестные ножки! — говорила кожа мягких новых туфель. — Как красиво я их облегаю! Какая жалость, если им будет недоставать меня!» (цит. по: Драйзер Т. Сестра Керри / Пер. с англ. М.Волосова. М.: Правда, 1986, с. 125)

Ты ничто, пока у тебя нет всего — такова современность. Современность стала рычагом капитализма, переключенным с производства на потребление, с необходимости на желание. Это было непросто: ведь желания надо было упаковать в красивые обертки и объявить их необходимостью. Как доказывали ситуационисты, современному капиталистическому проекту потребовалось умение трансформировать естественные человеческие желания в практическую необходимость, превращать возможность в «выживание», низвести жизнь до «экономического императива» — в том смысле, что ты покупаешь вещь не потому, что хочешь этого, а потому, что так тебе было навязано. Но сегодня можно услышать и то, что почти век назад не могла слышать Керри: туфли обещали ей поддержку в трудную минуту, туфлям неведомы людские сомнения. На кону было не ее желание, а возможность перевести дух. Здесь имеет место пресуществование, раздувшееся от теологических хитростей и метафизических тонкостей: но суть в том, что в этом случае безраздельно властвует потребление.

В известном смысле, это было тем, что ситуационисты, Гарольд Розенберг и критики Франкфуртской школы называли «пролетаризацией мира». Они имели в виду, что когда политическая экономия начинает определять жизнь, то и рабочий, превращавшийся в потребителя, и буржуа (уже потребитель) оба становятся пролетариями, немymi объектами перед лицом говорящей вещи: «товарный гуманизм» означает, что потребление очеловечивается, а человек овеществляется. Но там, где обычно видят лишь затвердевший бетон, группа сознательных современных революционеров увидела трещину. Их было меньше дюжины, но, объединив свои призрачные синдикаты (среди которых были “L’Internationale lettriste”, “il Movimento internazionale per una bauhaus immaginista” и “Arte nucleare”) в 1956 году на первой конференции в итальянской Альбе, они верили, что обнаружат эту трещину, нанесут ее на карту, заглянут в нее и весь мир окажется затянут в нее как в черную дыру. Они чувствовали, что избыток, пошлость и скука были не только бесшумными рычагами вкрадчивой тирании, но и возможностями открытий новых желаний, которые новый настоящий «Интернационал» обнаружит и сделает всеобщим достоянием путем всех видов сатиры, блефа, иронии и насилия, а затем станет еще одним рычагом, но уже — великой новой битвы, вторжения отрицания, битвы за новый мир. «Пролетаризация» сама по себе тирания, и она была той трещиной: когда все становятся пролетариями, почти все становятся потенциальными революционерами.

В теории ситуационисты видели себя жертвами, не меньшими пролетариями, чем кто-либо еще. Они попытались взвалить на свои плечи всю тяжесть мира и понять, каким образом этот мир может их раздавить. Осознавая глупость положения, в котором находятся все, они пытались отринуть комфорт прошлого, могильный комфорт. Меланхолия и ностальгия пропитывали язык Розенберга и Франкфуртской школы — ситуационисты же боролись с этим как могли, пытались изгнать печаль яростью. Ставя себя на место жертв, они хотели действовать — и все еще понятна агрессивность и заносчивость Малькольма Макларена,

объясняющего Питеру Урбану, что такое полноправное участие в общественной жизни, которое однажды становится реальным и осязаемым, подобно дающей о себе знать заразной болезни, содержащейся в каждой удачной ситуационистской фразе.

На практике ситуационисты были мошенниками — в повседневной жизни любили играть в покер и пинбол — они заключали пари в споре об ином мире в пору полнейшей неразличимости капиталистической гегемонии: когда субъективность была признана на объективном рынке. Потребление было королем, но тем королем, что после нескольких поколений междоусобных связей родился мутантом — потребление было именно уродством: оно могло болтать, но всякие глупости. Оно умело соблазнять, но было слепое. Оно могло шептать что-то на ушко Керри, но не могло отличить ее от тебя и меня. В мире спектакля по ночам все кошки были серы, но в том-то и дело, что ночь стояла всегда. Рано или поздно Керри могла это понять, и тогда возмущение и гнев нашли бы свой выход в новом желании высказаться и быть услышанной: у меня есть все, но я ничто; я ничто, но я должна быть всем. Цель ситуационистов состояла в том, чтобы это случилось пораньше — до того, как Керри уже будет готова не встать с кресла-качалки.

Объективность, как ее определил Ванейгем, выражалась так: «я люблю эту девушку, потому что она красива»; субъективность говорила: «эта девушка прекрасна от того, что я люблю ее». Если для человека естественно осознанно стремиться иметь больше, чем необходимо, то из такого естества можно вычислить желание иметь что-то отличное от других. Капитализм прекрасно это осознает и поэтому любой продукт подается в бесчисленных вариациях. Но каждая вариация говорит одно и то же, хотя, в конечном итоге, всякий слышит шепот потребления по-своему. И именно в этой трещинке содержится возможность того, что отказ одного человека слушать то, что слушают другие, может повлечь за собой отказ остальных — именно поэтому письмо одиннадцатилетней девочки разрезало ленту Мёбиуса “Victory”-тура Майкла Джексона. Рок-н-ролл вообще является примером чистейшего попустительства капитализма, потому что это игра субъективности на рынке объективности: «я ничто, но должен быть всем» — так говорили Сэм Филлипс, открывший Sun Records в Мемфисе в 1952 году, Сид Натан, открывший King в Цинциннати в 44-м, Дон Роби, открывший Reasock в Хьюстоне в 49-м (может, они говорили «я должен иметь все», но производимые ими товары уж точно заявляли: «я должен быть всем»). Не важно, что это был лишь шепот, его было слышно — и он воздался сторицей.

Современный капитализм — рискованный проект, у него есть шанс провалиться. Свободный вход и свободное время могут провоцировать желания, которые не удовлетворит никакой рынок, и тогда появится желание выйти вон. В начале и середине 50-х рок-н-ролл был настолько маргинален, что ни о каких серьезных выгодах для рынка не было речи — но желания, которые он вызывал, становились все сильнее, так что маргинальная аномалия вскоре ворвалась на рынок, породила свой собственный круговорот, который ко времени появления Майкла Джексона находился в самом сердце общественной жизни.

ЛаДонна Джоунс просто обозначила обман, но не нужно далеко ходить: ее личное вмешательство сродни общественному вмешательству, которое сегодня мы называем «шестидесятыми». «60-е это то, как мы назвали разрушение поздней капиталистической идеологии и политической гегемонии, — писали в 1984 году составители сборника, посвященного тому десятилетию, — пробуждение от буржуазного сна о несомненных товарах, о повседневной жизни в бюрократическом обще-

стве контролируемого потребления». Шестидесятые были, прежде всего, стремительной и шумной эпохой; подобно временам Османа, капитализм тогда почти достиг своего пика. Слишком много людей стало иметь многое из того, что было на рынке, и у них появилось свободное время подумать, чего бы еще такого им хотелось.

В конце века (окончание)

Спустя десятилетие после формального окончания 60-х у многих на Западе осталось чувство вины за то неокончательное разрушение, смятение от не доведенного до предела хаоса. Как говорил Дебор в 78-м, требования освобождения и удовольствия — довольно обрывочные, но за которыми до сих пор стоит желание автономии и солидарности — были тогда частью спектакля, хотя борьба за и против их осуществления велась нешуточная. Но, став частью экономики, которая вот-вот должна была рухнуть, эти требования прониклись страхом хаоса. Нарастая, как в фильме ужасов, среди рвущихся к власти, страх распространился на голосующее большинство: так был сделан прыжок назад, вернув на круги своя стародавнюю экономику — экономический терроризм режимов Тэтчер и Рейгана.

Хаос 60-х вышел из тогда еще свободных сфер «досуга и гуманизма», контроль над которыми Дебор понимал основополагающим для жизнестойкости капитализма как власти и утверждения такой власти в качестве гегемонии. С трудом, но нашептывание потребления было прервано. Разницу между 60-ми и 80-ми обозначил Боб Дилан, отвечая на вопрос о предполагаемом «возрождении духа 60-х», выразившемся в таких событиях, как «We Are the World» и Live Aid, организованном Бобом Гелдофом в помощь голодающим: «тогда люди любым способом пытались прервать спектакль... но ты не знал, с какой стороны подкрадется беда. А беда может произойти в любой момент». Политическая экономия, несомненно, не смогла доминировать в сферах досуга и гуманизма, в смысле доминировать «как политическая экономия», так что эти сферы оказались принудительно ограничены. Проблема в том, что в 60-е люди воспринимали досуг и гуманизм как свои неотъемлемые права; в эпоху Тэтчер и Рейгана эти понятия вновь стали считаться привилегиями. «Попустительство тори в британском экономическом спаде — писал в 1984 году Саймон Фрит, когда этот спад длился уже почти десять лет, а безработица возросла со скандального миллиона граждан, голосовавших за тори, до трех миллионов — это новая версия двух наций из XIX века. Экономическое развитие не зависит положения дел в индустрии развлечений. Для новых видов деятельности не нужны будут квалифицированные рабочие, и это будет низкооплачиваемая работа; битый понесет небитого; новый рабочий класс будет работать на чей-то чужой досуг». Он мог бы еще добавить, что Британия под руководством Тэтчер опередила схожие процессы в США при Рейгане и что массовые стачки и бунты в трущобах обернулись не издержками, но опорой существующего режима: социальное и экономическое отчуждение подавалось в виде спектакля. «Ты можешь быть следующим — нашептывало потребление тому, кто мог себе что-то купить, о тех, кто не мог себе такого позволить — не суй нос в чужие дела».

Было похоже, что Тэтчер и Рейган усвоили основную идею ситуационистов: изобилие опасно для власти, но аккуратно управляемая нужда служит ее сохранению. Пребывать в долгу значит непрерывно подпитывать свой страх, который никогда не способствовал революционности; высокая безработица гарантирует наличие штрейкбрехеров,

Ханна Арендт.

а проклятие плохой работы всегда в таких случаях выглядит благом. «Превращение отца семейства из ответственного члена общества, интересующегося общественными делами — писала в 1945 году Ханна Арендт в «Организованной вине и всесторонней ответственности», «в обывателя, которому дорого только личное существование и который не ведает общественной добродетели, в наши дни явление международное... Всякий раз, когда общество безработицей отнимает у маленького человека нормальное существование и нормальное самоуважение, оно готовит его к тому последнему этапу, когда он согласен взять на себя любую функцию, в том числе и «работу» палача» (цит. по: Арендт Х. *Организованная вина./Она же. Скрытая традиция: Эссе./Пер. с нем. и англ. Т. Набатниковой, А. Шибаровой, Н. Мовниной.* — М.: Текст, 2008. с. 52).

Арендт рассказывает случай: в Бухенвальде один еврей узнал в члене СС своего бывшего одноклассника. Тот сказал ему: «ты должен понять — пять лет я был безработным; они могут сделать со мной что угодно».

Так что риторика новых правителей была одновременно старой и суперсовременной, непродуманной и сказочно парадоксальной. Комментаторы с трепетом обсуждали, как Тэтчер и Рейган обвиняли гедонистическую анархию 60-х в нравственном застое, восхваляя при этом свободный от препятствий капитализм и открывшиеся возможности поиска автономии, самореализации, приключений, исполнения желаний, воображения, риска — они чуть ли не цитировали слоганы мая 68-го, ключевыми словами у них были «приключение» и «риск». Когда всё больше семей ухватывалось за этот шанс, «выживание» переставало быть идеологией, так как идеология эта поистрепалась и не имела отношения к тому, что говорилось: Тэтчер и Рейган обещали всем все, сменив проклятия на благословения. Одновременно с этим утверждалось, что должна сохраниться последовательность. Высказываясь против шестидесятилетних прорывов, Рейган заявил в начале своего президентства: «Мы должны мобилизовать все наши активы — духовные, моральные, образовательные, экономические и военные — в крестовом походе за национальное возрождение. Мы должны вернуть почет семейным ценностям, чтобы сделать их компасом для нашего общества». Такова была

риторика: размышляя о речи, в которой Рейган, цитируя Декларацию Независимости, сказал «рождены свободными», а не «созданы равными», политический обозреватель Уолтер Карп вскрыл всю странность реальности, осознать которую никому не по силам.

Историческое утверждение республиканцев о том, что «все люди созданы равными», в котором Линкольн видел камень преткновения для тирании, стал таким же камнем и для Национального Возрождения. То, что мы все созданы равными, вовсе не означало, что американцы собирались жить в соответствии с этим. На самом деле, это означает (и всегда значило), что по закону американские граждане не могут быть притеснены правительством в социальной сфере и экономике. Но сегодня именно в этих аспектах рейганцы собираются притеснять граждан. Они намерены расширять и без того широкую сферу развлечений, финансировать и без того богатую отрасль. Они намерены довести до обнищания и без того беднейшие слои населения, потому что должны отработать долг перед своими инвесторами.

Освободить капитализм из-под неволи республиканства есть задача Национального Возрождения. И ничего больше... Как нечто само собой разумеющееся, рейганцы хотят послужить превращению всеобщего образования в привилегию, подготовить почву для оттока среднего класса из общеобразовательных школ. Когда те превратятся в учреждения для избранных, а не для всех, американская республика лишится последних остатков доверия у будущих государственных служащих. Общеобразовательные школы это цепи для капитализма, так что, естественно, они должны быть порваны.

Уолтер Карп опубликовал это в не каком-нибудь подпольном радикальном журнале, отпечатанном на плохой бумаге, он написал эту статью для Harper's. Несмотря на то, что писал он это с остервенелым терпением человека, знающего, о чем говорит, единственные слова, что могли бы объяснить его мысль, были искажены, вывернуты наизнанку, опровергнуты, раскритикованы и превратно истолкованы. И это был еще только 1981 год — спустя где-то пять лет то, что говорил Карп, могло звучать абсолютным безумством, если бы ему не нашлось таких красноречивых подтверждений. Листая газету, ты мог узнать, что Террел Белл, министр образования при Рейгане в 1981-84 гг., написал статью, где говорилось о «непрекращающейся битве против хорошо организованной и крайне правой системы — опознаваемой по шейным платкам Адама Смита — которой предоставлены немислимые привилегии и поддержка Белого Дома. А ее конечная цель — разрушение всеобщего образования и замена его рыночной системой частных школ под руководством предпринимателей».

В 1986 году это звучало еще более параноидно, чем измышления Карпа в 81-м. Читая статью, ты поражался этим странностям — каким-то «шейным платкам Адама Смита» — интересно, кто все это придумал? Напоминает «житейские истории», вроде (листаем газету) двухголового младенца в Перу («Епископ заявил, что у ребенка две души») или НЛО размером с шарик для пинг-понга в Бразилии («Летчики-истребители преследовали странные объекты, пока у них не кончилось горючее»). Карп не мог такого предположить — ни платков, ни младенцев, ни шариков для пинг-понга — но он писал так, как будто знал, в какой контекст попадут его слова. «Рейганцев не волнует даже так называемый свободный рынок, хотя это одна из их закулисных

игр», — писал Карп, казалось, переходя на крик, о том, что, на самом деле, рейганцев интересует лишь одно:

Они хотят, чтобы капитализм в Америке стал таким, каким он мог быть по своей сути для Карла Маркса — главной мерой всех вещей, властью, низводящей свободную политику до шутки, граждани-на до «рабочего», общественную жизнь до «государства», государство до инструмента угнетения, спасающего капитализм от угрозы свободы и равенства, вместе с которыми капитализм развивался одновременно, подобно тому, как Каин рос вместе с Авелем... Описанное Марксом капиталистическое общество есть предписание рейганцев для Америки. Вот что означает Национальное Возрождение.

Но то

Но то было позже. А в настоящее время проект Османа стремительно воплощался в жизнь. Париж преобразился; преобразились и сами парижане. Границы между работой, семьей и досугом оказались стерты на новой карте города, на которой они были объединены появившимися разобщенными и самостоятельными индивидуальностями нового Парижа — в конце концов всецелым понятием «индивидуальности» стал модернизм, принцип субъективного выбора того, что делать со свободными деньгами и свободным временем. Коммуна была запятой в приговоре Османа; он победил. Париж превратился в город символов, власти и страсти. Общественная жизнь превратилась в лотерею: когда у каждого есть возможность купить билетик, у каждого есть шанс выиграть — так что отделение одного от миллиона других, одного от другого абсолютно. Товары демонстрировали высший пилотаж и всякий человек в мечтах воображал себя владельцем, коммодификатором. Это можно было видеть на улицах. Как будто бы нашелся ответ на марксовское «Все сословное и застойное исчезает» — его охваченный благоговением приговор из Коммунистического Манифеста, приговор безграничной силе капитализма, ему как мере всех вещей — у Османа нашлось на это гоббсинианское хвастовство: *Esse homo!*

Се человек! Гений Османа вместил в придуманный им город деревню, окружил его парками и пристанями. Работа и домашняя жизнь, оказавшись разграничены, создали друг для друга новые рынки, новые отрасли завлечения, соблазна; организованный досуг, став еще одной отраслью, сделал еще одно разграничение — он смягчал неурядицы наемного труда и домашней жизни. Против неизбежного капиталистического отчуждения (язык моей работы не переводится на язык моей домашней жизни; мои работа и семья превратили мой досуг в действующую на нервы брехню) Осман выдвинул свободу удовольствия. Прогулка в парке, выходной на берегу реки — как спектакли, такие вещи репрезентировали свободные деньги и свободное время — свободу. Более того: деревья, вода, цветы, трава — все это говорило о том, что новый город Османа не просто интересный проект, но реальный факт. Язык булыжников не нуждался в переводе, он и так был понятен всем. Осман был благословлен расширить границы работы на территории жизни.

Осман занимался тем, что мы сегодня называем модернизацией городского жилого фонда, планировкой города, джентрификацией, «урбанизмом» — «это скорее забытый раздел криминологии», писали в 1961 году два ситуациониста из Бюро Цельного Урбанизма. «Урбанизма как такового нет, он всего лишь идеология в марксовском смысле этого слова» — молчаливая договоренность о пределах реального и возможного. Это

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

было соглашение о том, что говорится на языке булжников — в данном случае, архитектуры — и как идеология это соглашение объявляло ненастоящим все, выходящее за ее границы. Как соглашение, идеология превращалась в общественный договор, который, в свою очередь, оказывался «шантажом полезности... Современный капитализм отговаривает людей от критики архитектуры простым аргументом, что им необходима крыша над головой, так же как и телевидение стоит на том, что людям нужны информация и развлечение. Люди не замечают того очевидного факта, что эти информация, развлечение и такого рода жилища сделаны не для них, не ими самими, но против них. Вся городская планировка предстает как социальное поле рекламы и пропаганды, которые — как пытался доказать спустя четверть века Боб Гелдоф — являются системой соучастия в том, в чем нельзя участвовать никоим образом».

Отличительной чертой любой идеологии служит ее невидимость: вот почему в 1986 году рейганские факты были менее очевидными, чем пророчества о них пятью годами ранее. Во времена Османа и против него выступали с протестом, но ко времени ситуационистов его Париж уже больше не был новым городом, он был просто городом — моделью современности, видимым фактом современной жизни. Если идеология невидима, как бороться против нее, как начать говорить на новом языке, не булжников, но людей? «Критика архитектуры» была точкой отсчета того, что ситуационисты называли «революцией», и их язык был малопонятен: они рассуждали о «согласовании художественных и научных обвинительных средств», о «ситуационистских основах исследовательской жизни, что станут плацдармом для нападения... обостренных отношениями повседневной жизни, на манипулирование городами и их обитателями». Они были гораздо понятнее, когда говорили совсем уж отчаянные вещи: «мы должны распространять скептицизм на территориях унылых и ярко раскрашенных детских садов, в новых спальных городах Востока и Запада. Лишь массовое пробуждение поставит вопрос об осмысленной организации городской среды».

Подобно любимым революционерам, сидящим на мели без революции, ситуационисты оглядывались в прошлое. И они видели Парижскую Коммуну, которая являла собой «единичное воплощение революционного

урбанизма на сегодняшний день — атаковавшее участки окаменевших значений доминирующей организации жизни, осмыслившее социальное пространство в политических терминах, отказавшееся признать неприкосновенность какого бы то ни было памятника». Как всегда в случае с ситуационистами, здесь нужно быть помедленнее: какое отношение памятники имеют к революции? В «Обществе спектакля» Дебор написал:

Первая стадия господства экономики над общественной жизнью привнесла в человеческое существование очевидную деградацию понятия «быть» до «иметь». Нынешняя же фаза тотальной оккупации общественной жизни достижениями экономики приводит к следующему обескураживающему искажению: теперь человек уже не имеет, но ему кажется, что он имеет; иначе говоря, фиктивное «обладание» уже не влечёт за собой ни престижа, ни какой-либо иной функции. В то же время, всякая индивидуальная реальность начинает регламентироваться общественной, т.е. становится напрямую зависящей от общественной власти. Индивидуальная реальность отныне легко фабрикуется и управляется общественной властью, ей позволяют казаться лишь в той мере, в какой она не является (параграф 17).

Ничто настоящее не считается реальным, пока не окажется репрезентированным в спектакле под названием «общественная жизнь» — после этого оно становится нереальным и превращается в свою противоположность. Как революционер, Дебор был математиком: утверждая трансформацию спектаклем всех вещей в их противоположности, он говорил о «двустороннем связующем факторе», делающим современное общество таковым, о принципе отрицания, содержащемся в доминирующих структурах. Это было обнаружение революционного импульса на новом поле действия спектакля, в общественной жизни как в системе символов. И если памятник есть символ, то снос таких символов есть вернейший путь обличения того положения, в котором находятся люди.

Как написали ситуационисты в своей статье «О Коммуне», коммунары не уничтожили все символы, разграничивающие жизнь. Они не стали захватывать Национальный Банк. Толпе художников удалось убедить их не взрывать Нотр-Дам. Но даже если коммунары не стерли границы между верой, работой, семьей и досугом, даже если они не построили мир, где вера была бы сброшена на землю, работа стала бы в удовольствие, семейная жизнь смешалась бы со страстью к деятельности, даже если они не смешали все это в один досуг (который, по мысли ситуационистов, может и должен заменить веру, работу и семью свободными построениями ситуаций, новым взглядом на досуг, истинным досугом, фестивалем, где материальное выживание — вероятный источник работы и продолжения человеческого рода, вероятный источник семьи и веры, вероятный источник религиозных иллюзий — выявило бы свою естественную побочность в ежедневном переоткрытии каждым человеком своей жизни как игры: «чего бы мне сегодня хотелось?») — даже если им это не удалось, как бы то ни было, они все же смогли повалить Вандомскую колонну.

Высотой в 144 фута, на четыре фута выше гданьских крестов, это был символ первого Наполеона: символ военной славы, территориальной экспансии на саму жизнь, власти, перевозимой как свобода. 16 мая 1871 года по предложению художника Густава Курбе, он был опрокинут в солому и навоз. На османовское «Ессе homo!» у коммунаров нашелся «Озимандиас» Шелли. Это происшествие было переосмыслено спустя почти век Жераром Ван дер Леном:

Рональд Рейган, Маргарет Тэтчер.

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

Сегодня, трясясь от страха из-за оказавшейся в их собственных руках власти, толпа неряшливых анархистов с раскрашенными телами и в невысказанных париках, брала штурмом здание парламента после своего шумного участия в «Интергалактической звуковой забастовке» в Королевском Альберт-Холле. Осадив трибуну оратора, они переплавили составные части Биг Бена в бронзовую статую Смоки Робинсона.

Так, случайно, путем свободных интерпретаций, рухнул анархистский миф.

В 1967 году

В 1967 году, за год до того, как французские студенты и рабочие восстановили Парижскую Коммуну в майском восстании 68-го, примерно в то же время, когда у Жерара Ван дер Лена разыгралась его фантазия, ситуационистские воззрения на революцию считались исключительным вздором. Анри Лефевр писал тогда:

Ситуационисты предлагают не реальную утопию, но абстракцию. Неужели они действительно верят, что в один прекрасный день или в один решающий вечер люди посмотрят друг на друга и скажут: «довольно! К черту работу, к черту скуку! Положим этому конец!» — и что тогда каждый примет участие в бесконечном Фестивале и в построении ситуаций?

— Тереза восклицала: «я хочу услышать, как вы скажете: да!»

Даже если и было что-то подобное раньше, на рассвете 18 марта 1871 года, то такое стечение обстоятельств вряд ли возможно вновь».

Связь между видным шестидесятишестилетним социологом и молодыми экстремистами, выпивающими за написанием своих теорий, была столь же очевидной, как и трещина в стене: они сошлись на том, что Коммуна была отрицанием «скуки» в пользу «фестиваля». Эти понятия не были частью общепринятого критического дискурса — они были частью того дискурса, к которому однажды обратились и Лефевр, и ситуационисты.

После Второй Мировой войны Лефевр был главным теоретиком Французской Коммунистической партии, стремившейся к захвату власти. Будучи главным марксистским философом Франции, он был также и ученым, чья репутация была выше университетов. Но в следующее десятилетие он отошел от марксизма, объяснив это тем, что в стремлении изменить мир необходимо сначала изменить саму жизнь. Вместо экзаменуемых институций и табелей о рангах, вместо структур экономического производства и социального контроля необходимо стремиться к «мгновениям» — мгновениям любви, ненависти, поэзии, поражения, действия, отказа, восторга, унижения, справедливости, жестокости, смирения, удивления, ярости, умиротворения — к тем небольшим прозрениям, в которых проявлялись всесторонние возможности и бранные ограничения существования любого человека. Яркость или нищета любой общественной формации должна определяться именно такими мимолетностями — они проходят незаметными, потому что считаются несущественными, но в своих проявлениях содержат всю полноту жизни. Когда-то, может быть, в Средневековье, каждое мгновение было частью очевидной тотальности, так же как и язык религии служил частью языка работы. В современном мире, где Бог умер, а границы работы отделили разные проявления жизни друг от друга, каждое мгновение проходит само по себе и никакое из них языка не имеет. До настоящего времени — а что если кто-то воспримет мгновение как путь к тотальности? Что

если чья-то жизнь определяется желанием исповедовать мгновение любви или отрицать мгновение смирения?

Это кажется довольно абстрактным, эстетским: система же послевоенных взглядов Лефевра была еще более абстрактной и эстетской. Мгновения, говорил он, располагаются на таинственной, не нанесенной на карту территории, называемой «la vie quotidienne», «повседневная жизнь», в том способе бытия, который легче всего определяется в отрицании: «какими бы они ни были, но последствия этих мгновений определяют дальнейшие действия». Это не была жизнь во время работы или во время поездки на работу, но скука таких мгновений побуждала к жизни воображаемой. Это была уже не та благоверная роль, которая в те короткие мгновения непонятным образом рассеивалась и переосмысливала себя в той пустоте, которую общество считает реальностью. Повседневная жизнь была сферой повторяемости, мелочности, угнетения, скуки, иногда прерываемых мгновениями вроде бы бессмысленных желаний героизма, приключения, побега, мести — свободы.

Критика Лефевра видит спасение не в наборе разного рода бытовых удобств («там, где древнегреческой женщине приходилось нагревать камни, нам нужно лишь включить газовую плиту») — повседневная жизнь гораздо шире. Выступая в 1961 году на организованной Лефевром конференции, Ги Дебор назвал это «мерой всех вещей». Он выступал посредством пленочного магнитофона, «желая воспользоваться случаем и выявить сущность псевдо-участия». Подчеркивая зависимость внимания слушателя от присутствия лектора и смущение от его отсутствия, он хотел «показать таким незначительным изменением в обычном процессе, что повседневная жизнь находится прямо здесь». Такое «посредничество» было несущественным, банальным, но это происходило именно в той сфере несущественного и банального, где берет свои истоки критика повседневной жизни и, шире, критика социальной реальности. Выступая против развития технологий и коммерции, Лефевр назвал повседневную жизнь «отсталой сферой» современного мира — Дебор назвал ее «угнетенной сферой», унылым Третьим Миром в сердце Первого. Но это есть та самая заграница, где, на самом деле, живут все.

Повседневная жизнь, какой ее осмыслил Лефевр, — сперва в *Introduction à la critique de la vie quotidienne* в 1947-м, затем во многих других книгах, — была средой неудовлетворенной, немой и вездесущей: во всех его работах подразумевалось, что вне границ прозы, поэзии, музыки — вне границ искусства — эти мгновения немые повсюду, как в Советском Союзе, так и во Франции. Но если у этих мгновений появится язык, политический язык, тогда они смогут высказать новые требования о социальном порядке. А что если кто-то скажет нет скуке и потребует удивления, не в одном мгновении, но в общественном устройстве?

Это не был марксизм. Маркс мог бы это понять: истоки теорий Лефевра лежали в романтических марксовских «Философско-экономических рукописях» 1844 года, которые Лефевр переводил и публиковал в конце 1920-х. Он предложил партии следовать этим курсом, но был развернут в другую сторону. Советские попечители канона считали эти ранние исследования об отчуждении туманными и незрелыми, пренебрегли ими, и Лефевр пошел своим путем, сделав себе репутацию в 39-м своим «Диалектическим материализмом». Это была наука. Теория мгновений была сочтена ересью, хуже того — искажением. Это привело к исключению Лефевра из партии в 1958 году. Но к тому времени он нашел себе других читателей.

«Теория мгновений близка к исследованиям в области построения ситуаций», говорил он в интервью в 75-м, вспоминая о тех временах, когда он был коммунистом по названию, но ситуационистом по сути.

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

«Идея побега от воспроизведения старых элементов прошлого, от повторения, была поэтической и вместе с тем подрывной и нахальной. Эта идея подразумевала, что ее воплощение не будет иметь повторения. Не так-то легко выдумать новые удовольствия или новые способы занятия любовью... идея утопическая — но не совсем — ведь пока мы живем, мы создаем новые ситуации, во всех проявлениях дружбы, подрывной деятельности или революционного сообщества в самом сердце всего общества, которое этого не замечает».

Лефевр назвал свои отношения с новыми ситуационистами «любовной историей». Он говорил об «исчезновении недоверия, амбиций, комплексов... В атмосфере пылкого единства мы могли разговаривать до глубокой ночи... Мы выпивали, иногда присутствовали и другие стимуляторы, и это были ночи полнейших искренности и доверия — не просто общение, но общность». «Мгновения, построенные как «ситуации», могут содержать в себе элементы прорыва, ускорения», писали ситуационисты в 1960 году. Вскоре Лефевр и Дебор, путешествуя по Франции, пришли к идее Коммуны как «фестиваля». «А затем — говорит Лефевр — на самом деле, без всякого предупреждения, времена изменились, любовь прошла». Ситуационисты опубликовали свою статью «О Коммуне», а Лефевр свое «Значение Коммуны». Ситуационисты объявили это плагиатом, а Лефевр отреагировал презрением. «Я потерял друзей — говорил он в 75-м — и мне наплевать». Он вернулся обратно и пошел в другую сторону, как будто бы ничего и не было. «Мне тяжело было читать их нападки. Зачем придавать им значение? Самым важным был период волнения, дружбы, чего-то невозвратного — однажды потерянное, его ничем не заменить».

Коммуна, как пришли к выводу Лефевр и Дебор, возвела город свободной планировки, сферу мгновений, видимых и громких, ставших антитезой планированию: город был сведен к нулю и затем преобразался каждый день. В этом было согласие. Но трещина между ними прошла в 1967 году в том месте, где Лефевр думал, что утопия останется в границах искусства, тогда как ситуационисты полагали, что искусство, движущееся по направлению к утопии, есть сама жизнь. «Осознать искусство» было лозунгом ситуационистов, означавшим, что необходимо «осознать жизнь».

Некоторые винули

Некоторые винули Коммуну за ее искусство. «Министр Народного Просвещения — писал Ти Джей Кларк — ясно выразился в 1872 году, заявив, что «песенный разгул во время Коммуны частично способствовал развращенности коммунаров» — обрушению ими основ церкви, семьи и работы. Так что министр видел конец Коммуны в восстановлении цензуры в клубах, чтобы предотвратить подобное в будущем».

В 1860-х, когда Коммуна была еще только параноидным ночным кошмаром Луи Вюлло, те, кто слышал пение Терезы, мог подумать, что слышит призыв к революции. Она была как Поли Стайрен: если даже эта неприятная толстая женщина могла требовать абсолютной свободы, то мог и любой другой человек. Если она могла потеряться и найтись в толпе, то мог и ты. «Я ее часть!» Никто не знал, что означала абсолютная свобода. Но она явно проступала в отрицании: не в той щели между раем, обещанным новыми развлечениями и новыми покупками. Не в том смысле, что когда я ухожу с работы и, возвращаясь в семью, гуляю с ней в парке по воскресеньям, то мой досуг предстает еще одной работой. Не в том ужасном умозаключении, что я чужак в своем родном городе, что на работе я

Одна из книг Лефевра — и ее читатели, венгерские студенты. 1956 год.

как машина, что в парке я как потребитель, что дома я как турист. Почему моя жизнь не та, которой требует Тереза? «Люди верили: из Терезы исходит угроза иного порядка, с которой империя не может не считаться» — писал Кларк. Несмотря на то, что Тереза пела перед самой императрицей, власти «контролировали каждую ее строчку и жест» и «не скрывали своего отношения к ее концертам, как нарушению общественного порядка».

Нарушение общественного порядка это банальность. Официальные лица, кричавшие о нарушениях — те, кто следил за Терезой, или те, кто в 1956 году разрешал Элвису Пресли выступать при условии, что он не сделает ни одного движения, или те, кто запрещал концерты Sex Pistols — не только выказывали свои страхи, но и давали бесплатную рекламу. Сегодня можно сказать, что Элвис Пресли и Sex Pistols своим поведением изменили систему повседневной жизни во всем мире. Несмотря на то, что сделанное ими не легло в основу социальных революций, все равно, оно сделало жизнь повсюду более интересной, течение жизни стало более бурным, чем было до того, как они появились. В книге о культурных движениях, не воздвигших памятников, о движениях, оставивших след — движениях, что не могут быть опровергнуты «Озимандиасом», потому что были мимолетными от начала до конца — «сделать жизнь более интересной» становится единственным критерием, оправдывающим эти страницы.

В 1967 году

Выступления Терезы, запечатленные в живописи, в журнальных заметках, в полицейских протоколах того времени, можно рассматривать как зарождающуюся поп-культуру: не ту вневременную культуру народного фольклора и не ту потребительскую народную культуру, берущую свое начало в организованном досуге капиталистического рынка, но что-то между. Как показал пример Майкла Джексона, ни ностальгия, присущая интересу к фольклору, ни непрерывное продвижение рынка сами по себе не содержат поп-культуры, хотя рынок и обеспечивает доступ к поп-культуре — доступ публики к артисту, доступ артиста к публике — а ностальгия как ощущение утраченного, такому продвижению способствует. Поп-культура это продукт — шоу, спектакль, выражение подавленных желаний в рыночной форме — это порыв подавленных желаний задать свой собственный тон. Об этом же другими словами пишет и Кларк:

Сотворить нечто популярное — дело довольно рискованное. Что в начале замышляется как нечто контролируемое и управляемое, вполне вероятно перейдет под господство толпы. Дело в том, что «популярное» это не просто товар из ничего, поделка из податливого материала — достаточно слова и вот тебе ценность — которую можно немного обработать и пустить в оборот. В популярном есть нечто насильственное по отношению к резистентным жизненным формам и эти формы проявились в припеве Терезы и в аудитории, к которой она обращалась — эти формы способны

противостоять механизмам производства. Плоды популярное, буржуазное общество плодит и противоположность популярному (чернь) — по большей части творение выходит «по образу и подобию» — нечто пассивное, но способное внезапно взбодражиться. Несмотря на это, творение... абсолютно враждебно всему, во что верит буржуазия, и его действия невозможно предугадать. Всегда есть вероятность того, что строчка или фраза певицы привлекут к себе мгновенное внимание и станут катализатором общественного возмущения — чего так боялись Вюлло и цензоры.

Весь смысл

В 1967 году статья Ситуационистского Интернационала «О Коммуне» произвела сильное впечатление на Ти Джей Кларка, который к 1984 году уже сложился как профессор изобразительных искусств в Гарвардском университете и автор книги "The Painting of Modern Life: Paris in the Art of Manet and His Followers". В 1966 году Кларк присоединился к СИ — к тем семидесяти мужчинам и женщинам (из которых всего шестеро были британцами), что мелькали на орбите существовавшей пятнадцать лет группы.

Несмотря на то, что Кларк и в ранних своих книгах затрагивал темы искусства и политики, "The Painting of Modern Life" была особенно ситуационистской. В ней был проведен детальный анализ понятия спектакля и к 84-му году среди прочих, щеголявших термином, Кларк уже считался теоретиком этой концепции. «Если хоть пару раз или только однажды — говорил он — мое использование этого слова достигало той неяркой вспышки деборовской миллениаристской ясности, я был бы счастлив». Когда-то Дебор и Кларк были товарищами; исключенный — изгнанный — из группы в 1967 году, он не разговаривал с Дебором почти двадцать лет. Но книга его продолжала дело группы, которая практически прекратила свое существование после успеха и провала мая 68-го — события, когда теории и пророчества ситуационистов в одночасье оказались реализованы и опровергнуты. Книга Кларка, пусть фрагментарно, но восстанавливала идеи двадцатилетней давности, а будучи исследованием по истории событий двадцатилетней давности, она демонстрировала всю формальность временной дистанции. Эта книга была о том, что может произойти в любое время, как будто бы Sex Pistols могли повлиять на Кларка так же, как ситуационисты повлияли на Sex Pistols. Преобразованные в отрицание, суждения Кларка о популярном, о популярных артистах, о том, что творилось в 1860-х в кафе на выступлениях Терезы, они, эти суждения, могут быть приложены к тем целям, которых добивались Sex Pistols в лондонских клубах в конце 75-го. И это не просто суждения — это версия того, что на самом деле произошло.

Такая версия развивает мысль: кабаре это место, где находит свое воплощение то убеждение, что «я ничто, но я должен быть всем» — место, где рождается революция. В обществе, где я вырос среди тех ценностей, что научили меня делать собственный выбор и без которых я себя не мыслил, эти самые ценности ежедневно оскорбляются, высмеиваются, отвергаются, а с помощью тех, кто ближе к власти, вдобавок ко всему, последовательно уничтожаются (открой почтовый ящик и увидишь: конгрессмен, «действующий», как он утверждает, «под властью Господа Иисуса Христа» призывает голосовать против другого конгрессмена на том основании, что второй «голосовал против традиционных американских ценностей, с помощью которых удалось проявить миссионерскую сущность нации... Голосуйте за другого — христианского — кандидата») — и как член такого общества, я прихожу в отчаяние, меня переполняет

отвращение, лезут кроважидные фантазии, чуть только призадуматься на несколько минут. Я полагаю, что меня тянет в эти места, потому что, кажется, именно там я нахожу выход своим оскорблениям, высмеиванию, отрицанию и там мои кроважидные фантазии находят свое воплощение и подтверждение. А еще меня тянет туда потому, что эти пространства неких сдвигов кажутся ничем не хуже других пространств; я нахожу, что в слышимом там больше ясности и тайны, чем где бы то ни было; и я уверен: есть шанс уйти из клуба с ощущением, что все теперь будет по-другому. Но проходит время и, оглядываясь назад, я вспоминаю эти далекие мгновения — мгновения некоторых выступлений, выступлений на маленьких сценах и заметок в забытых журналах — и это наводит на мысль, что в таких местах революция, на самом деле, вот-вот испустит дух, и этот дух, если воспользоваться любимым словом ситуационистов, «рекуперирован»: там возглас о том, как должно быть, становится частью существующего спектакля; там требования невозможного снова загоняются в стойла упований и чаяний; там излечивается болезнь общественной ярости; там «революция» — это мгновение, когда люди говорят «нет», когда они приходят на фестиваль, когда революция так или иначе вытаскивается из истории, а это мгновение превращается в примечание или уходит в свободное плавание вроде анархистского мифа.

В феврале 1920-го, спустя чуть более года после Ноябрьской революции 18-го года и Спартакистского восстания 5 января 1919-го, и последующего убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, революция вновь возродилась в Берлине в постановке Макса Рейнхардта пьесы Романа Роллана «Дантон». Критик Курт Тухольский, возвратившись из театра, написал стихотворение «Смерть Дантона»:

Act Three was great in Reinhardt's play —
Six hundred extras milling.
Listen to what the critics say!
All Berlin finds it thrilling.
But in the whole affair I see
A parable, if you ask me.
«Revolution!» the People howls and cries
'Freedom, that's what we're needing!
We've needed it for centuries —
Our arteries are bleeding.'
The stage is shaking. The audience rock.
The whole thing is over by nine o'clock.

Прим.пер. — Грейл Маркус цитирует стихотворение не полностью. Оно заканчивается так:

The day looks grey as I come to.
Where are the People — remember? —
That stormed the peaks from down below?
What happened to November?
Silence. All gone. Just that, in fact.
An act. An act.

Перевёл Александр УМНЯШОВ.
Продолжение в следующем номере

ГРУППА «SLADE»: «FAR, FAR AWAY» («ТАМ, ДАЛЕКО»)

Возможно, глэм-рок, ставший модным в начале семидесятых, был переходной формой между мерси-битом «The Beatles» и музыкой панков-мелодистов типа «Buzzcocks»: несмотря на некоторую изящность, на сцене эта музыка сопровождалась издевательски нелепой визуализацией. Талантливая британская группа «Slade», в свои лучшие годы горячо нелюбимая критиками, не только полностью соответствовала этому стилю, но и сама во многом его создала.

По свидетельствам современников, начинающего музыканта Нодди Холдера, разодетого в подобие клоунского наряда, ещё в середине шестидесятых выносили на сцену в гробу. Школьники из вулверхэмптонской группы «The Vendors», не подозревавшие о том, что этот трэш-ход почёрпнут из видеоряда песни «The Kinks» «Dead End Street», задалась целью переманить местную знаменитость. То, что получилось в итоге, получило через некоторое время вполне логичное название «Ambrose Slade», а позднее, по предложению продюсера Чеса Чендлера (экс-басиста «The Animals») — просто «Slade» («Убиенные»). Интересно, что в начале карьеры музыканты побрили головы, но после того, как были приняты за своих лондонскими скинхедами, решили, что это не их компания, и снова отрастили длинные волосы.

Успех «Slade» пришёлся на пост-битловские 1971-1976 годы, когда музыканты активно экспериментировали с тем, что сейчас называется «олбанским языком» или «языком падонкоф» — намеренными искажениями письменной речи. Так в чарты стали проникать песни с чудовищными названиями типа «Coz i luv you», «Cum on feel the noize» и даже таким невозможным, как «Mama weer all crazee now». И хотя группа так никогда и не обрела мировой популярности, в Великобритании количество их песен, ставших хитами, приближалось к «The Beatles». После того, как в моду вошёл панк, группа на некоторое время ушла в тень, но в восьмидесятых снова стала пользоваться успехом. Холдер и Ли оставили группу лишь в 1991 году. Впрочем, остальные участники «Slade» продолжают выступать вместе до сих пор.

Песня «Там, далеко» была написана для музыкального фильма «Slade in flame» (режиссёр Ричард Лонкрэйн), темой которого стала ностальгия по шестидесятым и жестокие законы шоу-бизнеса. Возможно, эти времена были особенно значимы для Холдера и Ли: во всяком случае, мелодичности в этой песне больше, чем обычно, а выпендрёжа — меньше. После выпуска одноимённой пластинки, ставшей гораздо более популярной, чем сам фильм, песня достигла второго места в хит-парадах и стала одним из основных хитов группы.

Far, Far Away

I've seen the yellow lights go down the Mississippi
I've seen the bridges of the world and they're for real
I've had a red light of wrist
Without me even gettin' kissed
It still seems so unreal

I've seen the morning in the mountains of Alaska
I've seen the sunset in the east and in the west

I've sang the glory that was Rome
And passed the hound dog singer's home
It still seems for the best

And I'm far far a-way with my head up in the clouds
And I'm far far a-way with my feet down in the crowds
Lettin' loose around the world
But the call of home is loud still as loud

I've seen the Paris lights from high upon Montmartre
And felt the silence hanging low in no mans land
And all those Spanish nights were fine
It wasn't only from the wine
It still seems all in hand

I've seen the yellow lights go down the Mississippi
The grand Bahama island stories carry on
And all those alligator smiles
Stay in your memory for a while
There still seems more to come.

Там, там далеко

Я видел жёлтые огни вдоль Миссисипи,
Я видел дивный мост меж радужных миров,
И на запястье алый свет —
Меня поцеловал рассвет,
Не верю до сих пор.

Встречал я утро возле древних гор Аляски
А в полдень видел я и запад, и восток
Я в песнях славил Древний Рим
На рок-н-ролльщиков забил,
Куда им до него?

А я там, далеко, выше неба голова,
А я там, далеко, и у ног моих толпа,
Я легко иду вперёд,
Но мой дом меня зовёт, всё зовёт.

Я видел фонари Парижа близ Монмартра,
Внимал молчание нейтрального песка,
И ночь в Испании пьяна
Была не только от вина,
Но всё в моих руках.

Я видел жёлтые огни вдоль Миссисипи,
Я помню эпос всех Багамских островов,
И аллигатора оскал
Меня лишь чудом не достал,
У дальних берегов.

Комментарий и перевод
Алексея КАРАКОВСКОГО

ТЯЖЁЛОЕ БРЕМЯ МЕТАЛЛА

Чудные времена настали, граждане. Тяжёлый рок из маргинального явления неожиданно превратился в объект интереса воротил шоу-бизнеса и государственных чиновников: солидные ныне господа, так и не привыкшие носить костюмы, всё чаще засматриваются на рок-сцену и мировую популярность, до которой во времена ПТУ-шной юности, казалось, было рукой подать.

Типичная схема: заработав кучу денег, какой-нибудь важный дядя покупает-таки себе ту самую гитару, о которой мечтал, терзая «Урал» в рядах дворово-школьно-техникумовской команды, и удивлённо отскакивает, что пальцы ещё что-то помнят, а свободное время вроде как есть. И собирает по сусекам либо старых корешей, с которыми когда-то шумел на фестивалях формата «Трэш Твою Мать!», либо молодых и голодных ребят, вручает им инструменты и начинает платить зарплату, как сотруднику своей фирмы. А чтобы не париться понапрасну, оценят или не оценят его опусы арт-менеджеры клубов или фирм грамзаписи, полностью оплачивает аренду залов и тиражи альбомов. И вот по всей Московской области сияют биллборды, приглашающие на концерт группы «Параллелограмм» куда-нибудь на стадион в Твери. Вход свободный.

На первый взгляд это просто безобидные причуды богатых папиков. Более безобидные, кстати, нежели многие другие. Проматывают деньги, ну так свои же! И не в рулетку режутся, а более весёлым и демократичным способом. Тем более, что своей как бы музыкальной деятельностью они даже не пытаются заработать дополнительных денег, а просто развлекаются. Большая часть альбомов раздаётся «за так» на промо-акциях, а вход на концерты тоже денег не стоит. И здесь можно было бы махнуть на эти развлечения рукой, если бы не...

По какой-то причине все «группы» подобного плана роднит пара деталей. Деталь первая — ориентация на металл или что-то вроде того. Это, в принципе, объяснимо — панки бы заведомых «денежных мешков» не приняли, а иная музыка у нас в стране ярко выраженного тусовочного коммюнити не имеет. К тому же некоторые музыканты подобных групп вышли именно из хэви-металлических тусовок конца 80-х и начала 90-х — вроде тех, что во множестве устраивала Корпорация Тяжелого Рока.

Деталь вторая — чрезвычайная убогость собственно музыкального материала. Когда у «мозгового центра» команды беда с элементарным вкусом — не спасают ни услужливые аранжировщики, ни сессионные музыканты, ни навороченные студии. В общем, ничто из того, что можно купить за деньги. Потому что ни продюсеров, ни аранжировщиков не нанимают, как нанимают шабашников для постройки дачи — «я плачу, и чтоб к седьмому числу было!» Вот и пустует откупленное перед сценой пространство — даже при условиях свободного входа. И ни один из даром отданных в чужие руки экземпляры альбома не встает на полочку с дисками. В лучшем случае коробку употребляют под саморез, а сам диск используют в качестве подставки под пиво.

Смириться с невостребованностью? При таких-то деньгах? Деньги, тем более, уже на что-то потраченные, всегда мешали взглянуть правде в глаза. Поэтому герои нашего рассказа шустро начинают плодить рок-фестивали имени себя любимых и за щедро раздаваемые взятки вписываться на разогрев к проезжим знаменитостям. И, завершающий штрих — разворачивают над сценой три-колор и разыгрывают карту ура-патриотизма. Чтобы наверняка.

На фестивали народ, понятное дело, ходит. Ну как же, там ведь не только «эти упыри» будут, а ещё и десяток ветеранов хэви-метал 80-х,

вытащенных организаторами из прозябания в убогих клубах. А также десяток молодых металлических команд, которые вовремя поняли, куда становиться в очередь за пособием, и теперь хвалятся полученными за участие в очередном фестивале «гонорарами». О том, что публика за них рублём не голосовала, и речь здесь может идти не о востребованности, а лишь о захребетничестве, молодые рекруты предпочитают не думать.

Вытерпеть час «разогрева», не вызывающего никаких эмоций, кроме недоумения, тоже можно. Терпят молча — все, включая журналистов, которые тоже намерены припасть к кормушке, покуда есть, что клевать, либо страшатся гнева — а ну как они кого-нибудь наймут со мной разобратся? Тем более, что с их патриотизмом вообще что-то нечисто: то ли они к президенту дверь ногой открывают, то ли ультраправых крышуют...

В частных беседах между рок-журналистами или деятелями клубного бизнеса любое сотрудничество с представителями «бизнес-патриотического металла» осуждается как дурной тон. Между тем плата, за которую переделанный банкетный зал на Трифонке готов поставить группу «Барсундук» перед вышедшим в тираж алкоголиком Полом ДиАно, не так уж и высока. Да и известный художник-оформитель Лео Хао положил своё доброе в прошлом имя на алтарь дурновкусия, воплощённого в обложке альбома «Слава В России!», явно не за миллион долларов. Статьи о героях для энциклопедий русского рока, явно написанные пресс-секретарями их фирм, напоминают рекламные буклеты и годовые отчёты: «в рамках фестиваля (громкое название) группа делила площадку с (большие имена)», «стала специально приглашенным гостем на концерте (еще более громкое имя и обязательно число зрителей в зале)», «запись альбома прошла в (культульная студия) при участии (топовый продюсер)»...

Однажды, когда без пары слов о «разогреваемом» Удо Диркшнайдера ансамбле «ОМГ» на одном из концертов просто нельзя было обойтись, я дипломатично свёл весь свой комментарий к персоне соло-гитариста с семиструнным инструментом и интересной нью-металлической техникой. Вряд ли это имело какое-то значение, но через некоторое время место означенного виртуоза в группе занял паренёк из малоизвестной лав-металлической группы.

По счастью, некоторые из «финансовых тузов» уже потихоньку начинают врубаться — насильно мил не будешь, какие бы деньги за желанием понравиться не стояли. Да, их у тебя будут почтительно брать — но от шушуканья за спиной в наш век информационных завалинок уберечься невозможно. Самые здравомыслящие из них никогда и не лезли в большие рок-звезды, предпочитая «гулять своим углом» — вроде того лысого дядьки, который регулярно устраивает шоу ужасов «Кисельные Берега» с собой в роли главного упыря. При этом именно его творческие потуги производят на досужую публику наименее тягостное впечатление.

Организаторы средней руки сборных клубных концертов уже начинают постанывать: мол, организаторы «бизнес-патриотических» рок-фестивалей увели у них и музыкантов, и аудиторию. А мне кажется, радоваться надо: увели они лишь падкую на халяву часть публики, а также музыкантов-неудачников второго эшелона, которые за пригоршню долларов готовы стать «мебелью». К тому же интересы «бизнес-патриотов» ограничены лишь металлом в гопническом смысле этого слова. Вряд ли кто-то из них замахнётся на выходящий за его рамки рок-жанр, а стало быть — всё к лучшему. Эту грядку давно пора было прореживать.

P.S. Названия бизнес-патриотических металл-актов изменены, ибо никто из упомянутых лиц не платил мне за рекламные услуги.

Дмитрий БЕБЕНИН

ДЖАЗ-ОРКЕСТР ПАМЯТИ САЛЬЕРИ. МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

Как ни жаль, «Джаз-оркестр памяти Сальери», московская андерграундная группа 90-х годов, сейчас совершенно забыта. Мы не берёмся утверждать, что они были лучшими в своём амплуа, но эти песни действительно нравились людям, и без них мир выглядит чуточку скучней.

Нам удалось собрать не так уж мало материалов. Здесь есть подготовленные по нашей просьбе воспоминания Алексея Караковского и Георгия Зыкова; написанные в конце 1996 года для московского самиздата эссе басиста Александра Вишнёва и клавишницы Юлии Любимовой. Ну и, конечно, тексты песен.

Мы благодарим за предоставленные фотографии Михаила Гусева («Гусмана») — как выяснилось, больше ни у кого никаких фотографий нет — и Артёма Бондаренко, в архивах которого до сих пор хранится редчайшая запись «Джаз-оркестра памяти Сальери» — «Большие трагедии». Мы надеемся, что появление этой публикации вызовет какую-то движуху, и музыка группы вновь станет доступной для всех, кто ей заинтересуется. Во всяком случае, нам очень этого хотелось бы.

Алексей Караковский. «Дж.Ор.П.С.» и его художества

Группа «Джаз-оркестр памяти Сальери» была основана не позднее 1993 года студентами анимационного колледжа, получив своё необычное название в честь основного хита — «Сальери умер». Одно из самых ранних свидетельств о коллективе донёс до потомков художник Даниил Кузьмичёв: «Когда я учился на художника-аниматора (тогда слово анимация только вошло в моду) у нас на курсе было забавное музыкальное объединение, именовавшееся «Дж.Ор.П.С.», что переводилось как «Джаз-Оркестр Памяти Сальери». Все славно валяли дурака, писали, пели и играли песни. Есть что вспомнить! Это обложка одного из магнитоальбомов того коллектива. А рунами написано его название (уж не помню почему). Плохо различимую особу на заднем плане многие ошибочно принимают за Юльку. На самом деле это просто абстрактная жертва «Дж.Ор.П.С.»А, аллегорически изображенного здесь в виде викинга».

Играли в группе на протяжении многих лет одни и те же люди: Жорик — гитара, вокал; Шурик Каром — бас-гитара, гитара, вокал; Юля — клавишные, бэк-вокал; Маша — бас-гитара; Виталик — соло-гитара, Олег — бонги (фамилии музыкантов не афишировались). Некоторое время в «Дж.Ор.П.С.» (так сокращалось название группы) выступали также Саша «Комиссар» Карамышев (скрипка) и Олег «Змей» Ходаков (саксофон). «Оркестровость» выражалась, наверное, в количестве участников музколлектива (8 человек — для той площадки абсолютный рекорд, убейте — не вспомню, чем они все занимались)», — вспоминает бас-гитарист группы «Оргия Праведников» Артём Бондаренко (в те времена он был звукооператором в ДК МАИ). Наличие двух басистов в группе объяснялось довольно банально: периодически Шурика отчисляли за пьянство, но он упрямо возвращался обратно то в качестве басиста, то в качестве второго гитариста.

Аранжировки песен были хаотичны и случайны, поэтому на практике группа звучала очень странно: довольно цельному конгломерату акустической гитары и баса сопутствовали примитивные клавиши с предельно поповым тембром и психоделическая соло-гитара с сильной реверберацией, наигрывавшая одни и те же флегматичные блюзовые наигрыши во всех песнях. Примерно столь же фееричен был и

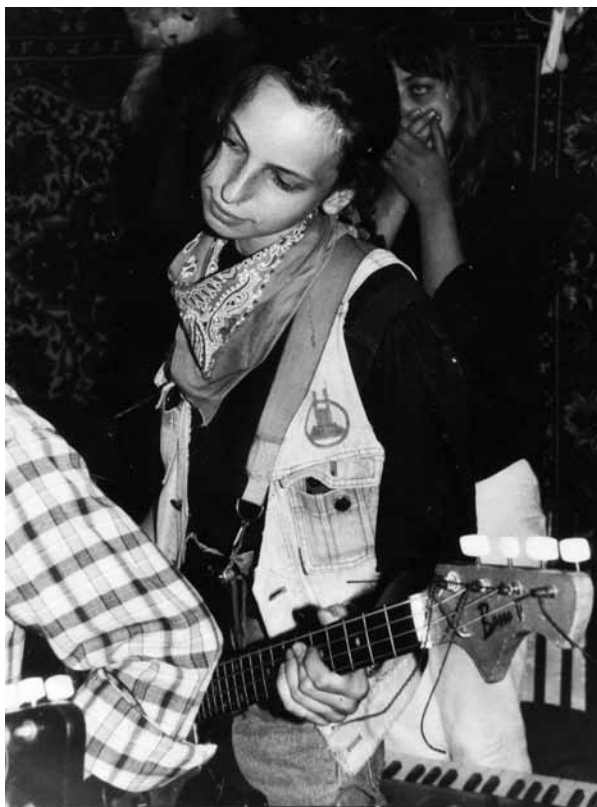
Июнь 1995 года. Квартирный сейшн у Сергея Жидкова (на улице Подбельского). Георгий Зыков.

вокал: не умевший толком петь Жорик почти что декламировал тексты своих песен, Шурик, писавший довольно брутальные произведения, пел их слишком вкрадчиво и мягко; зато на заднем плане обоих лидеров надёжно поддерживал бойкий женский бэк-вокал. Джаза в «Джаз-оркестре» как такового не было; скорее, музыка представляла собой нечто пародирующее любительскую рок-музыку как таковую.

Тексты песен «Дж.Ор.П.С.» были особым достижением — именно благодаря им группу обожали поклонники. Эрудиция Жорика поражала воображение; многие вещи, о которых он пел, слушателям были попросту неведомы. Зато эстеты получали кайф от того, что их снобизм всячески высмеивается: «Я читал Фрейда, я читал Ницше, я знаю, что бывает, если утаить злобу... А менты правы, менты всегда правы, они не читали ни Фрейда, ни Ницше, но знают, что делать, чтобы успокоиться...». Кроме того, по песням Жорика можно было вообразить, что группа находится в субкультурном поле хипповской тусовки, но на самом деле это было розыгрышем — как и всё в текстах «Дж.Ор.П.С.». Тексты Шурика, лаконичные и чаще всего посвящённые теме секса, на этом фоне казались почти примитивными, гопническими, и намекали, скорее, на возможность панка — но нет, это был не панк, это тоже была игра.

Раскованная, почти клоунская манера поведения на сцене продолжала настроение текстов и срубала слушателей наповал. «Шурик, возьмите гитару, сейчас вы будете петь» — «А шо я буду петь?» — «Шурик, вы будете петь песню под названием «Стимулятор!»!» — «Тогда можно я вытащу жвачку?». «Джаз-оркестр» много и охотно играл на контрастах: миниатюрный рыжеволосый эстет-интеллектуал Жорик смотрелся очень смешно в окружении долговязой блондинки Юли и простоватого, грубого Шурика.

Вскоре «Джаз-оркестр памяти Сальери» стал время от времени выступать в ДК МАИ, прибежище многих малоизвестных музыкантов тех лет, а в 1995 году там же был записан короткий «живой» магнитоальбом «Большие трагедии», не включивший, к сожалению, часть лучших песен. На концертах с участием ««Дж.Ор.П.С.»» не было толп поклонников, но всё-таки в 1995-1997 годах группа выступала более-менее регулярно, хоть с каждым разом всё более и более бардачно. Летом 1996 года в арт-кафе «Хамелеон» (это была, по сути, нелегальная пивная в бывшей столовой) руководство клуба едва не выставило на улицу музыкантов, так как сочло, что их слушатели заказывают слишком мало пива. Неко-

«Что ж ты, милая, смотришь искоса?» Маша Бондарева изучает аккорды очередной песни.

торые концерты приходилось играть не репетируя — так как репетировать было и негде, и не на чем. Постепенно музыканты начали впадать в уныние — но сил пока ещё оставалось много.

По-видимому, «Дж.Ор.П.С.» доконало выступление на Фестивале Надежд — пафосном многолюдном мероприятии, организованном Московской рок-лабораторией в кинотеатре «Перекоп» в феврале 1997 года. В этот период времени группа пыталась вывести свою музыкальную карьеру на новый уровень: нашла администратора и постоянного барабанщика, стали писаться новые аранжировки песен — более академичные и сухие. Название фестиваля как нельзя лучше подходило для ожиданий «Дж.Ор.П.С.»: если им и суждено было ярко заявить о себе, то только уж там. К несчастью, группа выступала первой, и на ней, фактически, отстроили усиливающую аппаратуру, а сверх-ответственность за результат привела к скованности и нервозности. Вся фирменная сатиричность «Дж.Ор.П.С.» в результате просто потерялась. Понимая, что выполнение сверхзадачи провалилось, на вручение поклонниками букета Жорик отреагировал саркастически: взял цветы в зубы да так и сфотографировался, после чего группа в полном составе почти мгновенно упиалась вусмерть.

Как раз в это время начинала строиться система музыкальных клубов, но желающих выступить музыкантов было всё ещё больше, чем площадок, и конкуренция за место иной раз была довольно жёсткой. Чтобы регулярно выступать, нужно было снимать базу, репетировать, в конце концов, уметь играть. Ничего этого «Дж.Ор.П.С.» не могли, да и вряд ли хотели. С другой стороны, жить по-старому означало обречь себя на самоповтор, грозивший довести до отвращения к собственным песням, исполняемым одинаково каждый концерт, из года в год. Кроме того, делу мешали появившиеся трещины в любовных отношениях между музыкантами и музыкантками. В конце концов жизнь разбросала всех в разные стороны, команда стала формальностью и тихо рас-

палась где-то в конце 1997 года. Песенный материал «Дж.Ор.П.С.» (по словам Жорика, два альбома — интересно, какой второй, уж не демо-запись ли для ДК МАИ?), судя по всему, так нигде и не был использован. Музыкальную карьеру из числа лидеров группы продолжил лишь бросивший пить Шурик, через 12 лет заигравший на басу в группе «Происшествие», которая часто выступала в одной программе с «Дж.Ор.П.С.» в середине девяностых годов. Остальные музыканты группы и по сей день трудятся на ниве графического дизайна.

Георгий Зыков. Сначала было Слово

Сначала было слово «Дж.Ор.П.С.». Потом придумали расшифровку «Джаз-оркестр Памяти Сальери» — получилось очень складно. Идея названия долго витала между банально-эстетским словом Жопа и эстетско-банальным Дорз. Смесь получилась странной, но запоминающейся. Итак, ««Дж.Ор.П.С.»» — появился году этак в 1993-94 — как театральный проект кукольно-драматического театра «Умная Маша». Марионеточным спектаклям, которые я делал как художник-постановщик, не хватало пусть неряшливой, но все-таки «живой» музыки. Музыканты нашлись в анимационном училище, в котором я тогда учился. Точнее, это были художники, которые любили поиграть на разных музыкальных инструментах в свободное от пьянства время. А наличие еще шести художников для кукольного театра более чем полезно.

Театр, надо сказать, вполне себе прославился за рубежом, взяв дважды гран-при Международного Тосканского Фестиваля, прежде чем московское правительство не упразднило его, потому как хотелось земли в центре Москвы. Очередная обидная русская сказка...

«Дж.Ор.П.С.» вообще довольно долго просуществовал. В его цели это поначалу и не входило. В отличие от большинства тогдашнего ан-

На квартирных сейшенях Олег Ходаков переключал любую усиливающую аппаратуру.

деграунда — мы даже деньги музыкой зарабатывали, пусть немного, но в девяностых для студентов... Вообще в МАИ кассета наша попала случайно с какой-то оказией, и мы и не думали где-то что-то петь. Тем более, что до того я почти не пел сам в группах, а только тексты вокалистам сочинял. Годах этак в 1989-91 была у меня группа (точнее, была она не у меня, а сама по себе — просто тексты и легкие к ним мотивчики придумывал именно я). Звалась та группа со сталинским акцентом «Попытка не пытка». Хорошая была группа, играла не пойми чего, но куда более интересное «не пойми чего», чем «Дж.Ор.П.С.». В «П-не-п» вообще не было идеологии, но зато было много выдумки, в том числе — писать альбомы как радиоспектакли на совершенно постмодернистские темы. Например, о каком-то английском графе, который живет недалеко от Шервудского леса и постоянно выясняет отношения с хулиганами Робин Гудом, доктором Ватсоном и другими дремучими тварями. Одним из лидеров (вторым был, как вы уже догадались, я) являлся небезызвестный израильский (ныне) музыкант Антон Кучер. Кому интересно — наберите его имя в гугле. Так вот, Кучер уехал, а мы остались. Группа разбежалась кто куда. Клавишник Аркадий Шлыков стал батюшкой, перкуссионист Максим Балутенко — политическим журналистом, звукорежиссер Михаил Павленко — программистом, барабанщик Юрий Кондратьев, по моему — экспедитором. Я писал песни «в стол», подыгрывал кому-то на гитаре и занимался театральным дизайном.

...Пока в один прекрасный летний день не провалил сочинение при поступлении в Полиграфический институт и не пошел «с горя» в Училище Анимационной Кинематографии. Там, к моей радости, собралась очень живописная тусовка таких же «художников-неудачников», как и я. К тому моменту театр «Умная Маша» (названный так в честь своего первого спектакля) организованный моими театральными родителями вполне себе функционировал, хотя доходов фантастических не приносил. И вот, третий день в Училище, я в шапке-ушанке, на улице — жарница, веду толпу полупьяных, короткоюбких девиц, несущих над головой выгашенный из шкафа аудитории транспарант «Вся власть — советам» на предмет под громким названием «эстетика кино». На этой эстетике уже сидит параллельная группа аниматоров и дико на нас тарашится, особенно светловолосый парень с гитарой по имени Виталик Лубман. С ним-то мы и решили после недели совместного пьянства собрать музыкальный коллектив под мои песни и заодно помузицировать фоном кукольному театру. Оттуда есть пошла...

Сначала к нам присоединился Олег Гаврилов — барабанщик без барабанов (единственный из нас с полноценным музыкальным образованием), потом Юлия Любимова — клавишница без клавиш (особенно она хорошо имитировала их поставленным «хоровым» голосом), следом — Маша Бондарева — басистка без баса. Маша хорошо играла на фоне и писала приличные тексты. Ну, и Шурик — единственный не-художник (который, впрочем, неплохо играл на басу и вообще — поэт). А вокруг тусовалась огромная толпа аниматоров, которые помогали, кто чем мог группе и театру, а потому по праву считались членами и того, и другого коллективов. Короче, по количеству народа это была явно не группа, а целый оркестр. У всех в тусовке были абсолютно разные музыкальные пристрастия, а потому стиль условно наименовался «не пришей кобыле хвост», но аббревиатура НПКХ явно не канала. Так и получился «Дж.Ор.П.С.». Первые две песни оркестра написаны на стихи Кати Кондратьевой, нашей однокурсницы.

Остальное Караковский уже и сам неплохо описал, кроме того, что группа разошлась тихо и спокойно по причине того, что к тому

моменту мы повзрослели и все больше времени стали уделять своей основной профессии — почти все ушли в графический дизайн и бросили пить. Вот такой заводной апельсин получается. Ну, все, устал писать. Мне завтра идти на работу — украшать мир.

P.S. Олег Гаврилов тоже играет в группе «Поле зрения».

Александр Вишнёв. Salieri not dead

В последнее время меня очень часто просят рассказать чего-нибудь за прославленную группу «Дж.Ор.П.С.», и когда, проснувшись утром, увидел я себя заваленным письмами, телеграммами, звонками, окурками и пустыми бутылками, решил читателям всю правду-матку вырезать аж в глаза, для чего с командой этой свидеться и взять у них это самое... Короче, забыл. Короче, эксклюзив, эти его мать, с прибамбасами.

Вооружившись ручкой, блокнотом и початым пузырем «Столичной», попробовал я связаться с ритм-гитаристом (а заодно и одним из авторов песен) и все у него из первых рук услышать. Однако куда бы ни позвонил я, всюду отвечалось мне, что он работает, а на вопросы «где?» и «когда будет?» — умалчивалась полная тишина. Хотя узнал зато очень хитрое сведение, что Сальери звали Антонио, родился он в 1750 году, а умер в 1825. Вот только к чему все это — понятия не имею.

Попытка связаться с соло-гитаристом имела гораздо большие успехи. Сквозь хрип простуженной таксофонной мембраны иногда прорывался нудный сонный голос, вещающий что-то о логичности, о том, что я нешаришь и дети мои нешаришами будут, о том, что работать никто не хочет и о том, что он (т.е. соло-гитарист) в этой конторе играть не будет, т.к. у них аппарат хреновый. Этот разговор в корне подтвердил упорные слухи, что Дж.Ор.П.С. — политически активная группа и тесно связана с творчеством политических объединений, что еще доказывается аббревиатурой самой группы, значение которой до сих пор остаётся загадкой.

При встрече с басистом в атмосферу дыхнуло перегаром и заявлением о том, что без опохмелочного вышеназванный языком ничего не развяжет. После третьей дозы опохмелочного он уже корябал струнами по пальцам что-то средне-сумбурное, находящееся в промежути джаза и панка, после чего вырубился насмерть. Когда мы уже нечленораздельно прощались, я заметил на стуле рубашку «Salieri not dead». К сожалению, что это значит, осталось неизвестным, т.к. английского я никогда не говорил, а басист к тому времени уже забыл русский.

Оставалась последняя надежда на информацию — клавишница. О свидании мы договорились раза три. На первый раз в последнюю минуту мне было сообщено, что у клавишницы гипертрофическая каталепсия с ментальными проявлениями вегетативной дисфункции. Вторично я уговаривал ее купить слона, и у меня чуть не отвалился хобот, и в последний из разов я четырнадцать с половиной часов прождал ее на диком морозе у третьего телеграфного столба на 27-ом километре Казанской железной дороги, после чего был увезен в клинику с обширным обморожением мозгов и потерей ориентации в астральном подпространстве. Вот в этой клинике мне наконец-то повезло. Моим соседом оказался какой-то тоже крайне отмороженный, который сообщил, что все легко решаемость имеет, ибо у «Дж.Ор.П.С.» а есть директор, и что надо с ним связаться и просто узнать, когда репетиция, для взятия этого самого эксклюзива. Вот тут-то и начинается мой рассказ про эту гениальнейшую группу!

Связавшись с директором, я понял, что, во-первых, лучше бы я с ним не связывался, во вторых, что директор имеет, тык-скыть, жен-

ский пол. И в-третьих, что она не знает, когда репетиция, что записей группы не существует в природе и что она вообще впервые слышит о существовании группы «Дж.Ор.П.С.». После нашего разговора, по непроверенным данным, она уехала в Норвегию, и больше я ее не видел.

Да. Видимо, группа «Дж.Ор.П.С.» — всего лишь красивая легенда, но хочется верить, что где-нибудь сотрясаются уши местных жителей от прекрасной музыки, которую никто никогда ни хрена не слышал.

Юлия Любимова. Детство в Дж.Ор.П.С

У той немногочисленной аудитории, что знакома хотя бы косвенно с творчеством Джаз-оркестра Памяти Сальери (в дальнейшем просто «Дж.Ор.П.С.»), сложилось неодинаковое впечатление как о стиле, так и об эстетической ценности этой музыки. Тексты же, как правило, не слушаются; если слушаются, то не всегда поняты, если же и поняты, то не так. Но о текстах мы поговорим отдельно. Пока речь о музыке. Мы не претендуем на профессионализм, мы просто оттягиваемся. Почему так?

Группа старательно создавала себе имидж раздолбаев-пофигистов. И это во многом оправдано. Не буду жаловаться на отсутствие базы, инструментов, приличного аппарата — а кому легко? О времени и говорить нечего — все четверо заняты на весьма специфических работах. Выходных нет. Вообще. О концертах же «Дж.Ор.П.С.» у имеют обыкновенные сообщения за два-три дня до. В результате группа выезжает на оттяге, вся лажа из-за отсутствия репетиций преподносится как будто так и надо. Все смотрят на то, что мы вытворяем, и никто не вслушивается в тексты. Запоминаются однодневки.

Серьезные тексты публика принимает как красивую перефразировку давно известных образов. Ну, кто скажет мне, о чем речь в «Детке»? Что ж, давайте по куплету, по строчке: «Одинокое дерево в облаках, смотри в корень, детка». О чем спич? Спич о дереве мира, Yggdrasil, о библейском дереве. О фаллическом символе, наконец!

А что там в корне, в который предлагается зреть? «Там будет жало змеи. Смотри в корень, детка». Применительно к первым двум объяснениям это змея библейская, Великий Змей. Во втором же, фрейдистском, — комплексы, вообще нечистота.

Здесь так много тусуется карт,
Но весь смысл в раскладке мастей,
А на листьях гадай не гадай,
Смотри в корень, детка.

Значит, карты. У каждой свое значение, своя ценность, своя роль. И каждый человек в этом прочтении карта. Как его затасует, не так уж и существенно. Важнее, где его выбросит и сумеет ли он там раскрыться. Листья на дереве — люди, если обратиться ко второму прочтению, люди же карты, а что можно ожидать от гадания на картах? Карты часто врут...

Шуриковы тексты менее запутаны в сложных ассоциациях, чем тексты Жоры, но и они не только красивая картинка. Если вслушиваться, то и над ними можно сломать голову. И даже нужно. Над хитовым «Стимулятором» только смеются, а мне порой хочется плакать: из живого человека сделали механизм для оттяга. Почему-то о тех же зомби мы поем с серьезнейшим выражением лица. И так же серьезно отодвигаем «Стимулятор» подальше.

Оттяг оттягом. «Дж.Ор.П.С.» с удовольствием оттягиваются. Но возникает желание еще и быть услышанными. Это не значит, что все

должны заслушиваться НЕСЧАСТНЫМ СЛУЧАЕМ, ВЕЖЛИВЫМ ОТКАЗОМ, ВОДОПАДАМИ имени ВАХТАНГА КИКАБИДЗЕ и собственно нами. Или учитываться В.Успенским, Л.Гумилевым или Жоркиными текстами. Но если кто-то выразит желание хорошо понять, о чем излагается «Дж.Ор.П.С.», одной «Чайки по имени...» будет явно недостаточно.

«Дж.Ор.П.С.» не любит тусоваться и дословно ничего объяснить не сможет, а хотелось бы. Мы вообще не имеем привычки сниматься с места на место по впискам и предпочитаем спать в своих постелях. Для того, чтобы вести вышеописанный образ жизни, нужно отсутствие всяких занятий и присутствие здорового чувства романтики + презренных денег. Деньги же лучше зарабатывать тем, что лучше всего умеешь. Поэтому «Дж.Ор.П.С.» никогда не станет крутым. Да и особого устремления нет: мы не относимся к этому чересчур серьезно.

Мы уже свое отхипповали — как американские детки большей частью состоятельных родителей, поиграв в Свободу, всегда возвращались домой, если не умирали от своих игрушек. Из всей этой псевдо-элитарной тусни, дай Бог, десять человек сделали что-то существенное. Остальные же, вернувшись назад, продолжали бизнес своих папаш или начинали свой. И умнели — современная российская молодежь презрительно называет это «обмажориться». Почти все из «Дж.Ор.П.С.» хотели бы обмажориться — так, чтобы приносить хоть какую-то ощутимую пользу, если не другим, так хоть себе. И хотелось бы сделать это по возможности эстетски — чтобы потом, когда отыграет детство в жопе, за нашим дурачеством проглядывала бы работа — действительно работа, а не ошибки молодости. А никому не нужные идеалы и тенденция к постоянному эскапизму так же, как и детство в жопе, проходят годам к тридцати.

И дай Бог, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, потраченные на дуракавание. Джаз-оркестру Памяти Сальери стыдно, надеюсь, не будет.

ПЕСНИ ДЖАЗ-ОРКЕСТРА ПАМЯТИ САЛЬЕРИ

Сальери помер

Не волнуйся за меня, детка,
Мы вчера просто выпили с другом,
Он мне кричал, что я гений,
Он мне завидовал, падла,
Значит, я еще кой-чего стою,
Ведь поэт — проститутка у Бога,
А с утра я жив, хоть похмелен,
Сальери давно помер.

Налей мне стакан, детка,
Пусть история нас рассудит,
Мы с ней не в ладах вечно,
Не здоровались даже часто,
Ведь она живет своим прошлым
Да и то перевирает,
Она трепло, детка,
Сальери давно помер.

Ну чем сейчас отравят?

Разве только плохой водкой,
Ну тогда у нас этих Сальери
В каждом ларьке по паре,
Ну тогда у нас этих Моцартов
В каждом морге валым навалом,
Все равно все там будем,
Вон, Сальери давно помер.

И мы допились до белой горячки,
Раз нам кажутся черными люди,
Маэстро Пушкин, наверно,
Был застрелен собственным глюком,
И это было б похоже на правду,
Если б так голова не болела,
А друг мой просто бездарь —
От Сальери не бывает похмелья.

Salieri not dead...

Я читал Фрейда

Я с утра так хотел убить — причём всё равно кого,
От этого не помогала трава и даже плохое вино.
И я понял, что если никого не убью, то покончу с собою сам,
И грезил, как падаю я к собственным ногам

Я читал Фрейда, я читал Ницше,
Я знаю, что бывает, если утаить злобу,
Я вчера пил с Кантом, помнится, пил с Заратустрой,
И они мне сказали, что надо делать, чтобы
Чтобы успокоиться...

Я купил двустволку и стал стрелять сначала в голубей,
Потом решил, что они маловаты, и выбрал мишень поверней,
И народ бежал от меня, я гнал его на тот свет,
Поочерёдно лишая того, чего у них, собственно, нет.

И я мог бы убить ещё с десяток, но тут появился патруль,
Как жаль, что на этих ребят у меня не хватило пуль,
И они отвели меня к прокурору, прокурор обещал казнить,
И только тут я конкретно понял, как же мне хочется жить!

Но менты правы, как всегда правы,
Они не читали ни Фрейда, ни Ницше,
Но знают, что делать, чтобы
Чтобы успокоиться.

Красная шапочка

На Красной шапочке женюсь
И волка сделаю ручным,
А дровосеков прям в метро
Захомуताю и убью,
Чтоб падле неповадно было.

Дочту все сказки и помру,
Прям на перроне при народе,
Потом воскресну как Христос,
Надев очки на длинный нос,
Никто не скажет: «Голубой».

Последний поезд отвезёт
Мою растерзанную душу
И будет шляться по кольцу,
Подобно сказкам братьям Grimm,
Что я вчера забыл в вагоне.

Сумасшедший

Однажды я понял, что я сумасшедший
И обратился к врачу.
Врач мне сказал, что есть верное средство —
Это пустить пулю в лоб.

И для начала он меня упек в психушку,
Я решил из психушки бежать
И, сейф с документами вскрыв аккуратно,
Вынул его диплом.

Теперь я сам лечу таких же, как я,
У меня свой собственный стиль:
Я сразу выписываю гильотину,
Но даю отксерить диплом.

Стимулятор

Я не псих, не маньяк, я слегка озабоченный,
Иду просто так по разбитой обочине,
И капают слюни на грязный песок,
Словно с дерева смерти отравленный сок.
Я от похоти темно-зеленого цвета,
В голове две извилины — след от берета,
И никто не спешит ни навстречу, ни рядом,
Я бы всех распугал стремно-масляным взглядом.

Проводив из гостей и сказав: «Не скучай» —
Мне какую-то гадость подсыпали в чай.
Стимулятор, ля-ля-...-ля.

Я дышу через раз, я в руках Сатаны,
Весь запас организма сместился в штаны,
Биоробот, субстанция, гипермаразм,
Мною правит эрекция, движет оргазм,
Быстро город пустеет, ищи дураков,
Я уже распугал даже всех мужиков,
И хотя я упорно и дико молчу,
В каждой клетке застыл супервоплъ «Хочу!».

Проводив из гостей хохочащей толпой,
Мне еще упаковку вручили с собой.

Стимулятор...

Стиснув зубы, вслепую я сжал кулаки,
Сразу вспомнилось правило правой руки.
Вот касанье, вслепую, почти наугад,
Все вокруг взорвалось, как тротильный склад,
Пять минут я куда-то как будто летел.
Э, е-мое, кайф, это просто предел!
На разбитой обочине, в грязной пыли,
Я очнулся, а в небе летят журавли

Проводив из гостей, подошел кто-то ближе
И ехидно сказал: «Заходи...». Ненавижу!!!
Стимулятор...

Принцип бумеранга

Тот дом, что построил я,
Был без окон и без дверей
И, если верить современным ученым,
Был полон голодных червей.
А на улице все мы под Богом.
«Здравствуй! Вспомнил?» — «Конечно, да!».
Опять забыл о принципе бумеранга,
Стреляя в воздух слова.

И так было раньше, так будет потом,
Так случается даже сейчас,
И тот, кто смотрит в замочную скважину,
Может увидеть там глаз.
Но дело не в зеркалах,
с зеркалами вообще беда.
Опять забыл о принципе бумеранга,
Стреляя в воздух слова.

Но тот, что был за стеклом,
Жаль, троллейбус уже ушел.
Он был знаком, он был вхож в дом,
Жаль, не помню ни возраст, ни пол,
Пол — то самое место,
чем мы думали часто тогда.
Опять забыл о принципе бумеранга,
Стреляя в воздух слова.

И, как римский император,
Хватали волчицу за грудь,
Я был во чреве, и я видел,
Где проложен наш звездный путь,
Но, если крест — это фаллический символ,
то небо — такая дыра.
Опять забыл о принципе бумеранга,
Стреляя в воздух слова.

Но наш символ — это кухня,
Чайник, иногда LSD.

И, если кто-то спросит, где мы,
Мы искренне лгали — везде,
И, если это случилось в среду,
то весь месяц была среда.
Опять забыл о принципе бумеранга,
Стреляя в воздух слова.

Но склероз — все, что позабыл,
Уже никогда не найти,
И за белыми ночами
Наступают черные дни,
Мы так часто встречаем друг друга
и боимся смотреть в глаза.
Опять забыл о принципе бумеранга,
Стреляя в воздух слова.

И я уже никогда не воскресну,
Я исчерпал свой лимит,
Я всех вокруг грузю ентим делом,
Стал занудлив, как Вечный Жид,
И я так долго ходил кругами,
вот мой дом — остальное туфта.
Я вспомнил принцип бумеранга,
Ловя летящие обратно слова.

Я вспомнил принцип бумеранга,
Ловя летящие обратно слова.

Улица Казановы

Нас не ждут благие вести,
Они нас вечно догоняют,
И мы находим что угодно,
Когда не ищем ничего.

Но наши грезы, наши грезы —
Кто в них копался, сам нарвался,
Ведь плод был сладок только сверху,
А на поверку был червив...

Нашу улицу помыли,
Нашу улицу объявили
Улицей памяти Казановы,
Ему поставив монумент,
А может, даже мавзолей.

И я хожу вокруг колонны,
На облака гляжу с тоскою,
Они там целою грядую,
Но небо слишком голубое...

Но жизнь прекрасна, словно пламя
Над погребальными кострами,
Где мы шаманим в диком танце,
Включив зачем-то фонари...

А утром мы идем с работы,
Пардон, точнее, на работу,
Похмельно злые, как машины,
Застрявшие в нью-йоркской пробке...

Организованной толпой
Вся эта очередь стремится
В дверь мавзолея Казановы,
В строенье с черною трубою,
Что так похоже на крематорий.

Нас не ждут благие вести,
Они нас вечно догоняют,
Как тень от женщины развратной;
Любая женщина как тень,
Пардон, здесь слишком много дам.

Детка

Одинокое дерево в облаках,
Смотри в корень, детка,
Там будет жало змеи,
Смотри в корень, детка,
Здесь так много тасуется карт,
Но весь смысл в раскладке мастей,
А на листьях гадай не гадай,
Смотри в корень, детка...

Этот город похож на шлюху,
Похабно смеется на каждом углу,
Когда наши души дают стриптиз,
Смотри в корень, детка,
Раскупили воздушные шарик
С явным умыслом скрыть причины,
Но дерево растет высоко,
Смотри в корень, детка...

Алая роза, красный фонарь,
Слетались ангелы, как мухи,
Чтобы раскидать свою сперму
И волосы наивных девственниц,
Меняя плод их джунглей
На фотографии для молитв,
Из семечка вырастет лес,
Смотри в корень, детка...

Сорвали розу, потух фонарь,
Значит, наступило утро,
Город проснулся и легла спать
Последняя проститутка,
Ангелы садятся в свой лимузин
И отправляются на небеса,
У друидов свой ритуал,
Смотри в корень, детка...

И ты могла бы быть райской пташкой,
Но скажи, зачем ты села на ветку,
Всю ночь читали Святое Писание,
А не пора ли закрыть твою церковь?
И, наверное, мы запутались
В евангельском символизме,
Это дерево — наш крест,
Смотри в корень, детка,
Это дерево — наш крест,
Ведь я люблю тебя, детка...

Кто там играет на струнах дождя

Я открываю своё окно,
Вдыхаю запах московского утра,
Мелкий дождь лупит в лицо,
Он идёт уже третьи сутки,
Тыходишь, снимаешь плащ,
Идёшь на кухню ставить чайник,
Я не знаю, где ты шлялась всю ночь,
Но, в конце концов, я тебе не начальник,
Мне интересней смотреть туда,
На вереницу цветных машин,
На толпы раскрашенных сонных женщин
И точно таких же небритых мужчин,
И если б мы оказались там,
Боюсь, что были подходящею парюю,
Ладами и монотонными звуками
Той, самой большой гитары,
Играющей нам осенний блюз
На струнах дождя уже третьи сутки,
То ли по прихоти чей-то воли,
То ли, может быть, так ради шутки.

Здесь всё ради шутки.
И сам этот блюз ради шутки.
Ты можешь прикинуться негром,
Ты можешь намазать лицо чёрной краской,
Но если ты выйдешь под дождь,
То дождь всё равно с тебя снимет краску,
Дождь всё равно с тебя смоем маску,
Кто там играет на струнах дождя,
Кто там играет на струнах дождя?...

И ты будешь долго плакать,
Ты будешь истерично смеяться,
Но ты уже ничего не испортишь,
Ты уже ничего не исправишь,
Просто это такая шутка,
Это такой монотонный Моцарт,
Но на каждого Моцарта есть свой Сальери,
И к нему тоже придёт Сальери,
Этакий белокрылый Сальери,
Этакий белоснежный Сальери,

Этакий Сальери в белых шелках,
Этакий блондин Сальери,
Кто там играет на струнах дождя,
Кто там играет на струнах дождя?...

Да, ты можешь сказать, что всё это сказки,
Ты можешь смотреть по телевизору лето,
Но вот уже кончилась осень,
И в волосах твоих первая проседь,
И ты будешь греться у батареи,
Ты будешь мёрзнуть у батареи
И ты замёрзнешь у батареи,
Фригидной, как ты, батареи,
Кто там играет на струнах дождя,
Кто там играет на струнах дождя?..

И, может быть, это демисезонный бред,
Может быть, это просто круг,
Может быть, это циферблат без стрелок,
Может быть, это дно от чайника,
Кстати, сходи на кухню, чайник перекипел,
сходи на кухню, чайник перекипел,
сходи на кухню, чайник перекипел,
сходи на кухню, чайник перекипел,
Кто там играет на струнах дождя,
Кто там играет на струнах дождя?..

Блюз-автостоп

Как много строк, как много славных имён,
Чужие слова интригуют девчонок,
Сложи всё в рюкзак, а рюкзак потеряй.
Где? Надо выработать маршрут.
Сколько дорог каждый должен пройти
Вперёд автостопом по трассе на небо,
А цитаты не вечны, цитаты лгут:
Кто это, Дилан или БГ?

Сколько из них приведут нас домой?
Если верить дао, то ни одной,
Если верить Конфуцию, ночью их нет,
Кто нас сегодня впишет на флэт?
Аббат Констан или доктор Папиус?
Чаша Грааля с плохим коньяком,
Немного мистики в общий салат
И сладкий запах чужих папирос.

Но всё это только кухонный бред,
Светофоры, демоны и дураки,
Таможня, багаж — это наши мечты
О том, где аскасть на обратный билет.
Но я помню код — свой банковский счёт
Страницу, число — не запутаться в цифрах.
У нас есть две даты, а между ними —
«Сколько дорог каждый должен пройти?»

УВЕ ЛАММЛА: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

Наш современник, замечательный немецкий поэт Уве Ламмла родился в 1961 году в Восточной Тюрингии (тогда еще ГДР). Биография его примечательна. Родители прочили ему карьеру химика, но неожиданно юный Уве увлёкся религией и собрался поступать на теологический. В качестве компромисса он согласился перед университетом послужить в армии, и это была его роковая ошибка. Конфликты на религиозной почве с сослуживцами и начальством закончились тем, что его отправили от греха в психбольницу. В ГДР перед «бывшим пациентом» закрылись все двери, и в 1984 году ему пришлось уехать на Запад, в ФРГ.

Всё это время Уве Ламмла был и по сей день остаётся приверженцем традиционной поэзии. Основав своё издательство, он пытался сломить равнодушие буржуазного Запада: печатал поэтов-современников, дважды разорялся до нитки, но всё равно устоял. Сейчас его «Arnschaugk Verlag» — одно из немногих немецких издательств, печатающих первоклассную литературу.

Политические и эстетические размышления — лишь малая часть его творчества. Будем надеяться, что внимание русских переводчиков, которое Ламмла привлек к себе в последнее время, обратится и на другие стихи поэта, из которых, возможно, в будущем составит книга. А пока перед вами — первая публикация его стихов на русском языке. Печатается с любезного разрешения автора.

ГРАНИЦА

Кто заперт, тешится мечтой,
Что ялик с вёслами готов
Там, за колючкой и стеной,
А грай вороний — это зов.

Ведь там не может быть мрачной,
Где в кандалах потребности нет,
И столь прекрасна ткань сетей,
Что ей не нужен красный цвет.

Восток и Запад так решил:
Раз «осси» вечно спину гнул,
Ему никто не объяснил,
За что он снова стал сутул.

Кто заперт был, не знает мер,
Чтоб страх с отвагою сравнить.
Каток сминает луг и сквер,
Чтоб кровь зелёную пролить.

Где Инн и Лех, где Рейн и Саар —
Проблемы смыты добела.
В нужде горит сердец пожар,
В тюрьме свобода ожила.

Граница, боли полоса —
Я не переходил её —

20 JAHRE FRIEDLICHE REVOLUTION UND DEUTSCHE EINHEIT

Взгляд уносила в небеса,
Усилив зрение моё.

FORMALIA

С тех пор, как я окреп в труде,
Играю формой кое-где,
Чтоб показать, как я могу.
И радость формы берегу.

Плетётся ткань из мелочей,
Хоть кажется: куда глупей.
Всегда доходят до умов
Последними значенья слов.

С современной скудостью борюсь,
Что не облегчит сердца груз.
Молчанье вместо смысла ткать —
Тем, кому нечего сказать.

Лишь там найдём богатство форм,
Где стройность настоящих норм.
Лишь если форма такова,
Оценит слушатель слова.

ДЕДУШКА

Я дедушек своих не знал:
Один на поле боя пал
Второго, Боже упокой,
Рак живота унёс с собой.

Пропал в России дед мой Бергк,
Он бабушку в печаль поверг,
Да так что много лет потом
Не смела думать о другом.

Могилу деда скрыл Восток —
Забывтым он остаться мог,

Но Город помнить предписал
И имя внёс в мемориал.

Табличек сотни на стене
Показывали в детстве мне.
Учитель в списки не попал
И школьникам про них вещал.

Недавно я зашёл туда
И ужаснулся от стыда,
Стена, где память о дедах,
Повергнута властями в прах.

Отец был раздражён, сердит:
Кто в церкви этот вздор творит?
Ведь ясно, как тут ни крутись —
Они от Бога отреклись.

НЕМЕЦКОЕ ЕДИНСТВО

Глухими «осси» обзовут,
Они в ответ: «мошенник»!
Одним единство — тяжкий труд,
Другим — растрата денег.

Стена упала, шнапс рекой,
Потом пришло похмелье.
И что нам юбилей святой?
Притворное веселье.

В ходу насмешки и тычки
Родни бесцеремонной.
И мы от дружбы далеки,
Давно провозглашённой.

Над нами ржут за рубежом.
О бедах шепчут, знают,
Но слухи скрылись под сукном
И там во тьме скупают.

Прим.:

Немецкое единство (Deutsche Einheit) — национальный праздник в Германии, отмечаемый в день падения Берлинской стены.

Осси и Весси (Ossi & Wessi) — сленговые названия восточных и западных немцев (West & Ost).

Юбилей — стихотворение написано в 2010 году, к 20-летию падения Берлинской стены.

Все четыре стихотворения из книги «Дно ручья сомнений» («Zweifelbachgrund», Arnschaugk Verlag, 2010)

Перевод и комментарий
Антон ЧЁРНОГО

ОЛЬГА ЭРЛЕР: ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН В ЭМИГРАЦИИ

Историк по образованию, Ольга Эрлер только в эмиграции осуществила мечту своей жизни: написала книгу об Александре Македонском.

Ольга покинула родной Краснодар еще во времена Советского Союза по семейным обстоятельствам — вышла замуж за немца. По любви.

— Уезжать страшно, ужасно не хотела, потому что осознавала — я теряю все, что люблю. Провожали меня на вокзале с воем и слезами, как на тот свет.

Первые лет 10 сопротивлялась и страшно тосковала по прошлому: друзьям, семье, моей прекрасной молодой жизни. Первые лет 15 главным событием года был отпуск «домой». Постепенно, очень постепенно начала привыкать, а потом ценить и любить новую родину.

На своем опыте Ольга испытала трудности, характерные для всех эмигрантов вне зависимости от страны проживания. Перед всеми стоят задачи выучить язык, найти работу, круг общения, привыкнуть к новому менталитету и порядкам.

— Последний пункт иммигранты часто игнорируют: упорно придерживаются своих порядков, избегают контактов с местными, презирают их. Получается, что они пользуются всеми преимуществами высокого уровня цивилизации этой страны, но при этом живут жизнью, к которой привыкли на родине.

Ольга освоилась в Германии довольно быстро: вошла в семью мужа, была вынуждена говорить по-немецки, перенимать новые порядки. Многие в немецких обычаях было для нее непривычным.

— Например, абендброд — вечерний хлеб, то есть ужин. Едят то, чем и называют этот прием пищи — хлеб. С колбасой, сырами, паштетом, всякими намазками. Салатики и овощи тоже возможны, но в виде бутербродов. Мне это было непривычно. До этого я 20 лет ела жареную картошку на завтрак, обед и ужин.

Очень удивили знаменитые fkk (фрайе кёрпер культур) — нахождение на пляже и в воде в голом виде. Не стесняются они наготы, так же, как и древние греки. Поэтому и говорю, что современная Германия мне очень напоминает древнюю Грецию. И не только наготой, но и демократией, либерализмом, законопослушанием.

Непривычно было, что модой немцы совсем не озабочены. Одеваются они просто, не выпендриваются друг перед другом. Существует прослойка населения, которая за модой больше следит, но это чаще всего иностранные, восточные молодые девушки (турки, русские).

Немецкий язык Ольга выучила уже в Берлине, используя любые возможности: отучилась 5 семестров в языковой школе и 3 семестра — в университете. Но все равно наша героиня считает, что говорит по-немецки не идеально: с ошибками и акцентом.

— Первая моя работа нашлась легко — тогда в ГДР была 100-процентная занятость, и отношение к русским было очень хорошее. Я занималась заказами русских книг в самом большом книжном магазине Берлина «Интернациональная книга». В процессе работы учила немецкий язык — в деле, так сказать. Коллектив был смешанный. Это была самая интересная работа, как оказалось. А тогда я думала, что она для меня слишком легкая, что я могу работать по специальности,

историком в музее или в Академии наук. Тогда много русских работало в Академии — в тех отделах, где нужен был русский язык. Русских тогда было мало, их образование и знание родного языка очень ценились.

Но работа по специальности так и осталась для Ольги мечтой. Произошло объединение Германии — и всех вдруг накрыло безработицей. Это было страшное время. Многие кончали самоубийством, потеряв свою привычную жизнь, свою идентичность! Мало кто понимал, что объединение означает трудные времена становления новой жизни.

— Это не был равноправный брак двух стран. Все произошло неожиданно и довольно хаотично. Наивные люди, хотевшие как лучше, подняли движение под лозунгом «мы — один народ», опередив политику. Революция произошла действительно снизу и из лучших побуждений. Сейчас то все позади, все утряслось после 20 лет, но первые лет 10 были трудные.

Но и в это непростое время Ольга не осталась без работы. Оказалось, что она обладает достаточными знаниями для того, чтобы преподавать немецкий язык на курсах: сначала для русскоязычных студентов, а впоследствии — и для немцев. Да что там работа... Была у Ольги мечта, а вернее, страсть. Еще в детстве ее очаровала книга Ивана Ефремова «Таис Афинская». Однако нашей героине казалось, что в книге слишком много философских отступлений и слишком мало говорится о любви.

— Я заболела античностью, Александром, Таис, полюбила все это, жила этим страшно сказать как долго — до сих пор. Как не сказать спасибо Ефремову? Он написал свой роман так, как мог и как хотел: с мудрой Таис, эпизодическим непонятым Александром, собственной философией. Мне, сверстнице главной героини, не хватало такой же молодой, неопытной, эмоциональной девушки Таис, какой была я и мои подруги, не хватало живой любви. Не хватало Александра, не тенью мелькающего за углами и поворотами повествования, а определяющего его.

С тринадцатилетнего возраста Ольга делала пометки на полях книги, читала все, что могла найти об Александре Македонском и его эпохе. Но только в Германии у нее появилось время думать и писать, прочесть массу материалов по-немецки, посмотреть музеи с богатейшими античными коллекциями и посетить места тех далеких событий.

— Даже если ничего из увиденного не войдет в книгу, ты все равно каким-то образом заряжаешься атмосферой тех мест, и это очень будит и окрыляет фантазию. Без этого не представляю, как писать. Мне важно точно знать и самой чувствовать то, о чем я пишу. Я ведь подписыва-

● КАЮТ-КОМПАНИЯ

юсь собственным именем под произведением. А это для меня означает — почти кровью. Значит, все в книге должно быть правдой. Вот так это было, вот так чувствовал герой, вот на такую колонну он при этом оперся и на такую долину смотрел.

Как только заграничные поездки стали возможны и появились деньги, Ольга первым делом отправилась в путешествие по всей Греции. Все объездила, осмотрела, наснимала — впитывала в себя, как губка. 6 раз она была в Греции, 4 раза — в Турции, была и в Египте. Ольга посещала раскопки, а некоторые — и по два раза.

— Последняя поездка была в школу Аристотеля. Мы попали туда, когда туристы уже исчезли. Сначала промахнулись на машине, проехали нужный поворот и поехали между апельсиновыми садами, по грунтовой дороге. А там озерцо — из ключей. Вода холодная, чистая, вкусная. Древние поклонялись таким источникам — там живут божества, нимфы, это сакральные места, символы чистоты. А день был жаркий, 40 градусов. Вышла я туда, на это святое место и поняла, что я никогда не забуду его и эту минуту. А там горы, отвесные такие стены невысокие, а в них пещеры. Там располагалась школа для мальчиков и все помещения. А вдоль этих гор ручьи текут — мне по пояс. Я разделась догола, и омылась этой ледяной чистой водой, плавала там и пила одновременно эту воду. А в ней мята растет в человеческий рост! Это было мое крещение в свою веру. А как же иначе, ведь это необыкновенное место! Вокруг лес и непередаваемая красота. И пустота. Я одна на свете. Нет мира. Есть я, эти ключи, пещеры. Вот в таком волшебном месте я побывала. От него в романе одно крохотное упоминание про мяту в человеческий рост.

И вот роман Ольги Эрлер «Александр Македонский и Таис. Верность прекрасной гетеры» написан и издан. Книга понравилась читателям, тираж распродался и была выпущена дорепечатка. На своем сайте (<http://olgaerler.mylivrage.ru>) Ольга рассказала, как она писала роман, разместила собственные иллюстрации, фотографии мест, в которых она побывала, и отзывы о романе. Один из них, от писательницы Веры Эвери, гласит: «Кажется, это лучший роман о любви из тех, что мне доводилось читать, если не за всю жизнь, то за последние годы...».

Роман написан по-русски для русскоязычных читателей. Но Ольга уверена, что ее мечта могла исполниться только в Германии.

— Останься я в России, я бы была занята тяжким добыванием средств к существованию так, как это делали мои подруги и сестры. Плюс быт, плюс общая обстановка, не располагающая к такому баловству, как писательство.

Наша героиня прожила в Германии большую часть жизни. Она ощущает эту страну своим домом и любит ее. Берлин — очень красивый, зеленый и удобный для жизни город. Ольге не нужна здесь машина. Она любит сесть в трамвай и через 10 минут сойти в парке на Белом озере — там можно поплавать, позагорать и побыть в одиночестве.

— Если бы меня спросили, хочу ли я вернуться, в первый-второй год моей жизни на чужбине, я бы сказала, что готова хоть пешком, сейчас же. Но то время давно позади и той жизни давно нет, поезд ушел, вода утекла. И слава богу. Все к лучшему в этом лучшем из миров. Надо это просто понять и принять. Как сказал мой герой, «жизнь всегда идет вперед». Зачем же я буду делать шаги назад? Хотя зарекаться ни от чего нельзя, кто знает, как повернется моя судьба.

Ольга ТОПРОВЕР

● ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

СНЕГ И ЛИСТЬЯ АСМИК ПАЛАНДЖЯН

Если позволите, я сразу начну со стихотворения — одного из любимых и часто вспоминаемых:

Сегодня ночью осень кончится,
Осталось пленки меньше метра.
Последний лист дрожит и корчится
В отчаянных ладонях ветра.

И тот в ответ послушно бесится —
Свист переходит в дикий хохот.
Финал... прощальный вечер месяца.
Не унывай..... все будет плохо!

Найдут с утра сердечко олова,
В сгоревшей кучке снов и басен...
Мигнешь — и рухнет снег на головы,
Малейший вздох — взрывоопасен.

Финал... я жду отрыва листика,
А он привинчен к ветке мокрой,
Рябит в глазах веселой охрой,
Не падает..... такая мистика.

Интересно, догадывается ли сама Асмик Паланджян, что ее стихи — точь-в-точь как этот осенний листок? С одной стороны, они настолько хрупки и беззащитны, что хочется брать их осторожно, нести бережно, как какую-нибудь хрустальную драгоценность. С другой — в них всегда присутствует немалая внутренняя сила — та цепкость, с которой они застревают в памяти, сродни цепкости «привинченного к ветке» листа. И в этом на самом деле есть какая-то мистика — поэтов у нас много, стихов — еще больше, но Асмик, никогда не стремящаяся как-то выделиться среди собратьев по перу, — неповторима и почти всегда узнаваема. Как ей это удастся — для меня не вполне разгаданная загадка.

Асмик Паланджян по образованию архитектор, а по профессии — художник. Основная ее работа — иллюстрации к детским книгам. Надо сказать, что это особое призвание: здесь нужен не только присущий художнику собственный взгляд на мир — нужно еще хоть немного быть ребенком, видеть действительность детскими глазами, чтобы твои читатели, которые, возможно, еще и читать-то не умеют, тебе поверили. У Асмик есть оба этих качества, поэтому она с равным успехом создает и великолепные детские рисунки, и замечательные детские стихи. А о самой себе пишет вот так:

Может ты объяснишь, почему я совсем не взрослею,
Почему безнадежно застряла в режиме offline?
Вечно мерю шагами все ту же пустую аллею,
До скамьи, что хранит столько детских расплывчатых тайн.
В слишком бешеном темпе меняются даты и числа,
Ну а я не умею за ними так быстро бежать.
Просто так и живу — без особого скрытого смысла,
Лишь забьюсь в уголок, чтобы тем, кто бежит, не мешать.

● ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

Голова то пуста, то бессмысленным хламом забита,
И не вытрясти все, и прозрения лучше не ждать.
Ни с того ни с сего подкрадется неслышно обида,
Заставляя меня на дежурном плече зарыдать.

На скамейке, где все растворилось в полуденной лени,
Где кривой абрикос подпирает сухую сосну,
Я неловко уткнувшись в терпеливые чьи-то колени,
Засмеюсь и заплачу.. и всхлипну..... и тихо засну.

А вот — уже не о себе, но посмотрите, как здорово, буквально двумя штрихами схвачено детское мировосприятие:

... Годы-века-недели, в туман сомнений
Ложечку золотистого солнца влейте...
Мальчик в веснушках небрежно свистит на флейте
И говорит, не смущаясь: я гений, гений.

Когда взрослая женщина, желая «поиграть в детство», начинает копировать повадки малого ребенка — это почти всегда смотрится неестественно и фальшиво. Асмик — полная противоположность такому типу. Она живет взрослой жизнью и взрослыми заботами, в ее стихах есть место любви, разлуке и даже смерти, о которой ребенок до поры до времени вообще не задумывается, и всё же:

Утро в окне — из дождя и тумана кашлица.
Чье-то лицо, или это спросонья кажется.
Бледно-печальный знакомый такой овал.
Чайник кипит, потерялась вторая тапочка,
На занавеске заснула ночная бабочка.
С неба на зонтики капает барбовал¹

Трещины на стене, паутина рваная.
Вечный маршрут: коридор-поворотик-ванная—

Кухня... коллекция самых простых примет...
В каждом углу расположены знаки-признаки,
Из темноты возникают и тают призраки....
Ангел застрял в паутине... шепнул: привет.

Вдумайтесь в то, о чем хочет поведать нам Асмик Паланджян: ведь этот ангел живет не только в ее доме — он обитает в каждой кухне, среди «самых простых примет», но нам, «стандартным» взрослым, почему-то не виден. На каком-то этапе достижения зрелости потерялось особое зрение, стремление наполнить мир сказочными образами и тем самым сделать его ярче, богаче, красочнее. Стихи Асмик стучатся к нам, пытаются пробудить это утраченное с детства шестое чувство, и раз эти строчки берут нас за душу, значит, не всё потеряно, значит, мы еще не окаменели окончательно в своих старательно сооруженных хитиновых скорлупках. . .

Асмик живет в Ереване — южном городе, где зима коротка и ненадежна. Видимо, этим объясняются ее особые отношения со снегом, снегопадом, который предстаёт во многих стихотворениях долгожданным подарком, имеющим большую ценность, и в то же время вызывающим неотступную тревогу, поскольку в любой момент может растаять, раствориться, исчезнуть — возможно, на целый год:

Рассыпался загадочный сосуд
В руках моих на равные осколки,
На мелкие кусочки зим и лет...
От этого бесснежья не спасут
Ни хоровод вокруг грядущей елки,

¹ успокоительное, антистрессовое и противодепрессивное средство

• ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

Ни прошлогодней — призрачный скелет.

Она еще качается в лесу.
Растерянная.... в опьянении неком.
Мечтает прошвырнуться по балам.
А я, обратно затолкнув слезу,
Глотаю незапятнанное снегом
Пустое небо — с грустью пополам.

Включите снег. Я сделаюсь добрей.
Нагруженная, забегу под арку,
Измерю двор, ботинками скрипя.
Сорвав обертки с прошлых декаблей,
Немедленно возрадуюсь подарку.....
Как хрупкой бандероли от тебя.

Как у любого серьезного поэта, у Асмик Паланджян есть свои излюбленные темы, к которым она обращается чаще всего. Но вот что выгодно отличает ее стихи от многих других: не припомню, чтобы Асмик тиражировала сама себя, повторяя уже обкатанные ранее поэтические находки. Каждое ее стихотворение — это микро (а то и мега-) открытие, подчас совершенно неожиданное, порой озорное — как и подобает человеку, сохранившему в себе детскую непосредственность:

Буду спать в январе, завернувшись в коричневый плед.
Ну а чем еще можно заняться в его середине?
Наблюдать как спускается капля по тающей льдине
И ловить твой прозрачный, всегда ускользающий след.

Слушать, слушать как плачет вчера еще падавший снег,
Как стекает вода монотонно с некрашенных кровель.
И украдкой в тетрадку набрасывать тушью твой профиль...
Коротать кое-как этот месяц, похожий на век.

Нет, уж лучше засну (ты мне грустную сказку прочти),
Обложусь, как подушками, мягкими летними снами,
Где опять проплывет все что было и не было с нами,
Все что будет, а может не будет... неважно почти.

Только ты не усни, не проспи остановку, а то
Так и будем кружить в заколдованном зимнем трамвае...
И смотри, не забудь разбудить меня где-нибудь в мае.
Я проснусь и спрошу почему это ты не в пальто.

О чем бы ни писала Асмик Паланджян — о грустном или радостном, о серьезном или забавном, о детском или о взрослом — ее стихи несут в себе какое-то особое тепло. Не будучи знаком с Асмик лично, очень редко (так уж получается) вступая с ней в переписку, я тем не менее уверен, что она замечательный, душевный и очень неравнодушный человек. Я думаю так потому, что стихи Асмик, полные самых неожиданных фантазий, врать — не могут. . .

Андрей МОИСЕЕВ

• ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

“ПЯТЫЙ ЭТАЖ”: КУХНЯ, РАСКРЫТАЯ НАСТЕЖЬ

Петербург, как известно, — город, живущий в своём формате. Литературные, музыкальные и даже театральные вечера здесь вполне успешно могут проходить на квартире, а уж о петербургских кухнях и вовсе можно писать книги.

Эту традицию продолжает и арт-салон «Пятый этаж», организованный уроженкой Нижнего Новгорода Василисой Сатирской.

Василиса Сатирская

В начале, как известно, было слово. И слово это было... «Давай!» Впрочем, так бы и пропало оно в осенней ночи, если бы эхом не прозвучало в ответ: «Давай!» А что давать-то? Кому? Зачем? Ах, это такие мелочи! Шел 2008 год, мы были наивными и полными творческих планов, как многие до и после нас, приехавшие покорять Петербург.

Вот вы что думаете, в культурной столице насыщенная литературная жизнь, да? И правильно думаете. Каждый день что-то происходит. Порой требуется раздвоиться или расстроиться, чтобы успеть везде. Но! Разве может это остановить молодых и амбициозных, решивших затеять свой проект? Нет. И не должно.

Итак, было сказано слово. И понеслось. Место действия самое банальное — квартира на Черной речке. Спальный район. Небольшая однушка на пятом этаже. От метро далековато. Какие квартирники?! А вот так! Глаза боятся, а руки делают. Я поставила чайник, разложила печенье и конфеты и отправилась встречать гостей, уверенная, что никто не придет, ведь я еще так мало кого знала вообще в Питере, не говоря уж о литераторах. Но пришли четверо, среди которых была и та, от которой я и услышала ответное слово. Знакомство, чтение стихов, разговоры о... Я уже и не помню, о чем. И ничего, что из тех, первых, остались теперь только мы, организаторы. Нам нужен был толчок, чтобы понять, что мы делаем и для кого. И мы поняли.

«Пятый этаж», как бесхитростно назвали мы наше детище, — это литературная кухня. Что мы делаем? А все, что делают обычно на кухне. Едим, пьем, разговариваем. А поскольку кухня литературная, то читаем стихи и прозу, обсуждаем, спорим... живем, словом. Не знаю, как вам, а мне всегда была интересна эта сторона литературного процесса — кухонная, закулисная, внутренняя, домашняя. В эпоху

• ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

Интернета, безумных скоростей жизни, многообразия в искусстве, тотального одиночества творческих единиц хочется диалога. Не публичного, не эпистолярного. Живого. Глаза в глаза. Поэт с поэтом — один на один. Поэт со слушателем — один на один. Без сценического пафоса. Без Ctrl+Z и Delete. Как есть. Потому «Пятый этаж» — это квартирный (конкретнее — кухонный) проект, созданный прежде всего для общения людей, занимающихся литературным творчеством.

Да, «Пятый этаж» собирает именно литераторов, но музыканты, художники, актеры — все люди творческих профессий — всегда желанные гости на литературной кухне «Пятый этаж». Синтез искусств — наш принцип.

Поскольку четких представлений о том, чем мы будем заниматься в рамках проекта, на тот момент не было, как не было и уверенности в нашем одиночестве, процесс пошел как-то сам собой. Как бог на душу положит. Первые полгода мы существовали в режиме «для себя». Впрочем, глобально ничего и не изменилось. Проект «Пятый этаж» существует прежде всего для нас, его организаторов и постоянных участников. Просто количество заинтересованных лиц выросло многократно. Наша маленькая кухня открыта всем, но попасть на нее проще, чем задержаться и стать ее частью. Для этого она должна стать частью вас самих. Замкнутая тусовка? Нет. Закрытая? Тем более — нет. Открытый проект для избранных.

Проекту уже два года. Чего только не было за это время! Авторские вечера (Рахмана Кусимова, Никиты Бомкина, Эллины Леоновой, Александра Чеботарева, Наташи Мурштейн и др.), вечера тематические (например, вечер стихов об алкоголе «In vino veritas» или вечер Серебряного века, повторившийся даже дважды), литмастерская (работа с заданиями), акустические концерты музыкантов (Саши Ветрова с программой на стихи Серебряного века, группы «Происшествие», проект Саши Ветрова и Жени Глюкк «Панические атаки»), спектакли (моноспектакль Нины Криночкиной по Н.Гумилеву, авторский вечер хозяйки литературной кухни «Яд и цвет»). Вот такая получилась «веселая» кухня.

И тут случилась с нами одна неприятность... В силу обстоятельств мы были вынуждены оставить наше обжитое место на Черной речке, наш пятый этаж, нашу кухню. Казалось бы, проект можно закрывать, ведь как может быть «Пятый этаж» без пятого этажа? Но! Осенью 2010 года я снова услышала «давай». И ответила «давай». Теперь уже точно зная, что делать. Проект «Пятый этаж» вернулся. Теперь мы собираемся в гостях, на разных

Легендарная кухня. на «Пятом этаже»

площадках нашего города, обживаем новое пространство и начинаем в нем новую жизнь. У нас большие планы. Присоединяйтесь!

Всегда с вами — хозяйка литературной кухни «Пятый этаж», Василиса Сатирская, и домовая Нина Криночкина.

Василиса САТИРСКАЯ

Никита Бомкин. Диспут

Эти губы никак не сравнить с иерихонской трубой,
А другие нельзя даже с трубкой мобильной сравнить.
И плетутся слова в пустоте между мной и тобою,
И обрезать бы нам этих слов бесконечную нить,

Что задушит, сперва намотавшись на мыльную шею,
Завязав узелок из метафор и прочей муры.
И заблудится пот поступательных телодвижений
В авангарде зимы, отправляясь в иные миры,

Где у южных ворот повстречается радостный Кенни,
А у северных врат поджидает свирепый садист.
Эти скажут — «Дурак!» — а другие подумают — «Гений!» —
Но двум мнениям сим никогда не сойтись. Не сойтись.

Рахман Кусимов. Снег над Ленинградом

И если потом ничего не вспомнится, так даже проще,
Поскольку и прошлое тоже бывает невыносимо,
А нынче большой снегопад, посмотри, заметает площадь,
И это очень красиво, действительно очень красиво.

В такие моменты не надо времени, месяца мая,
Бесперебойного транспорта, рабочих звонков кому-то,
Когда так стоишь посреди этой площади, понимая:
Самое важное в жизни длится считанные минуты.

Решение перевернуть потрепанную страницу;
Миг перед поцелуем, краткий взгляд, телефонная фраза;
Что-нибудь, от чего вправду может многое измениться,
Или даже, того гляди, переменится всё и сразу.

Нина Криночкина.

• ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

В гостях москвичи: Фёдор Мальгинов, Наталья Караковская

А нынче глядишь на снега, внимания не привлекая,
Не делая лишних движений, молчания не нарушив,
И тебя настигает огромная тишина, такая,
Что не можешь понять, это — внутри тебя или снаружи.

Наташа Мурштейн. Легко

Вылупиться... Новой свободой рвет
из затхлости зимних стен. Сполна
подарить себя свежести, что живет
только в первых минутах весны окна,
открытого нараспашку. Легко...
Накопленную холодами тяжесть снять,
Без шапки выйти в тепло на улицу.
Учиться по-новому ощущать. Опять
распуститься! Опять солнцу жмуриться!
Искать новую жизнь.
Сесть в другой троллейбус на восток:
С другими людьми, по-другому путь.
Впустить случайных предчувствий ток.
Глазами встретиться. В себя вдохнуть.
Услышать: «Следующая – остановка – сердца»...

Нина Криночкина. * * *

Из всех дарованных мне снов
Я выбираю те,
Где светел мир и ты родной.
Чтоб рассказать тебе.

Но те, когда в моих мирах —
развалины и прах,
меня тревожат в немоте
и погружают в страх.

Ко мне приходит человек,
Чьё сердце из огня,
И остаётся на ночлег,
Чтобы просить меня.

Он просит хлеба и воды,
Родить ему детей,
Он просит быть к нему нежней,
И исчезает в тень.

Он словно тень от тени сна
Он будто бы знаком,
Его следы кружат в снегу,
Куда уходит он.

Я просыпаюсь и глаза
Воды и сна полны,
Я опасюсь в темноте
Узнать твои черты.

Люба Лебедева. * * *

твоя соседка - девушка-скрипачка, играет часто,
когда играет, ты уходишь в слух, на полуслове.
смотри, вот облако, похожее на чайку,
но ты не птицу, ты иное ловишь.
я ненавижу тонкость стен, терзаю сердце,
бутонов красных на обоях двести пять.
им не раскрыться, мне не разреветься,
сижусь с тобой, но как бы без тебя.
...потом прошло четыре года: цветных и серых,
что видела я в мальчике смешном?
но как она играла, эта стерва,
как по живому резала смычком.

Василиса Сатирская. Ядерный цветок

*«Жара, жара... Когда же это кончится?!»
Из разговоров в офисе*

Жара охватила город, закутала тяжелой пеленой, словно хотела задушить. От любви ли, от ненависти ли... какое это имеет значение! Очень может быть, духота бесстрашна. Бесчувственна. Безразлична. Скорее всего... Вырываясь из ада ее объятий, я спешила и потому готова была уничтожить все на своем пути. Я вышла на улицу вооруженная всем, что нашлось подходящего в доме, от простой воды из-под крана до большого разделочного ножа. Я вышла на тропу войны, чувствуя себя воином, призванным высшей силой и ей же благословленным.

Расчерченные на квадраты тени и света, сонные, одурманенные дворы казались мне иллюстрациями из книги, совершенно нереальными картинками. Полею, на котором мне предстояло сражение. Вы думаете, любовь — это созидание. Нет, говорю вам, любовь — это сила, мощный двигатель внутри нас, раскрывающий человека, как цветок, заставляющий действовать во имя. Во имя, но совсем не обязательно во благо. Не всем во благо. Порой это ядерный цветок войны.

Мир не может быть таким, каким был до. До тебя, проросшего во мне. До меня, живущей только тобой. Мир уже не может быть иным. Точка невозврата пройдена. Когда? Кто бы знал... Я не знаю. Я старалась удержаться в том, прежнем мире. Никто не знает, как старалась, в кровь сдирая руки и ноги, скатываясь, срываясь, погибая... И сорвалась. Сперва думала, этот полет в пропасть закончится скорой смертью, а потом... оказалось, я и правда умерла. Прежняя, белая девочка с тонкими пальцами и отстраненным взглядом, сильная и свободная. Я умерла в полете. И возродилась, перестав падать и полетев. Я преодолела земное тяготение, заменив его на небесное. О, да, теперь я падаю, как и прежде, но — в небо. Все перевернулось, поменялось местами. Волосы изменили цвет с темного на красный, кожа потемнела и огрубела от солнца и ветра, глаза стали видеть дальше и больше. Я стала другой. Я обнаружила такие крылья за спиной, о которых даже и мечтать не могла. Сами раскрылись.

Ты помнишь нашу первую встречу? Я — помню. Глаза, руки, улыбку... Узнавание. Все помню. Особенно ощущение парения, вмиг ослабевшие колени, отказавший голос... Я тогда очень испугалась. Было чего бояться. Падать больно. Особенно с такой высоты. И я удержалась. Вцепилась в землю руками и ногами, легла, прижав зарождающиеся крылья к земле. «Нет, нет, нет, этого не будет, нельзя». Ты ушел, и я смогла встать. Ты удивился. Я выдохнула, показала фигу, постучала по дереву и сплюнула через плечо.

Но я оказалась неосторожна. Я забыла, что зароненное в землю зерно может лежать годами, ожидая капли воды, чтобы дать росток. И я увидела тебя снова. Сама пришла к тебе. Думала, будет просто парение на несколько мгновений, забытая радость от потери земли под ногами и нахождения ее потом. И тут... я взлетела. Оказалось, крылья, придавленные и смятые, не атрофировались. Один миг, волшебное прикосновение... и они развернулись с ужасающим размахом. Я уже не могла ходить по земле, я с трудом проходила в узкие щели дверных проемов. В моем животе внезапно полопалось множество коконов. Потом, пересчитав, я запомнила — двадцать девять. Почему — не знаю. Но ровно двадцать девять бабочек едва не разорвали меня изнутри. Бедняжки, им, сонным и глупым, вдруг стало тесно, но вне коконов еще не было свободы. Вне коконов еще была я — их тесная вселенная.

Ты помнишь нашу вторую встречу? Зачем ты помог ей перестать быть глупой фантазией «а почему бы нет» и осуществиться? Ты видишь, к чему это привело? За все наши дела приходится платить. И порой такую цену, что уже не рад свершившемуся. Но мы далеко не всегда можем предугадать последствия наших действий. Вот и ты не угадал во мне патологических перемен. Да и как можно было? Ты же совсем меня не знаешь...

Но довольно. Что сделано, то сделано. Куколки стали бабочками. Крылья расправились и требуют высоты. Я — воин, вышедший на тропу войны. Я несу тебе свой ядерный цветок.

Уставшие, помятые лица прохожих. Потные и мокрые, несчастные люди. Я улыбалась им. Я знала то, что не знали они. Я знала, что несу твой подарок и им тоже.

Пробираться сквозь духоту по земле было трудно, и я, недолго думая, взлетела. Ах, как же это прекрасно! Если и вас постигла или когда-нибудь постигнет такая же счастливая беда, и вас так же поцелует бог, от чего родятся ваши личные бабочки, не держите себя в руках, расправьте крылья. Вы — прекрасны. Летите! Летите, пока можете. И так высоко, как сможете. Это и есть настоящая жизнь.

Я парила над городом. Я парила над своим самым любимым местом на Земле — над городом птиц и влюбленных. Жаркий, тяжелый воздух, мучающий горожан, вполне отвечал моему внутреннему горению, словно я сама нагревала его. Я кружила долго, много часов, слившихся для меня в одно мгновение. Мгновение для себя. Кружила, пока не почувствовала, что пора.

Я приземлилась в его сердце, в сердце своего города. На куполе Собора. Раскаленный металл обжег мне руки, но я не переставала улыбаться. Когда внутри тебя бьются двадцать девять живых существ, что тебе ожоги, что тебе эта внешняя, преходящая боль!

Устроившись на карнизе, я разложила принесенные вещи. Собственно не так и много мне было нужно. Вода, налитая во все, что смогла унести. Ветер в банке. Краски. Кисти. Карта города. И нож. Емкости с водой я открыла и расставила вокруг себя, куда достала. Должно хватить, ведь дело не в количестве. По крайней мере, я так думала. Развернула карту. Собственно, можно было обойтись и без нее, но лучше перестраховаться. Вот и все. Я готова. Одним движением ножа я раскрыла свое нутро, выпуская томившихся бабочек. Одна, две, три, пять... Двадцать восемь... Двадцать девятую я придержала. Какая же она была красивая. Радужная. «Лети, лети, лепесток, через запад на восток...» Казалось, она все поняла. Двадцать девятая, ставлю на тебя. Летите!

Ты сидел за компьютером, когда услышал этот звук. Сначала не поверил своим ушам, обернулся к окну и, не удержавшись, вскочил, подбежал и распахнул окно. Дождь! Дождь!!! Долгожданный, летний, легкий. Сильный. Чистый. И как будто радужный. Ты улыбнулся. Наконец-то! И тогда ты увидел ее. Маленькая, голубая снаружи, а внутри радужная. Маленькая бабочка сидела на раме твоего окна.

— Привет, — сказал ей ты.

— Привет, — ответила я, сидя на карнизе и болтая ногами. Я больше ничего не боялась, даже высоты и падения. Дождь поливал меня, словно бог из большой лейки, а я рисовала город и бабочек, летающих над ним. В моем животе была рана, похожая на красный цветок. Да, любовь требует жертв. От нее бывает страшно и больно. Но она — это жизнь. Даже если смерть.

ЯИЧНИЦА ДЛЯ НЕГО

Что делают женщины, которые пишут стихи? Пишут ли они их от того, что пришло, свалилось, заболело и — нет жизни, нет покоя, а только плачь или кричи, или — пиши стихи, говори стихами, дыши ими? Отнюдь. Чаще получается по-другому.

Пример. Живет себе дама, и жизнь у нее так себе (по ее собственным понятиям) — ну, муж (или нету), ну, дети хулиганят, ну, молодость на исходе и все ближе паровоз старости, что подомнет под себя легкую походку, шальные взгляды и шампанское в девичьей крови. И тут приходит озарение: если срифмовать несколько строк и выложить их в сеть, то, как по волшебству, вдруг все возвращается!

Прочитать стихок слетаются читатели. Потому что прочесть стихок — дело несложное, в нем, как правило, пара десятков коротких строк. Но вокруг него можно накрутить мегабайты разговоров, пообщаться, посмеяться, затеять сетевой флирт, а то и увлечься всерьез, а то и влюбиться!..

Кровь кипит, сердце стучит, жизнь обрела новые краски! Плохо ли это? Да ничуть. Глаза снова сверкают и как бы молодость как бы пришла.

Если этим занимаются сплошь графоманьяки и графоманьячки, то и ничего. Хуже, если в подобный супчик попадает человек с толикой таланта. Есть риск у талантливого автора все увидеть в кривом зеркале. И основная опасность, ясно видимая и потому отшвыриваемая ногой, чтоб и другие не заметили — перемена местами творчества и ожидания откликов.

Стихи как отмычка. Открывашка для бутылок. Стихи — инструмент для чего-то. Написать стихок не потому, что его нет сил не написать. А написать его для того, чтоб люди пришли на поклон или с разговорами. Генерирование хлама, у которого одна цель — вызвать реакцию. Так как разговор у нас идет о женщинах, то здесь практически полностью исключаются социальные тексты. Вариант «Спасите Вилли» у сетевых поэтов не прокатывает. Потому что — любовь. Она тепленькая, приятная поначалу и от нее молодеешь. Посему дама выбирает себе объект и начинает генерировать вздохи. И тут поле непаханое и нехоженое для умножения хлама. В данном случае ею непаханое и ею нетоптаное. Ведь можно писать о том, что он, ах, посмотрел! А можно и о том, что он, ах, отвернулся. А еще можно о том, что он, ах, коснулся руки. Или, ах, сегодня, скотина такой, руку в карман сунул и сделал вид. Кроме рук далее можно подробно рассмотреть всю анатомию подопытного, до того самого места, какое скромницы обозначают многоточиями в рифму. Еще большие скромницы ограничатся намеками и это тоже увлекательно, сколько можно намеков «понамякивать»!

В промежутках между воспеванием рук, глаз, ушей и плеч можно вплести в ткань поэзии: одиночество, прогулки, смотрение в окно, наговоры и приговоры, отвлечься на домашнего любимца и, после освежающей переменки, снова вернуться к Его ушам и глазам.

И вот в сети появляются громоздкие рифмованные диалоги, написанные по принципу стихков в альбомах провинциальных барышень. Сами такие стишки стоять не могут, заваливаются набок от одного пристального читательского взгляда, потому их тщательно копируют вместе со строками, что послужили толчком и торжественно публикуют отдельным текстом, называя — стихи.

У каждого человека есть определенный словарь. Огромная масса слов, что он знает и много меньшее количество слов, которыми он пользуется сам. Из меньшего количества выбираются слова безопасенькие и словарь современного сетевого поэта сужается до всеми поминаемых «роз-мимоз» и «крови-любви». Рождаются стихи, пусть

Мальчики ходят, не снимая ботинок. Курят в комнате. Не убираются, если только не ждут в гости девочку. Не глядят рубашки. Не носят белья. У них на балконе коробки из-под пиццы, пустые сигаретные пачки и железные детали от чего-то неведомого и страшного (должно быть, космолёта).

Девочки стирают трусики с ромашковым мылом и развешивают их на всех поверхностях, хоть чуточку для этого пригодных. Девочки появляются и сразу заполняют собой все вокруг — куда ни упадет взгляд, везде оставлен ими символ присутствия: чулок, лента, вязаный носочек, какая-нибудь непонятная ароматная хрень в ярком пластиковом флакончике.

Девочки распространяют сферу влияния: прикидываясь забывчивыми дурочками, берут ЕГО расчёску, ЕГО рубашку, ЕГО кружку.

Взрослые мальчики умны: у них есть специальное синее полотенце для девочек, специальная дочкина щётка для девочек. У них свой неприкосновенный бокал для пива и свой собственный угол дивана. И когда она уходит, им не больно — гетто женских вещей существует по соседству, но не включено в порядок его личных жизней и смертей.

А девочки мстительны — они забывают трусики и фляжки под кроватью, роняют на пол фотографии и брошки. Они упиваются надеждой, что его ранят эти маленькие вещи, что там, в глубине своей берлоги, которую она так и не смогла превратить в нормальное жильё, он будет рыдать — Чудовище над Розой — над этими крошечными осколками того вечно женственного, что тянет ввысь, рождая умиление и нежность — возвышающие душу, но вообще-то совсем не мужские чувства.

Алина ХАЛЗАГАРОВА

даже гладкие и симпатичные, но которые поют лишь тогда, когда взгляд упирается в строки. Перелистнешь страничку, простите, уйдешь в другой раздел литсайта, и, вот незадача, забылось то, что восхищало секунду назад. Пытаешься припомнить, а дудки, не вспоминается!

Повторюсь, разговор идет о материи нежной и нематериальной. Если кому-то такое творчество помогает жить, живите, дамы, сияйте! Но если у вас есть талант, хоть капля его, то помните — невозможно совместить писание настоящих стихов с обычной жизнью среднего человека. Если вы пишете на конкурсы, или чтоб Он пришел и прочитал; если, публикуя себя, вы одновременно всем рассказываете, что вы-де не поэт и учиться не собираетесь, а пишете «просто так, как душа спела», то вы, конечно, не поэт. Вы — поэтка. Салонная дама от массовой литературы. И не обижайтесь, если, как только замолкнете и ваши друзья будут подхвачены их собственным течением жизни (а так это и бывает и ничего от неблагодарности в этом нет), то вас никто не вспомнит. Выбирайте, или мучения с выворачиванием души на людях, епитимья непонимания и одиночества, тяжелейший труд, неблагодарная учеба всю жизнь и непрерывные сомнения в собственном творчестве. Или — салонная болтовня вокруг десятка строчек плюс красивая салонная же тоска с принятием эффектных сетевых поз.

Второе не наказуемо уголовно. Но этот тот самый случай, когда есть Божий дар, а есть яичница. Не путайте!

И — успехов в личной жизни. Будьте молоды, счастливы и пусть горят у вас глаза. Тем более, что влюбляться и посвящать стихи очередному объекту можно бесконечно и сеть в этом отношении весьма расширила наши горизонты и возможности...

Марлена КУЯЛЬНИК

• СЕТЕВЫЕ РАСКОПКИ

- Если прислушаться, девушки в метро говорят между собой по-вьетнамски. Женщины всегда лучше готовы к завтрашнему дню.
- Эмансипация сразу сократила число рабочих мест в два раза.
- Розанов умер в нищете от того, что не мог прокормить семью. И как бы я к нему ни относился, я понимаю, что он был прав.
- Женщины легко пускаются в слезы. Этим они похожи на кошек. А если вам не приходилось видеть плачущей кошки, то это потому, что они свои слезы прячут. Этим кошки не похожи на женщин.
- Возможно, известный нам мир, границы которого мы тщетно пытаемся нащупать, был подарен ребенку на Новый год. И остается только надеяться, что ребенок — девочка: они бережнее относятся к игрушкам.
- Розовое придумали голубые.
- Возможно, Бог — женщина. Но дьявол — точно женщина.
- Не удивляйтесь, что я вас толкнул. Это просто проявление агрессивности.
- У меня не раздвоение личности. У меня ее расстройство. И может быть, расчетверение. От этого одно расстройство. И может быть, даже расчетверство.
- До того, как Петр Первый заложил Санкт-Петербург, эта болотистая местность в устье Невы носила название Ленинград.
- Иногда думаешь: вот если бы я был избранным, если бы у меня было много денег, как бы красиво я зажил! Просто и красиво! А потом понимаешь: стал бы таким же козлом. А потом понимаешь: остался бы таким же козлом.
- «ПОМОГИТЕ. УМИРАЕТ СЫН». Никогда я ничего ей не дам. А вот за это, наоборот, всегда бы давал: «СПРАВЛЮСЬ САМА. РОЖДАЕТСЯ ДОЧЬ».
- Если бы мне дали миллион долларов, я бы пошел спать.
- Русский Космо, похоже, наконец-то окончательно сошел с ума. По слухам, своим новым слоганом Космополитен решил сделать строчки из одной советской песни: «Женская доля такая — робко пытаться понравиться». Нет, они там в Космо точно с ума посходили! Это же слишком длинно!
- Когда женщина утрачивает возможность радовать своей внешностью, она находит удовольствие в том, чтобы ей раздражать. Это получается лучше всего!
- Любые, даже самые креативные пиар-агентства, даже Администрация Президента не способны на такие манипуляции, как обычный мужчина с влюбленной женщиной.
- Может ли самурай отрубить мечом голову жене случайно? Может. И должен. Отрубить мечом голову жене специально было бы слишком жестоко даже для самурая.
- Все у нее хорошо. И умница, и красавица. Если бы она была футболистом, выходила бы в основном составе. Все у нее хорошо... Но не забывает!
- Я написал два или три традиционных романа, прежде чем понял, что не умею этого и не люблю. Думаю, что я дешево отделался. Диалоги... Какая гадость!
- Майской ночью по асфальту постукивает палочка слепого. Я лежу с закрытыми глазами и думаю об одиночестве и мужестве. Иногда все видишь на много лет вперед.
- За мои сны меня надо расстреливать.

ANDRENALIN.RU

• ДИКИЙ ГОН

БАНТИКИ-В-СЛЕЗАХ

БЫВАЮТ ПРОСТО ТЕСТЫ

К десятой минуте этого телефонного разговора я себя чувствовала тропической бабочкой, которую передали друг другу из ладони в ладонь десять тысяч бухих русских туристов.

- Аня, приходи на мой концерт в пятницу в «Б-1»! Бесплатно!
 - Дядя Слава, ну я же учусь в субботу, у меня шестидневка.
 - Аня, но я же не заставляю тебя накачиваться пивом до утра!
 - Дядя Слава, как же можно прийти на концерт — и не выпить четыре-пять кружек пива?
 - Хочешь, я куплю тебе ящик чупа-чупсов и дам перепробовать все соки в баре?
 - Дядя Слава, давайте в другой раз, у меня в пятницу после уроков свидание!
 - Так бери своего мальчика и приходи вместе с ним в клуб!
 - Дядя Слава, ну какой клуб, я ведь уже даже резинку купила!
 - Говорю, бери мальчика, резинку и приходи в клуб на концерт!
 - Что же, мне прямо там с ним заниматься тем, ради чего свидания устраивают?
 - Ты, главное, приходи, с остальным проблем не будет!
 - Дядя Слава! Как вы можете такое говорить?! Я же приличная девочка!
 - Аня! Но мы же играем для фанатов!
- Я глубоко вздохнула и, в последний раз сказав «Нет!», нажала на красную кнопку.
- Что, опять Бутусов занудствовал? — с сочувствием спросила Маруся, сидящая рядом за партой. До урока географии оставалось четыре минуты.
 - Ага. Представляешь, приглашает на каждый концерт и сажает в зале так, чтобы всё выступление смотреть прямо на меня. Ну и цветы покупает здоровыми такими охапками.

© Графика: KaiTen

• ДИКИЙ ГОН

— Ух ты! Вот бы и мне цветов от Бутусова!

— Так ты думаешь, он их дарит? Он меня бесплатно на концерты зовёт, чтобы я на последней песне эти цветы на сцену выносила и очень натурально их вручала!..

В этот момент в кабинет вошёл наш бессменный староста класса Лёша Ефимов, назначенный в незапамятные времена на эту должность за отличные оценки и отсутствие склонности к прогулам. Нрава он был доброго, и если надо было подсмотреть оценки по какому-нибудь предмету, я тихонечко чмокала Лёшу в мочку уха, после чего несколько минут Лёша, а вместе с ним и классный журнал, были моими.

— Девочки, сегодня, пожалуйста, не прогуливайте географию, к нам придёт психолог и будет проводить какой-то тест, — вежливо обратился к нам староста.

Мы с Марусей переглянулись; я изобразила на лице смущение. Заметив это, Лёша немного обиделся.

— Аня, ты меня достала своими подколками! Знаешь, кроме тестов на беременность есть ещё и просто тесты!

— Точно! Психологические! — подтвердила Маруся, — Ты сам только что это сказал!

— Ну ладно, уговорили, — ответила я, — посмотрим, какими там тестами пользуются психологи.

Психологом оказалась Ольга Владимировна, которую я всегда принимала за училку начальных классов. Она сказала, что этот тест направлен на выбор профессии, и если мы ответим правильно на все вопросы, то тогда узнаем, кем хотим стать. Ну а если кто-то не узнает, то она применит к нам какие-то «проектируемые» методики, и поэтому лучше не скрывать, сказать сразу.

Чтобы лучше ответить на все вопросы, мы с Таней и Светой составили три стула за задней партой и приступили к работе по полной программе.

— Первый вопрос о любви к животным, — прочитала Светка.

— Ненавижу тараканов! — брезгливо поморщилась Таня.

Полчаса мы отвечали на idiotские вопросы, по которым было заранее понятно, как надо отвечать, чтобы поступить туда или туда. Но если с девочками всё было и так понятно, то я разрывалась между несколькими вариантами. В конце концов, вспомнив о своей верной кошечке Фанни, всё ещё живущей на нелегальном положении, я решила поступать в Ветеринарную академию, а если не получится, то хотя бы в Лесотехнический университет, чтобы быть ближе к природе.

На следующий день всем раздали листочки с результатами тестами и лишь нескольких самих упёртых — в том числе, меня — потащили на индивидуальное собеседование к психологу. Идя по школьному коридору, я ощущала всей кожей, что теперь-то без проектируемых методик дело точно не обойдётся.

Впрочем, Ольга Владимировна, кажется, не собиралась меня мучить. Наоборот, она была расстроена моим тестом намного больше, чем расстроилась бы я сама, если бы хоть немного принимала его всерьёз.

— Аня, по результатам твоего теста, получается равное распределение интересов по всем шкалам. Это означает, что ты мне должна сама на словах рассказать, чего ты хочешь в жизни.

— А что, Ветеринарная академия отпадает?

— Отпадает.

— И этот, забыла, ну который Лесной?

— Тоже.

Поняв, что всё серьёзно, я доходчиво объяснила, что учиться и работать не хочу, вместо чего собираюсь либо стать женой олигарха,

либо прославиться просто так — благо, первую книжку уже издала, а вторую — пишу (да-да, вот прямо сейчас! именно это!).

— Слушай, ну если такие дела, может тебя в Литературный институт записать? — предположила Ольга Владимировна.

— Не хочу. Ну сами подумайте, что это за дурацкое место: ладно бы там учили хотя бы подписи к поздравительным открыткам писать, так ведь даже этому научить не могут. И кем я пойду работать потом? Литературным негром? Продавцом в книжный магазин? Уж лучше замуж в шестнадцать лет!

— Аня, ну пойми, если я ничего не напишу, мне же выговор сделают. Скажут, что плохо работаю.

Я задумалась. Ольга Владимировна была неплохая тётка и, в целом, невиноватая в моей гениальности.

— Ольга Владимировна, можно я минут десять подумаю, а потом вернусь и скажу, что решила?

— Ну, ступай, что ж с тобой делать... .

Выйдя из кабинета, я устало прислонилась к стене. Спасти меня и Ольгу Владимировну могло только чудо.

Подшли подружки. Как и следовало ожидать, по результатам теста Света выбрала финансовую академию, Таня — педагогический университет, Риточка — медицинский, а Маруся — консерваторию.

— Ну а ты, как же ты? — заинтересованно спросила меня Рита.

— До Ветеринарной академии я недотянула пару баллов, до Лесохозяйственного института — все десять. Так что, кем быть, я так и не поняла... .

Не успела я договорить фразу, как нам подбежал испуганный Лёша Ефимов.

— Аня, ты чего, психолога до истерики довела? Тебя директор вызывает.

Мои подружки посмотрели на меня с сочувствием. Сжав кулаки, я решила, что выхода у меня всё равно особо нету, и мужественно отправилась на первый этаж.

Наш директор, редкостный козёл, даже не посмотрел на меня и бросил через стол какую-то карточку.

— Держи, звезда, — неприязненно произнёс он сквозь зубы.

Текст телеграммы гласил: «ПРОСИМ РАЗРЕШЕНИЯ ЗАЧИСЛИТЬ АНЮ БАНТИКИ В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ ГОРЬКОГО НА ДНЕВНОЕ ОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ЗПТ БЕЗ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНОВ И ПЛАТЫ ЗА ОБУЧЕНИЕ ЗПТ С ПРИСУЖДЕНИЕМ ТРИЖДЫ ПОВЫШЕННОЙ СТИПЕНДИИ ДВАЖДЫ В МЕСЯЦ ТЧК РЕКТОР ЕСИН».

— Я могу идти? — осторожно спросила я.

Директор равнодушно повёл плечами, и я выбежала в коридор.

— Ольга Владимировна! Запишите мне Литературный институт, а потом я эту телеграмму сразу потеряю и снова буду свободной женщиной! — заявила я психологу, влетев в кабинет.

— На какой факультет?

— Почвоведение! Ну, который изучает писателей-почвенников!

— Ага. «По-чво-ве-дение», — вывела у себя в тетрадке Ольга Владимировна.

«Отчего я не прогуляла географию?», — думала я. А о чём подумала Ольга Владимировна, лично я так и не узнала, поскольку миелофон у Алисы, Алиса в Зазеркалье, Зазеркалье у Кэрролла, а Кэрролл — литературный псевдоним и провокация!

ИСТОРИЯ КРОКОДИЛА ГЕНЫ

История не настоящая, но и не придуманная. Ведь если я скажу, что позавчера мой друг Кроллик Рэббит пол-дня носился с разговаривающим капризным Крокодилом, мне ведь мало кто поверит — ну честно, кроме психиатров, ведь никто!

Вчера стою я себе на остановке — никого не трогаю и ни к кому не пристаю, уставший, наверное, был. Пробегает мимо меня болид, смотрю — хвост знакомый такой, прям как мой. Я голову подымаю — смотрю, таки да, он!

— Кролл! Стой!

Останавливается, глаза на выкате, дышит, как будто гаванские сигары курить начал.

— Я это... за жизнью своей бегу... никак... не догону... делаешь все... носишься как хомяк в колесе, а нифига мне... только вот все было хорошо, и опять недоволен и опять работать... а тут еще на мою голову нашлось... всякое...

— Тише, Кролл, давай сядем, поболтаем, тебя ж целыми днями нет в живых — неупловимым стал...

— Хууу... Хууу... ну давай! Во-о-он туда пошли, пива купим, на ступеньках посидим...

Мы купили пива и побрели к ступенькам кирпич на Шпитальгассе. Там правда была демонстрация против войны в Ираке, но мы таки выкроили себе пару ступенек для посидеть.

...Был давеча на дне рождения, ну как обычно, отгуляли, откушали. Домой пришел и на боковую... Утром встаю — нырк в холодильник — огуречного рассола нет, и пива нет, только йогурт и джин. Ну, я решил джина тяпнуть, так сказать, для ослабления интоксикации... Отпил, прилег отдохнуть, слышу — плачет кто-то... ну думаю, вах, приплыл... Может, я нечаянно дитёнка чужого прихватил? Было ведь уже, клептоманство чёртово... Иду в ванную — оттуда рыдания, захожу, свет включаю. И тут у меня ступор. Крокодил в ванной. Смотрит на меня и жалобно так...

— Я заблудился! Хочу к маме, хочу к папе, хочу к бабушке!

«Домой хочу!!! Мамааа...» Ну меня как током шарахнуло... Вроде и день рождения был у Бобра, вроде и не курили много, может, кто и был из Крокодилов — ну, всяко ведь бывает, может кто из египетского посольства или из бразильского... Ну, я его на руки взял, а он, падла, тяжеленный, килограмм 25 будет, и говорю ему:

— Малыш, не плачь! Сейчас дядя Кролл доставит тебя домой...

— Как тебя зовут?

— Гена.

— Гена, перестань плакать, ведь слезами делу не поможешь, успокойся, малыш, все будет хорошо!

Ну вроде как успокоился... слезинки подсохли, вроде как и нос хлюпать перестал.

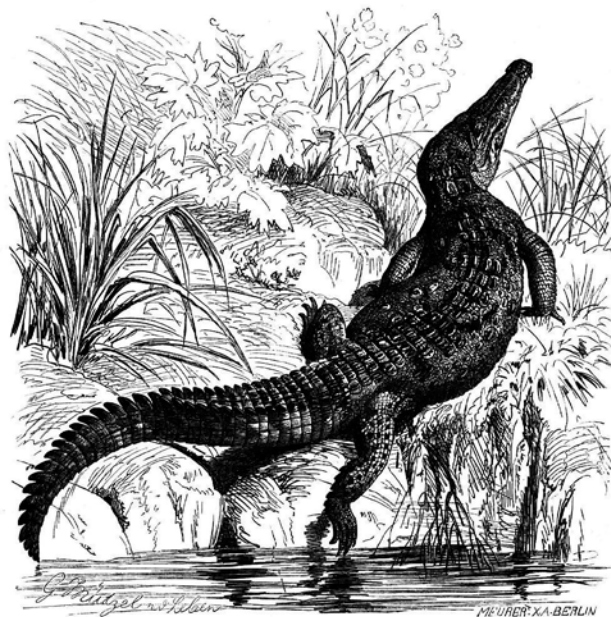
— А где ты живешь?

— Мы живем с папой и мамой, рядом дом бабушки и дедушки...

— А кто твои мама и папа?

— Они крокодилы!

Ну, что они крокодилы, я и сам догадался, в общем. Поболтали мы так с часок, выяснил я, куда он вроде в школу ходит, где его детский сад был, все что мог — вытянул.

Покормил я его, оделся, взял все свои носовые платки и пошли мы с Генкой искать его дом, родителей, ну или мир его, это если в переносно-метафизическом смысле. Он ведь вывалился на мою голову откуда-то, не из дырки же в небесах.

Идем, а у него ножки коротенькие, семенит ими быстро-быстро, за мной еле успеваает. Еле до остановки дошли, а там ведь полквартала всего, ты ведь знаешь. А тут как раз работы ремонтные — остановку метров на сто вперед перенесли. Идем мы к ней, а он уже еле-еле семенит и хныкать начал...

— У меня ножки коротенькие, я устал, ноженьки мои болят, животик по асфальту волочится, не хочу идти, хочу ехать...

Дошли мы еле-еле до остановки, сели в трамвай. Народу порядочно так, ну мы далеко внутрь не заходим — всего две остановки ехать и пересаживаться. Люди туда-сюда входят, выходят, иногда на хвост наступят, на лапу там крокодилёнышу. Ну, проехали мы пол-остановки, а он уже извелся весь, бедненький.

— Не хочу в трамвае, хочу опять пешком, все меня тут пинают, лапки отдавили, хвостик мой болит — наступают на него постоянно. Хочу идти пешком, не хочу ехать...

Ну вышли мы, прошли еще пол-остановки, медленно идем, квартал за пол часа еле одолели.

— Ножки мои устали, хвостик болит, волочиться по земле, больно ему. Хочу в трамвае, не хочу пешком.

Сели мы на скамейке остановочной, сидим, ждем. Сидит с нами рядом парнишка какой-то и с кем-то по мобиле переписывается... Посмислил он так с пару минут и позвонить решил... потрепаться...

— Привет, Козьякина!

— Не страшно было трубку брать?

— Я просто устал смситься и решил позвонить..

— Да, я тоже...

— Я очень нежно к тебе отношусь и не хочу делать тебе больно и не хочу, чтобы ты сама себя мучила...

— Я думал много о нас...

• ДИВАНЧИК ДОКТОРА ИНКФИША

— Так лучше...

— People who were close together as we've been always meet again.

— Чмоки. Чао!

Звонок сбросил, посмотрел на меня странно так. А Гена у меня на башмаке мордой лежит, прикорнул бедняга... Сели мы в трамвай, я его под кресло протолкнул, он уставший был, полез без слов. Доехали мы до вокзала, вышли и начали ждать автобуса... стоим, ждем, а он опять начал:

— Кушать хочу, устал я, хочу попить, хочу полежать... повел я его в Макдоналдс, накормил, напоил, отсиделся он, отдохнул...

Сели мы в автобус, а я забыл поесть и попить — все за Генкой смотрел. Сушняк давит такой, что хоть головой в петлю. Только мы пару остановок проехали, а его мутить начало — переел... и опять...

— Хочу пешком, плохо мне, животик болит, голова болит, хочу спать, домой хочу к маме...

К маме хочу... и в плач...

Ну а я смотрю на него и вижу, что таки да, нехорошо ему, пятнами покрываться начал, был вроде зеленый весь, а тут желтеть около лапок начал... ну я думаю... вот черт, ведь помереть может... Вышли мы с ним, пошли в парк, а он уже еле семенит, и я уже еле живой — тоже голова болит... мутит меня и проблеваться тянет... он чего-то там скулит, плохо ему, я тоже — сам не фонтан какой...

— К маме хочу, домой хочу...

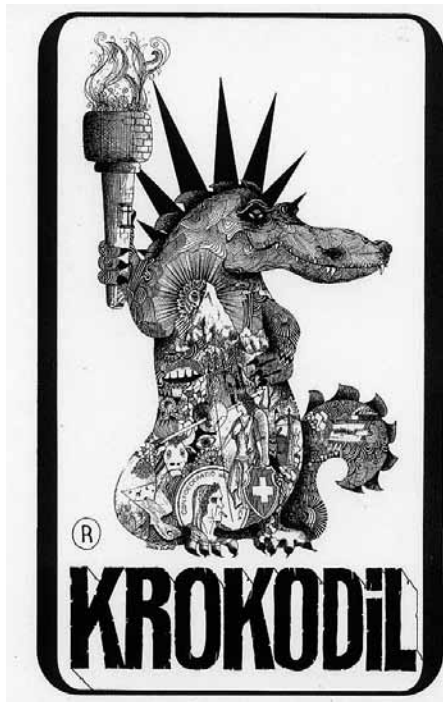
Извел меня бесеный, и я ему в сердцах как рявкнул:

— Я ща опохмелюсь, так ты, зеленый, вообще исчезнешь!

Иду... иду... тяну его за собой... Тут вроде чувствую — пора, подступает уже... Ну сошел с аллеи, присел и вывернул весь свой завтрак на траву... и сразу как-то полегчало мне. Подошел к крану, отвинтил, воды хлебнул, встал...

Смотрю на Гену, а нету Гены, ташил я, значит, все это время за собой рюкзак свой сноубордический... замочил его в ванне и забыл... а он запарился сам в ванне лежать и ныть начал... Ну, а я по поспевляной лавочке его за животинку принял. Бывает.

Доктор ИНКФИШ

Так выглядела обложка пластинки швейцарской рок-группы "Krokodil", исполнившей блюз и прог-рок (1969). Обратите внимание на кокетливый ирокез, наглоточный автором рисунка по мотивам Статуи Свободы: кажется, он особенно удался. Кто знает, может быть, как Россия — родина слонов, так и Швейцария — родина мирового панка?

• КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Кирилл СТОРЕЦКИЙ

КОЛОДЕЦ

1.

Иванов не понимал, что происходит. Его волокли по одной из центральных улиц города Свазилендска двое: огромный санитар, похожий на баскетболиста в отставке, переживающего нелегкие времена, и коренастый сутулый мент с подкрашенными зеленой рыжими усами и в темных очках. Иванов сопротивлялся, как мог — упирался ногами в трещины на асфальте, приседал и подпрыгивал, но все напрасно.

Внезапно справа распахнулась дверь мясной лавки, и на крыльце появился крохотный толстенький мясник в белоснежном фартуке с вышитыми на нем синими звездами. Он держал в одной руке трепыхающуюся курицу, а в другой — длинный сверкающий нож. Серdito поправив на носу пенсне, он поднял курицу и громко заговорил обиженным голосом, словно отчитывая непослушного ребенка:

— Это просто немыслимо! Почему ты себя так ведешь?! Ты совершенно не бережешь меня! Я не в силах больше терпеть это. Делай, что хочешь! — С этими словами он швырнул курицу на тротуар и, развернувшись с гордо поднятой головой, вошел обратно в магазин. Курица закудахтала и помчалась через дорогу, по которой вели Иванова. Очевидно, будучи до крайности взбудоражена обидными словами мясника, птица потеряла самообладание и ничего не видела перед собой. Иванов едва успел перешагнуть через нее, а санитар грубо пнул ногой и выругался.

Станным образом Иванов даже не пытался узнать, куда его волокут и по какой причине. Его не покидало необъяснимое чувство, что так надо, что все происходящее поддается какой-то непостижимой ему пока логике.

«Может, я сплю? Может, я сам придумал этих идиотов?» Он решил прервать весь этот дерьмовый спектакль и встал как вкопанный.

— Иди, урод! Чо встал?! — зарычал на него мент и ударил кулаком в поясницу.

Иванов снова двинулся вперед, больше не дергаясь и морщась от боли и тоски.

Люди, шагающие по тротуару, поглядывали на всю компанию с равнодушным любопытством. Дедушка с кривоватой клюкой и в очках сморщил пористый нос и зацокал языком. Парочка, сидящая на скамейке в ожидании трамвая, оторвалась от поцелуя и бросила на Иванова ничего не видящий взгляд.

Впереди показалась площадь Небожителей — центральное место в Свазилендске. Вечерами здесь собирались повалясировать пожилые пары, а ночью гуляли менты с овчарками, собирая дань с проституток и отлавливая местных бомжей и токсикоманов.

Это место считалось в городе таинственным и даже мистическим. Вот лишь одна из наиболее популярных в народе тайн, которую местные исследователи превратили из легенды в практически исторический факт. Когда-то в древние времена именно здесь отряд казаков под предводительством атамана Снегиря после загула забыл одного из своих со товарищей — буйного и вечно пьяного Гаврилу. Когда спустя несколько дней казаки Снегиря снова проходили через эти места, они обнаружили Гаврилу в весьма необычном виде. Он жил один в самодельной хижине, все время молчал и совершенно не узнавал бывших братьев по оружию.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Казаки выпили и попытались понять, что произошло. Войдя к нему в дом, они обнаружили, что стены были изрисованы странными знаками и решили, что Гаврила сошел с ума. На предложение поехать с ними он лишь непонимающе морщил лоб и улыбался. Сотоварищи еще выпили, вскочили на коней и умчались в степь в поисках врагов, самогонки и баб. А Гаврила остался жить в своей землянке. Со временем здесь построился город. Он оброс несколькими поколениями, собственным хоккейным стадионом и целлюлозно-бумажным комбинатом. Никто никогда не узнал бы о казаке Гавриле, если бы не дед Григорий — охранник местного магазина интимных товаров, расположенного на площади. Григорий был таким старым, что знал практически всех жителей Свазилендска, и его знали все от мала до велика. Сколько ему в действительности лет, никому доподлинно не было известно. Целыми днями Григорий глядел на резиновые фалосы и пестрые журналы и молчал. Это продолжалось четыре года. Что при этом происходило в его душе, навсегда останется загадкой, только однажды утром на месте магазина сексуальных разностей была обнаружена тлеющая гора, источающая какой-то извращенно отвратительный запах. Григорий исчез, и было принято думать, что он в гневе сжег гнездо похоти и сам погиб в огне по неосторожности. Расчистив после пожара завалы, пожарники обнаружили в земле люк с огромной буквой Г. Местный диггер, приняв триста грамм для укрепления координации и духа, был спущен вниз и... исчез. Ни зов товарищей, ни мощные прожекторные фонари ни дали результатов. Люк закрыли, огородили, однако через две недели во время празднования дня города, один из подростков на спор перелез через оградку, отодвинул тяжелую железную крышку и повторил судьбу диггера и деда Григория. В тот момент местом заинтересовались не только менты, но и свазилендские интеллектуалы, включая студентов-историков, приехавших из Главного Города на каникулы. Они-то и вытащили на свет записи о Гавриле, которые, впрочем, не слишком пролили свет на тайну пропавших горожан. По городу поползли слухи, среди которых наибольшей популярностью пользовалась версия о далеком родстве, связывавшем казака Гаврилу и деда Григория. Мол, предок Гаврила призвал к себе Григория, и тот последовал за ним под землю, следуя неизбежной своей судьбе. Что касается диггера и подростка, то они погибли по глупости, безо всякого смысла. Однако ничем, кроме домыслов, эта теория не подкреплялась, а посему выглядела довольно бессмысленной и авторитетом у интеллектуальной прослойки Свазилендска не пользовалась.

Площадь Небожителей стала местом запретным и культовым одновременно. Люк со страшным ходом в никуда назвали Колодцем, и по городу поползли немислимые слухи. Начальник пожарной службы Петрович, яростно шлепая в бане веником мэра Свазилендска Подольцева предлагал ему бросить туда тротил или засыпать песком, после чего забетонировать навечно. Мэр Подольцев молчал и думал о своей новой любовнице, с которой ему предстояло сегодня вечером встретиться в последний раз, а затем послать навеки. Промычав Петровичу что-то бесформенное, он обмылся и поехал за цветами.

Проснувшись утром, Подольцев обнаружил, что любовница исчезла, оставив прощальную записку следующего содержания: «Ты меня больше не увидишь. Ты ведь этого хотел? А чтобы ты помнил обо мне некоторое время, я собрала твои бумажки в чемоданчик и отправила их в колодец. Приятного тебе уикенда, милый».

Подольцев бросился к шкафу, затем к письменному столу, обыскал костюм. Результат был пугающим: эта сука забрала бумажник, выволокла папки с документами с полок, деньги... там был план вы-

ведения города из кризиса, балансы личной бухгалтерии... Подольцев был в шоке. Он сразу вызвал к себе начальника местного ГУВД Рожкина и вора в законе Жмурика и поставил им задачу:

— Если завтра у меня не будет чемодана с бумагами, ты отсидишь за все, а про тебя страна узнает, на какие деньги ты плавал вокруг Соломоновых островов.

На площади Небожителей было пустынно. Солнце почти село, и в его последних лучах железная ограда вокруг Колодца поблескивала зловеще и как-то прощально. Возле Колодца зябко поеживались на весеннем ветру две фигуры. Приблизившись, Иванов увидел батюшку Никона в черной рясе и Эдуарда — знаменитого местного экстра-сенса. Увидев Иванова и остальных, Никон стал креститься и причитывать, а Эдуард закурил и помахал им рукой.

— Вот он, — выдохнул мент и приковал Иванова наручниками к ограде. Стрельнув у Эдуарда сигарету, он устало привалился к ограде и закурил.

Экстрасенс осмотрел Иванова и спросил:

— И что?

— Бог знает, — был ответ санитара. — В истории болезни сказано, что он депрессивный. Семьи нет, не работает. Мы его поймали у подъезда.

— Святый боже, во имя искупления и во благо... — тонким голосом запричитал поп, с опаской поглядывая по сторонам, не видит ли его тут кто из прихожан.

— Какие проблемы, отче? Держи себя в руках! — Эдуард хлопнул батюшку по плечу, выпустил дым тонкой струей в ночное небо. — Я сканирую где-то до глубины 50 метров, там все чисто, даже крыс нет. Дадим ему фонарь, водички и будем аккуратно спускать. Ты как, коллега? В порядке?

Иванов закашлялся и неожиданно для самого себя сказал:

— Да.

— Прекрасно. Если все пройдет удачно, тебя ждет множество маленьких и больших радостей. Тебе нужно спуститься в Колодец и отыскать там чемоданчик вишневого цвета. Найдешь — будет нам всем счастье. Не найдешь... можешь не возвращаться.

— Отпускаю тебе все прегрешения. Да пребудет с тобой... — Отец Никон тщательно перекрестил Иванова и подарил ему в дорогу оберег в виде пластмассовой фигурки местной колокольни.

2.

В Колодце было тепло и тихо. Пахло плесенью и невозвращением. Однако Иванов и вправду был депрессивным, а потому довольно скоро перестал переживать по поводу своей участи. Он покачивался на тропе и время от времени трогал пальцем слизь на каменной стене прямо перед собой. На шее у него болтался тяжелый фонарь с аккумулятором, который он пока не включал, дабы экономить заряд.

Прошло, наверное, полчаса, когда ноги Иванова коснулись, наконец, твердой почвы. Постояв несколько секунд и прислушавшись к звенящей тишине, он включил фонарь и, жмурясь, огляделся. Вокруг были ровные стены, выложенные камнем, а под ногами — влажная скользкая земля. По сути, он очутился в небольшом квадратном помещении, в котором слышались лишь удары его собственного сердца. Иванов сделал несколько шагов, потом осторожно сказал окру-

жающим стенам: «Эй!» Стены ответили коротким звякнувшим эхом и угрюмо замолчали. Тогда Иванов решил осмотреть их на предмет следов вишневого чемоданчика, потайного хода, либо каких-то иных признаков человеческой жизнедеятельности. Обходя стены и освещая их фонарем, он тихо насвистывал какую-то депрессивную мелодию, расценивая свои шансы найти здесь чемодан как равные нулю. Внезапно в самом углу он обнаружил нечто напоминающее деревянную дверцу. В нее можно было проникнуть разве что встав на колени. Иванов присел и осторожно толкнул дверцу рукой.

— Ты кто?! — раздался из-за дверцы тяжелый мужской голос, и Иванов слегка отпрянул от неожиданности.

— Иванов, — был даден логичный ответ.

— Иванов? Что ты тут делаешь, Иванов? — раздался не менее логичный и обескураживающий вопрос.

— Ищу чемодан! — громко и разумно ответил тот.

— Иди в пень! — торжественно произнес голос и замолчал.

Иванов потер глаз, наморщил лоб и стал думать, продолжая насвистывать депрессивную композицию. Но думалось неважно — Иванову хотелось отлить.

— Ты еще здесь?! — внезапно снова послышалось из-за дверцы.

— Да.

— Если хочешь продолжить этот бессмысленный путь, отцепляй свой дурацкий трос и входи в эту дверь. Только есть одно условие.

Иванову было на все наплевать, поэтому он отцепил трос и спросил:

— Какое?

— Условие такое: ты выключаешь свою люстру, вползаешь сюда и ищешь здесь то, что я скажу.

— Что именно?

— Ты ищешь Гангрена-Сфинкса.

— Что прости?

— Тупой идиот, ты ищешь Гангрена-Сфинкса. Что тебе непонятно?!

Он сидит в склепе за стеной. Сначала тыходишь сюда, в коридор, затем видишь слева железную дверь и тихо-тихо ее открываешь. Гангрена-Сфинкс пребывает в созерцании. Он черный, в смысле чернокожий. Свет там зажигать нельзя, чтобы Сфинкс не сошел с ума, также нельзя издавать никаких звуков, но самое главное — его нельзя касаться. Прикоснешься к нему — конец. Он умрет от разрыва сердца, а ты никогда не узнаешь, как выбраться отсюда. Запомни, Гангрена-Сфинкс — в очень тонком состоянии, он сейчас очень хрупок, не испорти все дело. Твоя задача найти его не касаясь и без звуков, и привести в чувство.

— Как же я это сделаю?

— Ну, не знаю, подумай. Все, я пошел.

— Может, лучше мне вернуться?

— Не получится. Твою веревку давно подняли, а наверху тебя уже похоронили, так что идея пустая. Подожди минуту и входи.

— Как похоронили?! Эй!

Но ответа Иванов не получил. Поглядев на всякий случай наверх, он убедился, что троса действительно уже нет, и толкнул дверь.

В коридоре свет зажигать было не запрещено, поэтому Иванов смог рассмотреть вытянутое помещение, выложенное точно такими же камнями, как и предыдущее. Он огляделся и увидел ржавую дверь с выгнутой железной ручкой в виде крюка. Первым делом он погасил фонарь и, осторожно потянув крюк на себя, неслышно вошел.

Тяжелая дверь навалилась сзади, и Иванов слегка покачнулся, не решаясь сделать шаг в абсолютную темень.

Здесь стояла такая тишина, что ему казалось, будто каждое движение сопровождается самым беспардонным шумом. Он pokrutil головой и стал прислушиваться. Несколько минут он стоял, не двигаясь, и пытаясь уловить хотя бы малейший шорох. «Не мудрено, что от звука голоса Гангрена-Сфинкс может сойти с ума», — подумал Иванов. Если бы сейчас кто-то громко сказал что-нибудь вроде «Хоп-ля!» или «Бога нет!» он сам запросто мог бы стать заикой.

Удары сердца и дыхание звучали так громко, что, казалось, отдаются эхом в стенах. Внезапно где-то сбоку посыпались песчинки, и в этой тишине создалось впечатление, что начала обваливаться стена. Иванов был почти уверен, что тончайший Сфинкс уже давно рассыпался от всего этого грохота или испарился, оставив после себя лишь капли на потолке. Ему стало так страшно, что, не заметно для самого себя, он перестал дышать. Удары сердца становились все менее уловимы. Иванов по-прежнему стоял у входа без движения, когда осознал, что совершенно не дышит и не ощущает ударов пульса. Это открытие так напугало его, что он сжал виски руками и зажмурил глаза. Никогда в жизни ему не приходилось оказаться в такой тишине, где не слышно даже собственного дыхания.

Открыв глаза, Иванов вдруг увидел, как перед глазами что-то промелькнуло — что-то похожее на едва заметный электрический разряд. «Галлюцинации?» — спросил себя Иванов и увидел серебристые спирали, проплывшие сверху вниз. У самого пола они пропали. «Бесконечно так стоять невозможно, надо двигаться», — подумал Иванов и увидел как надул и лопнул желтый шар. «Что происходит? Я окончательно спятил?» — пронеслось в голове, а перед глазами проползло несколько фигурок, похожих на пауков. Они были разных форм и размеров и хаотично расплзались в пространстве. Иванов перестал думать и снова перестал что-либо видеть. «Не может быть!» — звякнула в голове мысль, словно монетка упала на каменный пол, и пауки снова поползли в темноте. «Это мои мысли! Я вижу свои мысли!» Пауки стали крупнее, их стало намного больше.

Иванов перестал думать и снова увидел перед собой лишь крошечную темноту. Однако пребывать без мыслей долго он не мог. «Гангрена-Сфинкс... его тем не менее придется искать... иначе будешь сходить с ума и любоваться своими паучками тут вечно», — в груди неприятно заняло. «Может вернуться?» — эта мысль снова воплотилась в поток серебристых спиралей. Иванов взглядом проводил их плавное падение, повернулся и толкнул железную дверь рукой — она не шелохнулась. Иванов толкнул сильнее и понял, что она заперта изнутри. «Мне конец!» — пролетело в голове, и пауки заполнили все вокруг. «Долбаный Гангрена-Сфинкс! Может, заорать, и пусть он сдохнет от ужаса? Тонкое состояние... интересно, что с ним произойдет?». Иванов повернулся в сторону комнаты и в следующее мгновение увидел впереди едва уловимые очертания. На секунду он замер и все исчезло. «Господи, неужели...». Иванов замер, вглядываясь в темноту. «Неужели все так просто? Гангрена-Сфинкс где-то здесь... может быть, совсем рядом, а может, и нет, может быть, он сидит на полу или висит под потолком, но он где-то здесь...». В нескольких метрах он вдруг разглядел очертания фигуры человека, который сидел спиной к Иванову и не двигался. Иванов продолжал материализовывать силуэт Гангрены мыслями и осторожно двинулся по направлению к нему. Периодически Гангрена заслонялся стаями пауков и дождем из серебристых спиралей, тогда Иванов останавливался и брал себя в руки. Подойдя совсем близко к Гангрене-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Сфинксу, Иванов остановился, и страх снова окутал его. Ему предстояло самое сложное — привести Гангрена в чувство, сохранив его хрупкий рассудок. Иванов стал перебирать в голове варианты, однако каждый из них так или иначе означал звукоизвлечение или прикосновение.

Не придумав ничего лучше, Иванов потянул носом воздух и осторожно подул на медитирующего негра. Гангрена-Сфинкс вскрикнул, покачнулся и рухнул на пол. Иванов не на шутку перепугался. Некоторое время тот лежал неподвижно, время от времени тихо постанывая. Иванов не двигался и снова перестал дышать. Он боялся снова подуть на Гангрена-Сфинкса, чтобы не добить его окончательно.

Наконец, стоны прекратились, и Иванов осторожно опустился на корточки и стал представлять себе негра, лежащего на каменном полу. Однако на этот раз ничего не получалось — негр не проявлялся. Иванов нащупал на груди фонарь и нажал кнопку. В том месте, где должен был находиться Гангрена, поблескивала лишь небольшая лужа, которая постепенно уменьшалась в размерах, очевидно, стекая сквозь щели в каменном полу. Когда она окончательно исчезла, камни стали падать вниз, образуя дыру. Иванов отошел подальше, чтобы не провалиться и наблюдал, как дыра увеличивается, открывая глубокую яму. Последний камень обвалился в пустоту, и снова наступила тишина. Иванов осторожно подошел к краю и посмотрел вниз. Что он должен был теперь делать? Прыгать туда? Но дна не было видно и единственное, что его ожидало — это перспектива разбиться вдребезги.

3.

— Ну что? Как дела? Могу спорить, что ты все испортил, — слышался из-за железной двери знакомый глухой голос. — Ты видел Гангрена-Сфинкса?

— Видел. Он превратился в лужу воды.

— В лужу воды?! Хи-хи-хи-хи! — за дверью послышалось долгое противное хихиканье.

— Эй, выпусти меня! Я ничего не делал. Твой негр стек куда-то вниз, и тут теперь яма.

За дверью снова послышался смех, потом повисла пауза. Наконец недовольный голос подвел итог:

— На самом деле, я так и знал, что ты все испортишь и не удивлен.

Иванов подошел снова попытался открыть дверь, но она не поддавалась.

— Выпусти меня! Я просто подул на него! Я не трогал его и все время молчал!

— Да-да, конечно, все время молчал. Ладно.

Замок щелкнул, и Иванов смог открыть дверь и увидеть обладателя таинственного глухого голоса. Это был бывший охранник интимного магазина Григорий — сутулый и широкоплечий. Сейчас он был одет в костюм швейцара, только вместо положенной фуражки на лысой голове виднелась тонкая черная сеточка наподобие тех, какие надевают, чтобы сохранить прическу. В руке он держал ракетку для настольного тенниса, которой время от времени отмахивался от какой-то невидимой мошкары.

— Полно мух... Невыносимо просто. Пошли.

— Куда? — спросил Иванов.

— Провожать меня в последний путь, — неожиданно заявил старик. — Меня, кстати зовут Григорий, — Он резко остановился.

— Я знаю. А меня Иванов. Николай, — сказал Иванов и вытащил руку из кармана для рукопожатия.

Григорий проигнорировал этот жест и двинулся дальше. Иванов поспешил за ним, соображая, как ему себя вести после услышанного.

— А вы... что вы имели в виду, когда сказали... мне показалось, что вы...

Старик вдруг снова остановился и слегка притянул Иванова к себе за куртку.

— Мне осточертело работать швейцаром! То сторожу, то перед всякими идиотами дверь открываю. Пропади все пропадом! Ты был последним, кого я впустил. Хватит! Все остальные придурки, которые свалются сюда после тебя, пусть подышают там... или поднимаются обратно... скалолазы, мать вашу.

Он пошел дальше, ругаясь вполголоса и не переставая отмахиваться от невидимых мух. Иванов поспешил следом, освещая фонарем дорогу.

Наконец, Иванов увидел впереди дверь. Григорий постучал в нее ракеткой, дверь открылась, и они оказались в просторном помещении, сильно напоминающем холл небольшой провинциальной гостиницы.

— Эй, ты чего так долго?! Партию будем доигрывать?! — раздался голос, и Иванов увидел у ресепшена теннисный стол, на котором сидел мужчина в красном костюме.

— Нет, в другой раз. Ты гостя оформил?

— Давно уже!

— Я покажу ему номер, — сказал Григорий, а затем обернулся к Иванову. — Он ничего не знает и не должен знать. Молчи, понял?

Иванов послушно кивнул. Они поднялись по ступенькам на второй этаж.

— Ты мне поможешь, — сказал Григорий. — Забрось свой дурацкий фонарь в номер 212 и приходи ко мне в 209. Я жду.

— А ключ?

— Какой ключ? Тут все двери открыты. Давай, по-быстрому.

В номере 212 Иванов обнаружил только стул и сухое дерево в огромном горшке посреди комнаты. Ни стола, ни кровати здесь не было. Оставив фонарь на полу, он пошел к Григорию. Когда он вошел, тот бережно укладывал голубое одеяло с кружевами по бокам и огромным белым бантом посередине.

— Что это? — спросил Иванов.

Григорий вздохнул. Он аккуратно уложил одеяло в сумку и посмотрел на Иванова.

— А, черт! Чуть не забыл, — он кинулся к тумбочке и вынул из нее соску.

Сунув ее в карман, он успокоился и сел на сумку с одеялом.

— Можешь считать это одеяло моим погребальным саваном. Я буду в нем умирать. Мне удалось приобрести этот чудесный вариант совсем недорого.

Григорий мечтательно закрыл глаза.

— Я завернусь в него, лягу в лодочку и отправлюсь в вечность... Как это прекрасно. А потом вернусь в облике розовощекого младенца, снова буду кормиться маминым молоком и качаться в люльке... Они даже обещали подобрать мне маму... Но не знаю, насколько можно им верить. Все, пошли!

Он резко поднялся, протянул сумку с одеялом Иванову, и они вышли из номера.

У здания, подсвеченного множеством гирлянд и фонарей, толпился народ.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Ну вот, пришли, нам надо попасть внутрь, — сообщил Григорий.

— Что здесь происходит? — Иванов с опаской поглядывал на возбужденную толпу.

— Здесь продают кончину! — ответил Григорий и решительно зашагал к толпе.

— Что продают?! — не понял Иванов.

— Смерть, какой же ты тупой! Здесь продают смерть. Или новую жизнь — как тебе угодно. Есть разные готовые варианты пакетов, а можно заказать свой — это будет подороже, зато сценарий — на твой вкус.

— А зачем?

— Что зачем?! Зачем умирать?! — Григорий расхохотался. — Ну можешь жить вечно, как последний дурак. Зачем умирать... надо же такое спросить.

Он стал пробираться к зданию, грубо расталкивая людей, и время от времени сердито оглядываясь на отстающего Иванова.

— Вы здесь не стояли... — слышался чей-то голос.

— Я уже все оформил! Идите к черту! — свирепо заорал Григорий, и толпа немного расступилась.

На входе швейцар показал охраннику какую-то бумагу.

— А этот? — он указал на Иванова.

— Он со мной, поможет сумку донести.

Они оказались в большом зале, выложенным черным мрамором. Под потолком вместо люстр висели роскошные венки с черными траурными лентами и зажженными свечами. Посередине зала на высоком постаменте возвышался огромный изумрудный гроб, отороченный золотом. Иванов успел прочитать на нем высеченную надпись: Умири, чтобы постичь жизнь!

— Григорий, швейцар отеля, — взволнованным голосом сообщил старик надменному администратору на ресепшене. Тот молча просмотрел бумаги и указал на высокую черную дверь. Григорий заискивающе поблагодарил и махнул Иванову.

Ручки двери были выполнены в виде маленьких черепов, и Иванов предпочел, чтобы Григорий открыл дверь сам.

— Что у вас? Небо, земля, вода...? — спросила на входе строгая девушка в темных очках.

— Вода, вода! — возбужденно сообщил Григорий.

— Вторая дверь налево.

За второй дверью налево располагался небольшой бассейн с прозрачной водой. Окон здесь не было. По стенам висели зажженные свечи и звучал тихий вальс.

— Здравствуйте, здравствуйте, милейший Григорий. Кто это с вами?

Иванов обернулся и увидел молодого блондина в белом костюме с черной розой в петлице.

— Приветствую вас, это мой родственник, он несет сумку и помашет мне рукой на прощание.

— Как это трогательно, — зацокал языком блондин. — В последнее время это такая редкость, чтобы приходили родственники, такая редкость... Но, надеюсь, вы помните наши правила?

— Конечно-конечно, он только помашет мне вслед и сразу уйдет.

— Прекрасно. Готовьтесь, а я позабочусь о доставке.

Он достал из нагрудного кармана рацию и быстро заговорил. Через минуту двое крепких парней внесли и спустили на воду маленькую лодочку без весел, несколько венков и еще какие-то цветы и прочие украшения. Тем временем Григорий достал одеяло и приготовил соску.

— Итак, дорогой мой, вы готовы? — Блондин обнял швейцара за плечи и заглянул ему в глаза.

— Да, совершенно готов.

— Что ж, в таком случае судно ждет вас.

Он помог Григорию закутаться в голубое одеяло, не забывая говорить комплименты в отношении безупречного вкуса, и помог ему улечься в лодку. Далее он бережно обложил старика венками и цветами и посыпал сверху разноцветным конфетти.

— Как я выгляжу? — волновался Григорий.

— Великолепно. Так торжественно и печально...

— Ну, славно, славно... — старик прикрыл глаза, и на его лице появилась блаженная улыбка.

Внезапно он дернулся и запричитал:

— Господи, какой же я идиот! Я совсем забыл! — Он извлек откуда-то соску и сунул ее себе в рот.

Блондин поправил венки и слегка подтолкнул лодочку. Иванов машинально помахал уплывающему Григорию. Лодочка слегка покачивалась, медленно отплывая от края бассейна. Блондин снова достал рацию и что-то сказал в нее деловитым тоном. Через несколько секунд в противоположном конце бассейна открылся шлюз, и вода хлынула в него. Лодочка еще некоторое время болталась на месте, а затем поплыла вместе с утекающей водой.

Когда Григорий в маленьком гробе скрылся в тоннеле, блондин ободряюще похлопал Иванова по плечу и напомнил, как выбраться из здания. Иванов кивнул и пошел к выходу.

4.

— А куда подевался старик? — спросил администратор в красном костюме Иванова на ресепшене отеля.

Иванов сделал паузу, соображая, что ему сказать.

— Он уплыл, — сказал он, наконец.

— Так я и знал! — Администратор с досадой хлопнул по столу и выругался. — Так я и знал, что этот старый хитрец задумал бросить нас. Что мне делать? Где мне искать теперь швейцара?!

Иванов пожал плечами и уже направился к лестнице, как администратор окликнул его.

— Молодой человек, а что если я вам предложу поработать вместо Григория? Что вы об этом думаете?

Иванов остановился, затем вернулся к стойке ресепшена.

— Вы знаете, я попал сюда, чтобы отыскать вишневый чемоданчик. Я не собирался тут задерживаться.

— Да-да, конечно, я понимаю, — Администратор понимающе поджал губы. — Но, по правде говоря, выбор у вас не большой. Прошу вас, — он достал из-за уха сигару и жестом предложил Иванову сесть в кресла в центре холла. Иванов подумал, что это шанс многое прояснить для себя и уселся.

— Видите ли, я попал сюда через колодец из Свазилендска. Меня спустили на тросе, чтобы я отыскал здесь вишневый чемодан с какими-то бумагами. Внизу меня встретил Григорий.

Администратор кивал головой, всем своим видом показывая, что в курсе.

— Что-то вас долго не было видно у нас...

— Григорий отправил меня искать медитирующего негра в темной комнате.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Кого?!

— Медитирующего негра, Гангрена-Сфинкса.

Администратор так захохотал, что чуть не выронил изо рта сигару. Иванов терпеливо ждал, пока тот закончит. Наконец, администратор вытер рукавом слезы и спросил:

— Ну и как? Вы нашли его?

— Да, я увидел его очертания после того, как стал думать о нем.

Но когда я подул на него, он упал, превратился в воду и стек в щели между камнями.

Администратор смотрел на него пару секунд как на сумасшедшего, после чего зашелся в очередном приступе смеха.

— Что тут смешного? — Иванов стал немного раздражаться.

Администратор закончил смеяться, раскурил погасшую сигару и заговорил:

— Дело в том, что когда сам Григорий попал в колодец, его тоже встретил швейцар — его предшественник. Чтобы подшутить над гостем, тот отправил его в склеп и сообщил, что там прячется черный кот. Он сказал старику, что если тот хочет выбраться, ему нужно найти этого кота в полной темноте. Я не знаю точно, сколько часов провел там Григорий, но когда он узнал, что его разыграли, он был в бешенстве. Тот швейцар вскоре отправился на покой, а Григорий стал издеваться подобным образом над каждым новым гостем. Для каждого он придумывал новые безумные задания. Одного он заставил искать в комнате змею, другого — дохлую крысу по запаху, а был случай, когда он заставил одного беднягу спастись в склепе от несуществующего черного тарантула.

— Но ведь я видел его! Я видел силуэт медитирующего человека!

— Это чушь, мой друг. Вы сами придумали его, поэтому и увидели. Что касается превращения негра в лужу воды... у вас отличная фантазия! Вообще в этом склепе люди порой видят такое...

Администратор дружески похлопал Иванова по колену.

— Не переживайте, любезный, о том, что было, подумайте лучше, как вам быть дальше. Вернуться назад в Свазилендс вам будет совсем не просто. Пока же я предлагаю вам занять место Григория.

Иванов задумался. Перспектива работать швейцаром его совсем не радовала.

— А что за услуги предлагают те люди... которые отправили Григория в лодке?

— Те люди предлагают смерть. Но все не так просто и радужно. Чтобы ее приобрести, необходимо заплатить. Деньги здесь никого не интересуют.

— И чем можно заплатить?

— Сходите, узнайте, вам все расскажут, — неохотно сказал администратор и стал отвлеченно глядеть по сторонам.

— Там такая толпа у входа... может хоть в общих чертах, а?

— Платят разными вещами. Григорий, судя по всему, заплатил материализацией своих мыслей. До последнего дня он отмахивался от них как от мух, я думаю, вы обратили внимание.

— В смысле?

— Все свои мысли он обречен был постоянно видеть перед собой.

Что именно он видел, мы можем только догадываться... он говорил о мухах, комарах, но по сути, они могут иметь любое воплощение — это зависит от силы вашего воображения и того, что происходит у вас в голове. Пока вы не видите их перед собой с утра до вечера, вам кажется, что с вашей головой все в порядке. Вас защищает иммунитет, но все

продается, и вы можете продать его и получить возможность купить свою смерть. Такой иммунитет стоит не очень дорого.

— А что делать тем, кому нечего продавать?

— Если продавать нечего, тогда твоя смерть непредсказуема — все может вполне закончиться вечным скитанием.

— А можно ли отказаться от перевоплощения?

Администратор рассмеялся.

— Друг мой, смерть без перевоплощения стоит так дорого, что, уверен, вы не сможете расплатиться, даже если отдадите все, что у вас есть. К сожалению, мы обречены на следующую жизнь.

5.

Вернувшись в номер, Иванов присел на пластмассовый стул и стал смотреть на сухое дерево, которое занимало половину помещения. Оно стояло в горшке размером с небольшую бочку и упиралось верхними ветками в потолок. Иванов попытался как-то расслабиться в стуле, но у него ничего не выходило. Он почувствовал, как усталость вкупе со всей этой нетривиальной ситуацией провоцирует приступ депрессии. Спустившись вниз, он подошел к администратору гостиницы.

— А почему в номере нет кровати? Я хочу отдохнуть.

— Отдыхают у нас только после смерти. Посидите на стуле, полюбуйтесь деревом, — сухо сообщил администратор, не глядя на Иванова и перебирая какие-то бумаги.

— Что за бред? А чем занимаются остальные?

Администратор посмотрел на Иванова поверх очков и резко сказал:

— Молодой человек, можете любоваться деревом или устраивайтесь к нам швейцаром. — И, немного смягчившись, добавил: — Пойдите, прогуляйтесь. Хотя вряд ли вам это поможет.

Иванов вернулся в номер и попытался лечь на пол, подложив под голову куртку. Было очень тихо. Ни единого звука из-за стен или в коридоре. Казалось, что все постояльцы на самом деле созерцают в своих номерах деревья или... Иванов вдруг вспомнил толпу у здания «Ультра-трип». Ну, конечно, все там, стоят в очереди в ожидании возможности купить свою кончину, как выразился покойный Григорий. Иванов вдруг позавидовал ему. Если у старика все получилось, то он сейчас лежит в люльке какой-нибудь молодой мамыши в теле младенца и мирно спит после сытного маминоного молока.

Иванов стал ворочаться, поскольку устроиться на голом полу было почти невозможно. Депрессия расплзалась по всему телу и отравляла мозг. Мысли, словно лодки с умирающими швейцарами, устремлялись к открытому шлюзу по направлению к полной безысходности. Не в силах больше лежать, он поднялся и сел на стул. Вид сухого дерева угнетал его еще больше. Иванов подошел к окну и выглянул на улицу — хозяйственный двор, заваленный пустыми коробками. Он снова попытался лечь, затем походил по комнате и даже вышел в коридор — такой же пустынный и немой. Иванов стал открывать двери и осторожно заглядывать в номера — та же обстановка, и ни единого человека внутри.

Он спустился вниз и сказал администратору, что согласен поработать швейцаром.

— Чудесно! Форму получите завтра после обеда. Размер я вижу.

— Хорошо. Я могу дойти до склепа? Мне хотелось бы прогуляться.

Администратор усмехнулся.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Запросто. Только не мечтайте выбраться наружу, друг мой, это невозможно. И не потому, что я такой злодей, просто здесь все так устроено. Время здесь движется странно, и там наверху сейчас, скорее всего, все уже совсем по-другому. Возможно, и хода наверх уже нет. . .

Иванов открыл дверь с надписью «Под напряжением!», зажег фонарь и вошел в каменный коридор, по которому они совсем недавно шли с Григорием. Та же теплая сырость и крошечная темнота. Оказавшись там, где впервые ступил на землю после долгого спуска, Иванов задрал голову и посмотрел наверх. Свет фонаря осветил бесконечный темный тоннель.

— Эй! — крикнул Иванов. — А-а-а-а!

Ничего кроме эха. Иванов орал так долго и отчаянно, что чуть не сорвал голос. Внезапно рядом с ним послышался какой-то звук, похожий на тихий шорох. Иванов присмотрелся и увидел на полу несколько песчинок. Иванов отошел в угол и стал ждать, что будет дальше. В голове мелькнула мысль, что оттуда сверху спускается еще один бедняга, а может быть, это спасатели? Послышался нарастающий шум, и сверху посыпался песок. Иванов насторожился. Вдруг целая куча песка рухнула сверху, и Иванов не на шутку испугался. Он подошел к дверце и на всякий случай открыл ее. Снова послышался шум, и еще одна порция песка обрушилась сверху, рассыпаясь по углам. Иванов еле успел протиснуться в дверцу и закрыть ее за собой. Сомнений быть не могло — колодец решили засыпать. Иванов прижался к дверце и заплакал.

— Ну что, как прогулка? — бодро поинтересовался администратор у Иванова, когда тот вошел в холл.

— Отлично. — Он побрел в свой номер, не глядя по сторонам и морщась от невыносимой тоски.

— Завтра в 9.00 будь, пожалуйста, здесь.

— Колодец засыпали, гостей больше не будет, — сказал Иванов, поднимаясь по лестнице.

— Бог с ним с колодцем! — крикнул ему вслед администратор, — здесь у нас полно гостей и без колодца!

Иванов вошел в свой номер и устало опустился на стул.

Судя по всему, выбора у него не оставалось. Повесив на шею фонарь, он спустился вниз и сказал администратору, что пройдет по улице.

Снаружи тускло тлели фонари, ничего не освещающие, в лучшем случае обозначающие свое присутствие. Иванов прочитал табличку с названием улицы — «Последний путь» и двинулся по тротуару. Вокруг не было видно ни одного здания. По обеим сторонам улицы шли каменные изваяния наподобие надгробных с высеченными надписями:

«Страшно не умереть, а умирать, думая об упущенных возможностях. Думай о том, чего ты мог бы достичь с Ультра-трип!»

«Вы уверены, что вы живы? Вы абсолютно уверены?»

«Эта могила может стать вашей уже завтра, если не обратитесь в Ультра-трип»

«Когда в этом городе наступит завтра, ты поймешь, как хорошо тебе было сегодня. Приходи в «Ультра-трип», и ты осознаешь, как плохо тебе было вчера!».

«Тот, кто не думает о смерти, тоже умирает. Может, пора начать новую жизнь, не дожидаясь своих похорон?»

Когда впереди показалось здание компании «Ультра-трип» Иванов сделал вывод, что весь город состоял из единственной улицы. Понаблюдав с тоской за толпящимися у входа людьми, он занял очередь и стал ждать, прислушиваясь к разговорам.

— Что-то опять не движемся ни черта.

— Не говори. А еще обещали поставить дополнительные столы.

— Сколько, интересно, менеджеров сейчас обслуживают?

— Говорят, шесть.

— Чего же мы торчим тут полтора часа?!

— Терпи, все равно выбора нет.

— Мда уж. Выбор, прямо скажем, не богат. Так если бы эта вонючая «Ультра» предлагала решение, за которое можешь быть спокоен, а то ведь я слышал, что дураят они. . .

— Ты про что?

— Это слухи, но, типа, не всегда все получается так, как они обещают. И от этого действительно становится херово.

Повисла пауза.

— И все равно выбора нет. Может, хоть здесь повезет. . .

Иванов попал внутрь часа через три. Суровый охранник тщательно ощупал его и выдал карточку с номером 4. Иванов увидел перед собой несколько столов с номерами и нашел среди них свой. Девушка с короткой стрижкой и в очках строго улыбнулась и взглядом предложила сесть на стул напротив. Иванов огляделся и заметил на стене дисплей с рекламным роликом «Ультра-трип». Сюжет был такой: счастливая молодая брюнетка с идеальной фигурой, одетая в легкое летнее платье весело запрыгивает в открытый гроб, разукрашенный под радугу, и удобно устраивается там. Атлетичный блондин в белом костюме многозначительно протягивает ей букет белых роз и, закрывая крышку гроба, ослепительно улыбается в камеру. В следующую секунду раздается стук по крышке гроба изнутри. Блондин изображает лицом выражение типа «Упс! Она что-то забыла! Может, меня?». Он открывает крышку и сексапильная леди, собрав пухлые губы в комок страсти, выдает ему ошеломляющий воздушный поцелуй, который вкупе со взглядом как бы говорит: «Я все поняла и тоже этого хочу!» Далее идут титры: «Встретимся в новой жизни!»

— Итак, молодой человек, — обратилась к Иванову девушка за столом, — Чего вы хотите?

— Я хочу покинуть это место.

— Вы не оригинальны. Вы уже определились со своим выбором или хотите, чтобы я вам рассказала об ассортименте?

— Расскажите мне, пожалуйста, поподробнее о расценках. Чтобы я смог сразу сориентироваться, ну, вы понимаете. . .

— Конечно. Здесь все достаточно просто. Мы подразделяем все пакеты по классам: так называемые «GIFT» пакеты — совершенно бесплатны. Сюда входят представители неживой природы и несколько вариантов животных. — Девушка открыла папку и вынула несколько цветных карточек. — Здесь я могу сразу предложить вам роскошную скалу на самом берегу Адриатического моря. Или, скажем, вот чудесный вариант — карликовый скунс в богатом голливудском доме начала 80-х годов. Как вам?

Иванов равнодушно посмотрел на скалистый пейзаж, изображенный на рекламной карточке, на карликового скунса в объятиях толстой леди в огромной черной шляпе и неопределенно пожал плечами.

— Хорошо, давайте я сначала расскажу вам, а потом вы сами подумаете. Итак, следующий пакет «ECONOM» для малообеспеченных, а также для тех, кто желает сэкономить на своих способностях или трепетно относится к структуре своей личности. Здесь у нас уже идут люди. Эти вакансии чего-то стоят, но вполне приемлемо, на мой взгляд: скажем, отсутствие музыкального слуха, неспособность к изучению иностранных языков или вот, например, совершенно безбо-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

лезненный варианты оплаты — отсутствие воображения и вещизм. Ничего особенного, правда? Теперь что вы получаете за это. Так, дайте мне секунду... — девушка извлекла следующую порцию карточек. — Ну вот, например: посудомойка в ирландском пабе времен Карла I (совсем не плохо, между прочим), конюх в советском колхозе (мне почему-то кажется, что вам не подойдет), звездочет в средневековье (не рекомендую, если честно, их тогда не любили), двоюродный брат вождя племени масаи, или вот — помощник брокера в Чикаго в 30-х годах, провел половину жизни в тюрьме. Ну, собственно, это такие наиболее характерные варианты для этой категории.

Далее идет «STANDARD», здесь варианты поинтереснее, но и оплата посущественнее.

— Послушайте девушка, у вас тут был недавно клиент. Имя — Григорий, работал швейцаром в гостинице, пожилой такой, сутулый. Он заказал у вас переродиться в младенца.

— У нас проходит множество заказчиков, поймите меня правильно... .

— Может, вы все-таки вспомните?

Девушка посмотрела в компьютер и через минуту кивнула.

— Да, был такой. Странный заказ. Его даже не интересовало, кем этот младенец станет в будущем. Он заказал мать, подробно описал люльку... какие-то детали. Мы подобрали ему вариант.

Иванов замолчал. Выходит, что Григорий понятие не имел, кем его младенцу предстоит стать в процессе естественного взросления... Старик и вправду был странным.

— А какая судьба была приготовлена для младенца?

Девушка снова заглянула в монитор и сообщила:

— Младенец вырастет и станет вышибалой в стриптиз-баре в Детройте.

— Мда, бедный Григорий... .

— Что простите?

— У меня есть еще один вопрос, технический — Григорий заплатил за новую жизнь материализацией мыслей, но видел их уже сейчас, при этой жизни.

Девушка внимательно посмотрела на Иванова, поправила очки и засомневалась:

— Не может быть.

— Это действительно так. Он постоянно отмахивался от каких-то несуществующих мух или комаров... .

— Странно. Ну, у нас бывают иногда сбои, но крайне редко, крайне. Я вас уверяю.

— Понятно. Давайте продолжим.

— Итак, мы с вами остановились на категории «STANDARD». К оплате принимаются: гипертрофированное чувство собственного достоинства, фанатизм, так... ну и здесь у нас уже пошли легкие зависимости — склонность к слабым наркотикам, к мастурбации и вот уже встречается лунатизм. Если вы готовы на такие варианты, то могу предложить вам следующие пакеты: конголезский революционер, выпускник европейского университета; соратник Мисимы (погиб сразу после самоубийства лидера, но в целом пожил неплохо); самка вомбата (стоп, как она сюда попала? Убираем...), вот есть хороший вариант: незаконнорожденный сын гитариста группы «The Kinks» — отсидел четыре года за хулиганство, после чего прожил довольно долго, работал в пиццерии.

Иванов тяжело вздохнул.

— Когда я говорю «хороший», я имею в виду соотношение цена/качество. Ладно, давайте дальше посмотрим.

— Давайте.

— Далее у нас идут пакеты категории «GOLDEN STANDARD». Здесь в качестве оплаты принимаются легкие фобии типа коулрофобии (это боязнь клоунов), средней степени навязчивые состояния типа клептомании, в качестве неплохой альтернативы могу предложить оригинальный вариант — мультилингвистический катарсис.

— Что это?

— Каждое утро человек просыпается со знанием нового языка, при этом все остальные языки полностью стираются из памяти. Кроме этого, он перестает понимать окружающих, даже если это его друзья или родственники.

— Мда, действительно оригинально.

— Есть еще нюанс — он продолжает думать, что говорит на своем прежнем языке и не замечает изменений. Ему кажется, что это окружающие стали говорить на другом языке, а не он сам.

— Как это все сложно.

— Мда, бывают забавные ситуации... .

— Мне кажется, слишком забавные. Так можно сойти с ума от неожиданности.

— Ну, в общем, согласна, но и предлагаемый пакет вполне привлекателен. Вот смотрите: женщина с Таити, одна из моделей и подруг Поля Гогена; русский художник-маринист первой половины девятнадцатого века, живет в селе Рассольное под Петербургом — по-моему, очень даже неплохой вариант. Есть еще якут-археолог, но он прожил всю жизнь в деревне на берегу реки Алдан и, кажется, пил; пожилая девственница из Кливленда, она дожила до восьмидесяти четырех лет и всю жизнь посвятила гладиолусам — очень романтично, вы не находите?

Иванов пожал плечами.

— У нее было отменное здоровье, и она умерла в одно мгновение — на нее со скалы упал маяк, когда она плыла по заливу в своей лодке.

Иванов загрустил.

— Вижу, вы не очень-то воодушевились. Что ж, у нас с вами остался пакеты «PREMIUM» и «ULTRA-PREMIUM». Здесь оплата будет повнушительнее, хотя и пакеты гораздо интереснее. Итак, «PREMIUM»: сексуальная одержимость высокой, хотя и не патологической степени, полноценные фобии — агорафобия (боязнь открытых пространств), андрофобия (боязнь мужчин), идеофобия (боязнь мышления, идей), тяжелые зависимости: алкоголизм, наркомания, азартные игры; сурово, не спорю, но и предложения того стоят, взгляните: контрабасист в оркестре Поля Мориа, протоиерей во Владимире (богатый приход, крупная церковь, зажиточное хозяйство), владелец небольшого стабильного гей-клуба в Берлине (начало 2000-х годов, самый расцвет)... а? что скажете? Совсем другое дело, правда? Думайте, думайте, только не очень долго, поскольку такие пакеты расхватают в первую очередь.

Иванов задумался. Девушка заговорила с легким раздражением:

— Что вас не устраивает, я не понимаю. Стоимость?

Иванов молчал.

— Если вас угнетает именно это, то смысла предлагать вам «ULTRA-PREMIUM» я просто не вижу. Да, там есть очень солидные вакансии — политические и духовные лидеры, оперные певцы, крупные писатели и художники, но и стоимость совсем другая: серьезные формы

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

сексуальных перверзий, тяжелые навязчивые состояния, неизлечимые заболевания и так далее. Имеет ли смысл предлагать вам такое? По глазам вижу, что нет. А поэтому предлагаю выбрать из того, что названо. Вы можете решить прямо сейчас, а можете думать сколько захотите, но тогда придется заново отстаивать очередь. Решайте.

Иванов сжал виски руками, и через несколько секунд сказал:

— Давайте посмотрим на художника-мариниста из-под Петербурга.

— Давайте. — Девушка смягчилась. Она отыскала нужную карточку и прочитала: — Итак, русский дзен-буддист, живет один, его неосознанно тянет рисовать море, некоторое время он пытается разобраться в себе, и скоро, осознав свое предназначение, начинает писать картины, посвященные морским стихиям. По-моему, чудесно и романтично. Лично я одобряю ваш выбор. Чем будем платить? Напоминаю, есть легкие мании, фобии и мультилингвистический катарсис.

— Пусть будет фобия — как у вас там было? Боязнь клоунов? Буду художником-маринистом с боязнью клоунов.

— Хорошо. Только в вашем случае это будут разного рода Петрушки, участники народных карнавалов, переодетые в домашних. . . Возможно, эта фобия в легкой форме распространится на кукольные представления.

— Пусть будет так.

— Я просто обязана вас предупредить.

— Спасибо. Скажите, правильно ли я понимаю вас, что, переродившись в новом теле, я буду помнить, что я — Иванов?

Девушка внимательно посмотрела на него и улыбнулась.

— Какой вы наивный, в самом деле. Ну, конечно, нет.

— Тогда какой смысл? . . .

— Говорят, есть какие-то специальные методики. . . но захочет ли ваш маринист. . . в общем, захочет ли он заниматься всем этим? Это вопрос. Вот вы пытались когда-нибудь выяснить, кем были в прошлой жизни?

Иванов вздохнул, но не успел ответить — где-то за спиной девушки раздался короткий звонок, и она занервничала.

— Все, молодой человек, время вышло. Оформляем мариниста, так? С мультилингвистическим катарсисом?

— Нет-нет, маринист с боязнью клоунов.

— Да-да. Ваше имя?

Девушка заполнила карточку, сделала пометки в компьютере, постоянно отвлекаясь на флиртующие флюиды охранника, и протянула её Иванову.

— Приходите сюда же завтра в семь. Не опаздывайте. Можно без очереди. Всего вам доброго. Следующий!

Иванов поспешно сунул карточку в карман куртки и вышел.

б.

В холле гостиницы не было никого, кроме администратора с теннисной ракеткой и сигарой в зубах. Он сильно бил по шариком и бегал за ним по всему помещению, не давая упасть на пол. Заметив Иванова, он остановился и вытащил сигару из зубов.

— Может, партию в пинг-понг?

— Нет, спасибо, я пойду в номер.

Администратор ухмыльнулся.

— Идите-идите, насладитесь тишиной и покоем.

Иванов вспомнил, какое уныние ждет его в номере, и решил задержаться. Он сел в кресло и вытянул ноги, наблюдая, как администратор весело прыгает по залу. Наконец тот устал и, тяжело дыша, рухнул в соседнее кресло.

— Ну что? Выбрали вариант? — спросил он, раскуривая сигару.

Иванов посмотрел на него с подозрением.

— О чем вы?

— Ну вы ведь были недавно в «Ультра-трип», верно? На самом деле мой вопрос риторический, поскольку я знаю даже, что именно вы выбрали.

Иванов молчал.

— Художник-маринист, ведь так? При этом вам предлагали скалу, соратника Мисимы, самку вомбата, правильно? Видите, как у нас все демократично, никакого прозелитизма — никто не пытался склонить вас к тому или иному решению — все по-честному. Мы показываем, что у нас есть, а вы решаете.

Иванов все понял.

— Вы работаете на «Ультра-трип»?

— Конечно, друг мой, и выполняю свои функции, как вы заметили, весьма эффективно. В гостинице ни одного постояльца, все толпятся там — в надежде на новый вариант развития событий. Удивительный народ. . . — он задумчиво выпустил вверх пару колец и прикрыл глаза. — Знаете, что движет вами и всеми остальными? Желание приподняться над собственной жизнью. И, в принципе, я хорошо понимаю вас — перспектива работать швейцаром неопределенно долго, жить в номере без удобств, без конца созерцая высохшее дерево и постепенно сходя с ума. . .

— И что же, никто никогда не пытался что-то поменять?

— Пытались, конечно, пытались, и не раз. Но ведь есть я. — Администратор хитро посмотрел на Иванова. — Есть я, понимаете? И моя задача — оставить вас наедине со своим дерьмом. С тем дерьмом, которым наполнена ваша несчастная голова. И у меня получается, вы не находите? — администратор рассмеялся и довольный откинулся в кресле. — Какое время вам назначили?

— Завтра в 12.00.

— Отлично. Может все же партейку в теннис?

— Нет, спасибо.

— Ну, смотрите. Если надумаете, я все время здесь.

Иванов поднялся в свой номер и повалился на пол, совершенно обессиленный. Не смотря на дикое неудобство, он уснул.

Проснувшись, он вскочил и бегом спустился вниз, чтобы узнать время. Администратор пил кофе и курил сигару, глядя в пустоту.

— Который час?

— Половина девятого, дружище. Вы рано встали.

Иванов облегченно вздохнул и попросил чашку кофе. У него было достаточно времени, чтобы собраться с мыслями и настроиться на новую жизнь.

— Твою мать! Ты долго будешь тут дрыхнуть?

Гарри с трудом разлепил глаза и сразу же закрыл, чтобы не ослепнуть от света мутной лампочки под грязным потолком клуба «Плюшевые кискис». Он чуть не оглох от крика Фила, с дикого похмелья совершенно не понимая, что происходит.

— Гарри, мать твою! Я тебя уволю к черту, если ты не поднимешь свою пьяную задницу и не пойдешь работать! Как можно было так на-

жраться, я не понимаю?! Скоро притащатся те два мудака из Чикаго, а мне здесь нужен порядок! Даю тебе минуту, чтобы привести себя в порядок, или можешь искать другую работу!

Хозяин клуба Фил, злой, как собака хлопнул дверью подсобки так, что зазвенели бутылки из-под виски на столе и с крючка упала чья-то замызганная ковбойская шляпа. Гарри лежал на диване и пытался сообразить, что происходит. Он осторожно поднялся, еле сдерживая тошноту, стиснул голову руками и попытался успокоить нервы. Налив в стакан немного виски, он доковылял до рукомойника, выпил и запил водой из-под крана. Кое-как сдержав рвоту, он вернулся к кровати, сел и попытался разобраться.

Итак, он вчера напился, что происходило с ним не часто. Где? С кем? Полный провал. Минуту назад в подсобку ворвался этот мудака Фил и орал на него. Все логично, сейчас Гарри беспокоило лишь одно — из всей тирады босса он не понял ни единого слова. Неужели это пьяные галлюцинации?! Гарри поднялся, попил еще воды из под крана, умыл лицо и вышел в зал.

Вечер был в полном разгаре. На сцене вокруг шестов извивались стриптизерши, толстый бармен Пол приветственно махнул Гарри рукой из-за стойки с понимающе хитрой улыбкой, и Гарри немного успокоился.

— Эй, Гарри, паршиво выглядишь! — лысый Том, коллега Гарри, похлопал его по плечу.

«Они издеваются надо мной! На каком языке они говорят?» — думал Гарри.

— Vete! (Да иди ты!) — сказал он Тому.

— Что ты сказал? — спросил его коллеги.

Гарри посмотрел на Тома как на больного.

— No comprendo! Te has vuelto loco? (Не понимаю! Ты с ума сошел?)

— Ты чо, изучаешь испанский? Я не знаю испанского, брат!

— No comprendo! (Не понимаю!) Anda! (Хватит!) Joder! (Твоя мать!)

— Чувак, говори по-английски! У тебя крыша по пьяни поехала, что ли? Нельзя так бухать, говорил я тебе! — Том захохотал.

Гарри был в бешенстве. Эти два идиота разыгрывали его — это было очевидно. Они договорились говорить с бедным Гарри на каком-то невообразимом наречии, чтобы он ничего не понял и решил, что сошел с ума.

— «Vette a la polla!» (Иди на х...!), сказал Гарри и отправился к бармену Полу.

— Привет, друг! Как ты? — приветствовал его Пол, и сердце Гарри сжалось. Те два придурка могли устроить ему этот спектакль, но Пол! В отчаянии Гарри выскочил на улицу.

У входа в клуб толпилась молодежь. Гарри подбежал к первой попавшейся компании и быстро заговорил:

— ¡Buenas noches. (Добрый вечер.) Habla ingles?! (Вы поговорите по-английски?)

— Я не говорю по-испански, друг! — сообщил ему худой рыжий подросток с банкой пива и заржал.

— Я знаю пару слов! — сообщил из глубины компании всклокоченная девка, слегка покачиваясь, — щас... эээ... Por favor (пожалуйста) и... эээ Mierda (говно)... вот, по-моему, и все.

Гарри с ненавистью посмотрел на нее и пошел прочь, кусая губы от жалости к себе. Закрывшись в своей крохотной квартирке, он решил использовать последний шанс и включил телевизор. Бодрый диктор новостей вдребезги разбил его последнюю надежду. Гарри

вырвал из розетки шнур, свалил телевизор на пол и упал на диван вниз лицом.

Ночью Гарри приснилось, что пошел дождь и затопил Детройт. Вода поднималась все выше, поглощая улицы и кофейни, и скоро Гарри обнаружил, что вокруг не осталось ничего, кроме моря. Он стоял, покачиваясь на своем диване, и каждая новая волна приводила его в дикий восторг.

Проснувшись, Гарри долго лежал, не открывая глаз, и ему казалось, что диван продолжает покачиваться.

Зазвонил телефон.

— Hallo! — сказал Гарри.

— Алло, Гарри, это ты?

— Hallo! Sprechen Sie Englisch?

— Извини, чувак, я, наверное, ошибся.

«Долбанный город, — подумал Гарри, — надо уезжать отсюда к чертовой матери... куда-нибудь к морю... да, пожалуй, к морю было бы хорошо...». Он пошел варить кофе, подумывая, что пора, пожалуй, сменить профессию.

Танда ЛУГОВСКАЯ

ЧУВСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ

1.

«Чувство справедливости
Присуще нам изначально,
И каждый, совершающий правонарушение,
На самом деле чувствует свою неправду», —

Так писал знаменитый юрист
Во второй половине XIX века.

В конце XX века,
Сидя в университетской библиотеке,
Я листала страницы старой книги
(Которую до меня за это время,
Если верить бдительному формуляру,
Заказывали всего лишь трижды —
С интервалом лет в сорок).

На втором курсе —
О, как много я знала!
Даты основных сталинских процессов
Я могла перечислить и среди ночи.
Солженицына, Шаламова и Керсновскую
Я прочитала от корки до корки ещё в лицее.
Я листала альбомы
С фотографиями Освенцима и варшавского гетто,
И помнила мощность взрывов в Хиросиме и Нагасаки.

Меня ничуть не удивил бы маньяк-одиночка,
Равно как отморозок с любимыми погонями.

Этот юрист меня удивил.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Сидя в пустом, солнечно-пыльном зале,
Скрытая от глаз библиотекарш пышной бегонией,
Я негромко повторяла:
«Господин Еллинек, мне так жаль вас разочаровывать,
Но прошедший век весьма убедительно
Доказал, что ваши предположения неверны.
Вы, боюсь, даже представить не можете,
Что произошло за это время...».

Так говорила я, стараясь быть вежливой,
Потому что некультурно ведь брякнуть с порога:

«Вы наивный старый болван.
Тысячам, десяткам тысяч ублюдков
От руководителей стран
До анонимного быдла с пистолетом
Было насрать на вашу прекраснодушную теорию.
Они изрешетили Лорку и сгноили Мандельштама,
Посылали сотни тысяч людей в газовые камеры
И заваливали глиной на расстрельных полях.
По их приказу старики умирали в вагонах,
Так и не доехав до места ссылки
Раскулаченных (куда смерть приходила за остальными),
А двухлетние дети клеймились аббревиатурой ЧСИР
И их первыми словами были «барак» и «вертухай».
Десятки тысяч — понимаете, десятки тысяч! —
Писали доносы, обрекавшие на гибель
От рук ещё десятков тысяч, —
Без какой-либо вины, просто вследствие
Соприкосновения пера и бумаги.
Десятки тысяч выдумали ворох причин,
По которым надо было беременной — распороть живот,
А младенцам — вколоть инъекцию отравы.
И никакое выдуманное вами
«Изначальное чувство справедливости»
Ни на секунду не помешало им —
Вы понимаете, господин Еллинек?!».

Так кричала бы я тогда,
Если бы меня могли услышать в прошлом.
Кричала бы от ярости и бессилия.

2.

Прошло пятнадцать лет.
Совсем немного —
Вероятно, пятый читатель ещё не взял книгу.

Я была криминальным репортёром,
Встречалась с не лучшими людьми
(Справедливости ради — и с лучшими тоже),
Внимательно смотрела, не отводила глаз,
И всё задавала, задавала неудобные вопросы.

Знаете, сейчас я не уверена,
Что полузабытый юрист — уже позапрошлого века —
Ошибался.

Даже если спивается весь народ —
Это не отрицает ни свойств алкоголя,
Ни наличия и функций печени.

Тогда, на втором курсе,
Прекрасно зная про Дахау и ГУЛАГ,
Я не задалась вопросом:
«Помнил ли автор книги
Про костры инквизиции, Салтычиху
И способы передового строительства Великой Китайской стены?».

Сейчас понимаю: скорее всего, да.

За эти пятнадцать лет
Мне не довелось общаться с *cum parricidis maximis*,
Но я вдоволь насмотрелась на разнообразных шавок —
В их числе и те, которые из десятков тысяч:
И сквозь любую правоверность, фанатичный пламень в глазах,
Отупение, ненависть как привычную первую реакцию,
Намеренную забывчивость и слишком искреннее непонимание
Была видна уродующая искалеченность

Вот по этому самому чувству справедливости,
Которое, как говорят нынешние психологи
(Вряд ли читавшие Еллинека),
Закладывается в четыре-пять лет
При нормальном развитии ребёнка,
Живущего в нормальных условиях.

3.

Тогда, на втором курсе,
Я сочла, что написанное в тыща восемьсот каком-то году
Должно было внушать оптимизм
И определённое успокоение относительно будущего.
И отреагировала, как на фальшивку.

Это предположение не было верным.
Говорилось, что чувство справедливости — есть.
Позитивного прогноза из этого не следует.

Следует ли из этого надежда?

— Да
— Нет
— Скорее да, чем нет
— Скорее нет, чем да
— Затрудняюсь ответить
Нужное подчеркнуть.

Татьяна РОМАНОВА

ПЕСНЯ АНГЕЛОВ

Это песня столичных ангелов,
Живущих в старых домах
Гордого шумного города,
В летаргических снах.

Светлых без ожидания,
Полных сегодняшним днем,
Непостоянных мальчиков,
Курящих под дождем,

Красивых, разочарованных,
Проникнутых первым холодом,
Зыбких усталых девочек,
Прославленных этим городом.

Это песня про столичных ангелов
Златокудрых и вежливых,
Не смешавшихся с пестрой толпой,
Про насмешников.

Про их несколько шагов,
Как над бездной,
Про странную нервность их слов
И жестов.

Про тела их эфирные,
Которые, к общей радости
Празднично-молодые
Обычно не знают старости.

Это песня в память столичных ангелов,
Одевавшихся не по моде,
Вечных гостей дорогих ресторанов,
В память их уходящей породы.

Их поклонников, что к сожалению
Никогда не бывали счастливы,
Их переменчивых наслаждений,
Их веселой ненастоящести.

В память их снов в обнимку с игрушками,
Их цветов, летевших в корзины,
Их духовности и бездушности,
Мужества тех, кто остался с ними.

Виктор ХАРИН

ХРАНИТЕЛИ СКАЗОК

Глава вторая. Выход в город

Снег хрустел под ногами. Зимнее солнце, поигрывая льдинками, слепило глаза. Город начинал просыпаться. Из лавки булочника доносился аромат свежеспеченного хлеба, витрина щеголяла пряничными нарядами. Аптекарь убирал снег с крыльца, приветливо поднимал руку, здороваясь с редкими прохожими. Основная улица заканчивалась пристанью. В обычное время пристань была полна народу. Лодки прибывали и убывали, сновали носильщики, кричали торговцы. Но с приходом зимних штормов это была самая пустынная часть города. Недалеко от пристани возвышался утес, ограждающий бухту от ветра, облюбованный огромными птичьими колониями, гнездящимися на отвесных скалах. На вершине утеса стоял старый, как и весь поселок, маяк. Он возвышался словно палец каменного великана, указующий в небо. Излюбленное место летних забав местной детворы и пристанище Старого Эрни.

Августа хотела проведать смотрителя маяка и взяла Мартина с собой. Мартин любил бывать на утесе, с него открывался потрясающий вид на поселок, расположенный на склоне горы. На море с его просторами, украшенными, как праздничный пирог свечками, парусами рыбацких лодок. Любил он наблюдать птичий переполох, когда рыбаки возвращались на пристань. Но сейчас не радовали глаз ни море своим многообразием, ни серая бесконечная даль, прорезанная белесыми барашками волн. На маяк от пристани вели крутые ступеньки, и Августе пришлось несколько раз остановиться и перевести дух, несмотря на желание Мартина побыстрее попасть наверх, подальше от колючего ветра, поближе к горячему шоколаду и удивительным рассказам старика Эрни, которыми он потчевал всех своих гостей. Он в нетерпении оглядывался на бабушку, но далеко вперед не убежал.

— погоди, Мартин, — задыхаясь, крикнула бабуля. — погоди. Давай передохнем.

Мартин повернулся и нехотя начал спускаться. Они остановились около одной из лавочек, спрятанных от ветра за выступом скалы. Лавочки стояли как раз для такого случая, потому что мало кто мог подняться на маяк без передышки.

— Знаешь, — сказала бабуля, — мореходы рассказывают, что первый маяк зажгло само солнце.

— Как это? — удивился Мартин.

«Давно это было. Попал как-то отважный рыбак в шторм, и унесло его бушующее море далеко от берега. Не мог он найти дорогу домой и совсем отчаялся. Несколько дней мотало его лодку из стороны в сторону. Кончилась провизия и вода. Вдруг видит, парит в вышине могучая птица альбатрос. Позвал человек птицу:

— Могучая птица альбатрос, ты одним взмахом крыла пролетаешь столько, сколько мне идти целый день. Сделай милость, лети к моим родным берегам и скажи моей жене, что меня штормом унесло в открытое море и не найди мне дорогу назад. Простись с ней за меня и скажи, что я до последнего вдоха буду любить ее.

Послушал альбатрос, развернулся и ринулся к берегу. На берегу он увидел прекрасную женщину, которая стояла у кромки моря и неотрывно смотрела вдаль.

Позвала его женщина:

— Могучая птица альбатрос, ты одним взмахом крыла пролетаешь столько, сколько мне идти целый день. Не видал ли ты моего суженого? Он неделю назад вышел в море и до сих пор не вернулся. После его отплытия разыгрался шторм, и я боюсь, что с ним случилась беда.

Спустился альбатрос и сел перед ней на качающиеся волны:

— Видел я в море рыбака, его штормом отнесло далеко от берега, и он не может найти дорогу назад. Он просил меня проститься с его женой и сказать, что до последнего вдоха будет ее любить.

— Это мой муж! Он все еще жив! — обрадовалась женщина. — Сделай милость, могучая, мудрая птица, возьми в мешочке горсть родной земли и отнеси мужу. Родная земля поможет найти ему дорогу домой.

Согласился альбатрос отнести родной земли моряку, схватил свою ношу, взмахнул могучими крыльями и полетел в открытое море. долетел до дрейфующей на волнах лодки. А тем временем рыбак уже отчаялся когда-либо вернуться на землю и обнять жену. Лишь только он увидел, что птица вернулась, радостно закричал и замахал руками:

— Могучая птица альбатрос, скажи, говорил ли ты с моей любимой, передал ли от меня весточку?

— Встретил я на берегу прекрасную женщину, она ждала любимого, который неделю назад вышел в море. Внезапно налетевшим штормом его отнесло далеко от берега, и он до сих пор не вернулся, но женщина ждет, надеется и верит, что он рано или поздно вернется живым и невредимым.

— Это моя жена! Моя любимая, она все еще ждет меня! — Воскликнул рыбак.

— А еще она велела передать тебе мешочек с горстью родной земли. Она сказала, что родная земля поможет тебе вернуться.

Обрадовался рыбак и взял подарок жены, поднес к губам, поцеловал его и тут же почувствовал, как родная земля потянула его к берегу.

— Сделай милость, мудрая птица. Вернись на берег и скажи моей любимой, что я возвращаюсь.

Поднялась могучая птица, расправила крылья и понеслась с новым посланием.

Поставил рыбак парус и начал править к родной земле.

Альбатрос быстро достиг берега, где ожидала возвращения мужа любящая рыбака.

— Он возвращается, — прокричала птица с высоты. — Судя по ветру, будет после захода солнца.

Опечалилась прекрасная рыбака:

— Как же в темноте ему найти родной берег, как не разбиться о коварные скалы, как не сесть на мель? Сделай милость, могучий альбатрос, догони Отца Солнца, схвати его за золотые волосы, поддержи немного, чтоб он не отправился на ту сторону земли, пока мой муж не вернется на родные берега.

Взмахнул крыльями могучий альбатрос и помчался вслед солнцем. Но светило уже едва виднелось над горизонтом. Летел быстрее ветра альбатрос, но не успел. Отец Солнце уже скрылся за краем земли. Альбатрос только успел ухватиться за последний волосок, видневшийся над морем. Он потянул на себя и вырвал волосок из головы Отца Солнца. Наступила темнота, только в клюве альбатроса золотом сиял вырванный волос. Делать нечего, полетел альбатрос к рыбаке. Она ждала его в нетерпении. Рассказал ей альбатрос:

— Я летел через все небо за Отцом Солнцем, мчался быстрее ветра, но не успел его остановить. Он уже скрылся. Я схватился за единственный оставшийся волосок, потянул и случайно вырвал его из головы Отца Солнца. Прости меня, прекрасная рыбака, но мне не удалось выполнить твою просьбу.

— Покажи мне этот волос, — попросила рыбака.

Вынул альбатрос золотой волос из клюва, и все побережье озарилось солнечным светом. Просияв от счастья, воскликнула женщина:

— Ой, спасибо, могучий альбатрос. Как же ты выручил нас! Тебе не удалось остановить Отца Солнца, но ты принес свет в темную ночь.

Взяла она золотой волос, положила в хрустальный кувшин:

— Могучая птица, не выполнишь ли еще одну просьбу? Отнеси этот кувшин на ту высокую скалу и поставь на самую вершину. Свет золотого волоса осветит море и покажет моему любимому, в какую сторону править, поможет избежать коварных скал и не сесть на мель.

Взлетел альбатрос на скалу, поставил кувшин на самую вершину, и осветилось море на много миль. Увидел этот свет рыбак, обогнул отмели, коварные скалы, и без приключений добрался до дому. Так и повелось с тех пор. Люди стали ставить маяки и зажигать их, наполняя сердца моряков надеждой на возвращение. А у солнца отныне на макушке маленькая проплешина. Иногда, когда оно садится в море, эта проплешина видна и вместо прощального золотого луча мореходы видят зеленый. И с этих пор моряки, уходя в море, всегда берут с собой горсть родной земли, чтоб вернуться».

— Солнце — это звезда, говорил нам в школе учитель, а земля круглая и вращается вокруг него, — как бы между прочим сказал Мартин.

— И пусть крутится, мне-то что, — резко ответила бабушка.

— А как же наука, она же все объясняет?..

— Не говори ерунды, — оборвала его бабушка. — Наука не может ответить на вопрос, что такое душа. Наука все знает о теле, но ничего не знает о душе. Сказка и есть душа. Пусть наука изучает тела, а сказки раскрывают душу. В любом создании или предмете на земле есть душа. И без души это создание или предмет теряют свое значение. К примеру, лежит на дороге камень. Лежит и лежит себе. И что? И ничего. А если представить, что этот камень положил великий небесный зодчий, который строит занебесный чертог, и что он станет завершающим это великое творение, той финальной жемчужиной которая украсит вершину поднебесного дворца? Значит, камень лежит и ждет, когда придет его время. Значит, он лежит уже не просто так, а его нахождение здесь и сейчас имеет смысл. У камня есть миссия, есть душа. А без сказки он был бы просто камнем, который топчут ногами, он мокнет под дождем, жарится на солнце, заносится снегом. Я хочу, чтобы ты уяснил эту разницу и не говорил больше ерунды.

— Прости, бабуля, я не хотел тебя обидеть.

— Ничего. Это хорошо, что ты спрашиваешь и сомневаешься. Хуже, если бы ты был жутким и занудным всезнайкой, как большинство пустоголовых людей. Спрашивай, сомневайся, спорь, ищи, и найдешь ответы на все вопросы.

— Но ты все равно ответишь мне на них.

— Все ответы никто знать не может, Я тоже была молодой и постоянно спорила со своим дедом, а он, в свою очередь, со своим. И так с начала времен. Молодые всегда сомневаются, а старики думают, что на все вопросы уже могут ответить. Но это не так. В свое время я тоже изводила всех своими вопросами, так что твои мне не в но-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

винку, сама их по сто раз задавала и получала ответы, Я так считаю, что когда в мире закончится последнее детское «почему?», то настает конец света, ибо ему незачем тогда существовать. Ладно, пойдем потихоньку, а то я что-то стала замерзать, — поднимаясь с лавки, сказала бабушка и пробормотала себе под нос, рассчитывая, что внук не расслышит, — Надеюсь, у этой копченой камбалы Эрни найдется что-нибудь покрепче горячего шоколада.

Снизу доносились звуки проснувшегося поселка, шум волн, ломающих свои стройные ряды о подножие маяка. Ветер, словно выждав момент, когда путники покажутся из-за скалы, набросился, сбивая их с ног, и с двойным усердием стал кусать за щеки. Пригнувшись под порывами ветра, они добрались до двери и, не постучав, нырнули в нее, спасаясь от ветродуя. В комнате царило запустение. Солнечные лучи, заглядывая в окно, тихо покачивали оседавшую на них пыль. Было холодно и пустынно.

— Эрни! — позвала Августа. — Эрнест, ты здесь?

— Да тут я! Кого это нелегкая принесла? — донесся ворчливый голос Старого Эрни. Он, покачиваясь, вышел из кухни. Мартин даже сразу и не узнал его. Обычно Эрни встречал гостей с улыбкой, предлагал чай или горячий шоколад и на каждое слово отвечал невероятно интересной и забавной историей. Сейчас же Эрни больше походил на тень самого себя. Лицо осунулось, глаза впали, одежда помята и залапана чем-то бурым, борода торчит в разные стороны. А главное — не было той смешинки, которая обычно пряталась у него на лице. Эрни дрожащей рукой заслонил глаза от солнечных лучей и посмотрел на вошедших:

— Это ты, Августа. А я-то подумал, кого это в такую рань принесло.

— Во-первых, здравствуй, Эрни! — строго проговорила Августа. — А во-вторых, скажи, пожалуйста, что это мы сегодня такие ершистые, неприбранные и злые?

— А надоело всем улыбаться. Всем что-то от меня надо. А мне, может, надоело все. Пятьдесят лет одно и то же. Что, я не человек, что ли? Могу я хоть раз сделать так, как мне хочется, а не как вам всем надо?

— Что случилось, Эрни? — с тревогой спросила бабуля. — На тебе лица нет.

— С чего ты взяла, что у меня что-то случилось?

— Да посмотрела на тебя и поняла все. И ночь сегодня была нехорошая. Плохое предчувствие. Холодом как-то потянуло. Вот и решили с Мартином тебя с утраца попроведать.

— Спасибо за заботу. Наше вам с клешней, держите в обе руки! — пробурчал Эрни. — И Мартин здесь? Как дела, малыш?

— Спасибо, хорошо, — ответил Мартин.

— Чего в дверях топчетесь, заходите, коль пришли, — пробухтел Эрни, — пошли на кухню, сообразим что-нибудь горяченькое.

— Я бы не отказалась от рюмочки бренди, если, конечно, найдется хоть что-то в этом доме, — снимая шаль, проговорила Августа.

— Найдется, если поискать.

Они вошли на кухню. Там царил страшный кавардак. Горы грязной посуды соревновались в высоте, скатерть была покрыта разноцветными пятнами, вся в подпалинах, закапанная воском. Огонь в камине давно погас, и ощутило тянуло холодом из дымохода. Августа села на одиноко стоявший у окна стул. Огляделась:

— Что-то совсем не узнаю я тебя, Эрни! Ну как там с бренди? Нашел?

— Да, нагнувшись в буфет, бросил через плечо Эрни. Когда он разогнулся, в его узловатых руках покачивалась пузатая бутылка зеленого стекла. Таким же неуверенным шагом он дошел до шкафа, вытащил пару стаканов, оценивающе посмотрел сквозь них и, удостоверившись в чистоте, поставил на стол, выплеснув в них по приличной порции темного напитка из бутылки.

— Твое здоровье, Августа, — произнес он и залпом осушил стакан.

— И твое, Эрни, — ответила она, немного пригубив. — Теперь рассказывай, что такого стряслось, если ты сам на себя непохож.

— Не люблю я жаловаться. Видимо, не с той ноги встал. Как проснулся ночью, выглянул в окно, и так эта серость надоела! Маяк этот проклятуший. Сижу тут, как краб в панцире, как килька в банке, только в окошко поглядываю да лампы и зеркала чищу, чтоб маяк ярче горел. А кому это надо? Мне? Да ничего мне не надо. Рыбаки вон неделями в море не выходят, шторма пережидают. И какого ляда мне напрягаться?

— А с чего это ты посреди ночи проснулся? — со всей серьезностью спросила Августа.

— Да сам не знаю. Защемило что-то в груди, как доской по голове огрело, и главное мысль паршивая в голове свербит: а зачем все это надо? Так и просидел почти всю ночь, обдумывал. Поднялся на маяк, смотрю — тускло горит. Вроде горит, а мглу не рассеивает. Я его почистил, почистил, лампы мыл, зеркала протирал, ничего не помогло. Под утро замерз, плюнул на это дело, спустился на кухню, откупорил бутылку. А тут и вы нарисовались.

— Говоришь, тускло горит? Тьму не рассеивает? А вчера?

— Вчерась-то нормально. Как подменили его... И меня заодно, — уже шепотом добавил Эрни.

— А камин когда погас?

— Да я точно не помню. Ночью и погас, пока я спал. А как проснулся, мне не до того было.

— Надо развести огонь в камине, а то зябко. Мартин, сходи во двор за дровами, сейчас разведем огонь, и будет лучше.

Мартин знал, что дрова Эрни хранит с подветренной стороны маяка, под навесом. Он накинул куртку и вышел. Тут, же под ноги ему бросился ветер. Мартин пошатнулся, но, едва обогнув маяк и спрятавшись от ветра, он сумел набрать полную охапку дров из аккуратной поленницы. Возвращение потребовало от него немалых усилий: как только он показался из-за угла, тотчас был атакован порывом ветра, норовившим забросать ему за шиворот как можно больше снега. Не обращая на это внимания, Мартин добрал до двери и толкнул ее ногой. Дверь распахнулась.

«Хорошо еще, что дверь открывается вовнутрь, а не наружу подумал Мартин. — Стоял бы сейчас, пытаюсь открыть с полными-то руками».

Он прошел через всю кухню и свалил свою ношу перед камином. Августа уже сидела рядом на корточках, спичками разжигая бересту для растопки. Через некоторое время первый робкий язычок пламени коснулся дров, а еще минут через пять пламя ревело, пожирая поленья. Что-то постоянно потрескивало в камине, но со временем стал слышен только равномерный гул огня. Сделалось намного теплее и уютнее. Эрни подошел к камину и, присев перед ним, вытянул навстречу пламени руки. Посидев так некоторое время, он с улыбкой обернулся:

— Ну что? Кому из вас предложить чаю?

— Дедушка Эрни, а можно мне горячего шоколада? — востропнулся Мартин.

— Шоколада? Можно. А ты, Августа, чего изволишь?

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Вот сейчас я узнаю Старого Эрни, откинувшись на спинку стула, сказала Августа, — теперь я бы выпила чаю.

Мартин слонялся без дела. Августа и Эрни о чем-то тихо говорили на кухне, а Мартин в это время изучал разбросанные по всему дому карты. Карты очень его заинтересовали, многие были старыми настолько, что изображали землю плоской, стоящей на трех слонах и черепахе. Этот факт очень восхищал и смешил Мартина. Восхищало то, что карты были красочными с большим количеством фантастических зверей, а смешило то, что каждый первоклассник знает, что земля круглая. Но сама идея плоской земли не была чем-то непонятным. Ведь разве мы не наблюдаем каждый миг, что земля плоская? Что она заканчивается за горизонтом, там, где купол неба встречается с сушей или морем? И если верить своим глазам, то старые карты не врут. Это и вызывало интерес.

Может, бабуля права и наука только все усложняет? Кто знает, что там, за линией горизонта. Может, там зияет бескрайняя пропасть в темные миры, и если свесить голову вниз и смотреть в бездну, то можно рассмотреть лапы гигантской черепахи? А если спуститься и прокатиться на хоботе одного из слонов или посмотреть, что на другой стороне земли? Какие тайны и сокровища там скрываются от людских глаз? Возможно, дно земли вылитое из золота и выложено драгоценными камнями. Мартин знал, что золото и красивые камни добывают из земли, и даже представил себе, как люди наконец то прорубят шахту насквозь, прямо на ту сторону, и увидят слонов на черепахе. То-то они удивятся. Все это настолько увлекло Мартина, что он совсем забыл про бабулю и старика Эрни.

— Думаю, Эрни, что я права, — услышал Мартин, — просто так ничего в этом мире не происходит. На все есть своя воля. Темная или светлая. Сейчас я чувствую, что вмешалась темная воля. И украла саму суть маяка. Ты можешь сколько угодно протирать лампы или устанавливать новые, но если огонь в душах моряков погас, то его уже не разжечь простым включением ламп. Лампы будут гореть, тревожа ночь, но не рассеивая мрак. Нужно идти к истокам. И не знаю, как ты, а я собираюсь отправиться в погоню за украденной сказкой и вернуть ее.

— Но подумай, Августа, сейчас не то время, когда все решается сказками; я даже не уверен, что этим ты сможешь изменить порядок вещей. Никто в них не верит. Спасибо, ты привела меня в форму. Показала, что я не просто занимаю место на земле и проживаю свою жизнь. Напомнила мне про миссию зрителя маяка...

— Хорош зритель, просмотрел все глаза, — буркнула Августа.

— Мне нравится моя жизнь, — продолжал Эрни. — Подумай только, как ты отправишься в путь? С кем, на чем? Ты, старая каракатица, сюда едва поднялась, с кряхтением, а все туда же. Можно подумать, без тебя не найдется сумасшедших, кто, веря во всю эту ерунду, пойдет туда не зная куда.

— А я бы пошел, — вмешался Мартин.

— Ты еще слишком мал, — огрызнулась Августа.

— Бабуль, пожалуйста, позволь мне помочь. Я буду послушным. Честно.

Мартину так хотелось поучаствовать в приключении, что он готов был пообещать все что угодно, даже умыться по утрам. Бабуля несколько секунд внимательно всматривалась в лицо Мартина.

— Хорошо, — смилостивилась она, — посмотрим на твое поведение. Может, в этом есть смысл.

Они тепло попрощались с Эрни и начали спуск с маяка.

— Мартин, не спеши, — остановила его Августа (она указала на отдельно возвышающийся утес рядом с маяком), — давай поднимемся вот на ту Скалу.

— Зачем? — поинтересовался Мартин.

— Нам потребуется помощь сильных и мудрых. Надо воззвать к ним. Если нам повезет, то мы получим помощь и совет.

— А кого ты хочешь позвать?

— Увидишь.

Скала венчалась большой ровной Каменной площадкой. С одной стороны площадка была прикрыта выступом скалы, зато с других — обрывалась отвесными стенами, выходящими из моря. Прибой с шумом разламывался у основания скалы, брызги мелкой моросью долетали до самой вершины. Мартину было немного страшновато, но ему стыдно было в этом признаться. Утес продувался со всех сторон. Брызги намерзли причудливыми фигурами. У Мартина не было никакого желания подходить к краю. Он отошел и спрятался от ветра за выступом скалы. Августа же, напротив, подошла к самому краю. Сложив ладони у рта, она силилась перекричать прибой.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Дедушка альбатрос! Дедушка альбатрос!..

Но ветер уносил слова. Звук голоса был неразличим сквозь грохот моря. Мартин в десяти шагах от бабули не смог разобрать ни слова. Он начал сомневаться, подумав, что бабуля его просто разыгрывает. И хотел было уже предложить ей пойти домой, где горит жаркий камин, а кухонная печь то и дело норовит поставить подножку.

— Дедушка альбатрос! Дедушка альбатрос! — продолжала Августа.

Далеко, на самом горизонте, появилась маленькая черная точка. Она приближалась с неимоверной скоростью, быстро увеличиваясь в размере. Мартин запоздало сообразил, что это огромная птица.

Бабушка еще раз поднесла сложенные ладони ко рту и крикнула:

— Дедушка альбатрос! Дедушка альбатрос!

Птица начала снижаться, и так огромны были ее крылья, что Мартин едва устоял под натиском поднявшегося вокруг вихря.

— Здравствуй, Хранительница. Ты меня звала? — молвила птица.

Мартин не поверил своим ушам. Птица и вдруг говорит человеческим голосом.

— Да, дедушка альбатрос, — ответила бабушка. — Я хотела познакомить тебя с моим внуком. Преемником. Мне будет спокойнее, если ты за ним присмотришь в случае чего.

Он мальчишка маленький, несмышленый. Подойди, Мартин и поздоровайся.

— Э...Здрате, — робко промямлил Мартин себе под ноги, не решаясь посмотреть на птицу.

— Здравствуй, Мартин. Рад, что будет с кем поговорить, а то иногда слова забываю. Ты просто не представляешь, как временами тяжело найти интересный и пылливый ум. Надеюсь, ты станешь мне достойным собеседником.

— Да, конечно. Будет очень приятно, — все еще не веря в происходящее с ним, ответил Мартин. Он украдкой посмотрел на огромную птицу и немного осмелел.

— Дедушка Альбатрос, я к тебе с просьбой, — обратилась к птице Августа. — Ты самый быстрый и могучий на этом побережье. Не сможешь нам найти потерянную сказку? Предупреждаю, это может быть опасно.

— Рад буду услужить Хранительнице. Да и поразмяться мне не помешает. Чем я могу помочь?

— Ты же знаешь Старого Эрни, хранителя маяка? С ним приключилась беда. Старый Эрни пятьдесят лет зажигает маяк на нашем побережье, но именно сегодня он забыл, как и зачем это делать. Наши моряки потеряются в море, и сердца их покинет надежда, а глаза потухнут. Сам по себе он не мог забыть об этом, ведь это дело всей его жизни. Мне кажется, холодный дух севера проник сегодня ночью в нашу бухту.

— Ты думаешь, что тьма заглянула ему в душу? Затуманила его разум?

— Да.

— Несомненно, я помогу. В чем заключается моя помощь?

— Лети к горизонту быстрее ветра, и в то время пока Отец Солнце спускается за край земли, вырви у него из макушки золотой волос. Волос последнего луча. Принеси этот волос и положи в лампу маяка. Тогда маяк будет по-прежнему гореть, а Эрни уже никогда не забудет о своем предназначении.

— Да уж... — хмыкнул альбатрос. — Отец Солнце в прошлый раз обещал бросить меня на гриль. Думаешь, он забыл?

— Потому я и говорила тебе, что будет опасно, хотя ему будет не до тебя, он же будет готовиться к путешествию по Той стороне.

— Знаешь, Хранительница, а не ослабит ли его потеря еще одного волоса в предстоящей ему битве? Нет ли другого пути?

— Другого пути я не вижу, — вздохнула Августа. Помолчав, старый альбатрос тихо проговорил:

— Я помню темные времена. Они случились как раз после хищения волоса. Солнце вовремя не взошло. И с тех пор оно стало сильно уставать: полгода греет землю, а полгода отдыхает. Но об этом помнит только Отец Ворон. Ходят слухи, что именно он проник в темные земли и помог Отцу Солнцу вернуться на землю.

— Как нам найти Отца Ворона? — выпалил Мартин и сам испугался своей смелости, но интерес к происходящему поборол его скованность. И он продолжил:

— Дедушка Альбатрос, ты случайно не знаешь, как его позвать, он помог бы нам рассказать о темных временах.

— Я давно его не видал, — вздохнул альбатрос. — Много воды утекло с тех пор, как он удалился в далекую пещеру, и никто не слышал о нем уже многие годы.

— А где находится эта пещера? — не унимался Мартин.

— Где-то в океане, на островах, к западу отсюда. Я пару раз пролетал над ними, но никого не встретил. Они выглядят дикими и пустынными. Там не селятся люди, не летают птицы, живут звери. Там подземный огонь выходит на поверхность, отравляя все живое своим дыханием.

— Нам надо добраться до этого острова и поговорить с ним, — заявила Августа. — Есть маленький, но шанс, что Отец Ворон знает, как нам помочь.

— Видимо «нам» адресуется мне, — усмехнулся альбатрос, — потому как сегодня вы не захватили летательные перья?

— Я не прошу, чтоб ты летел один. Я хотела попросить тебя отнести меня на этот остров.

— Бабуля! — воскликнул Мартин. — Ты трижды отдыхала, пока мы поднимались на маяк, ты просто можешь не выдержать полета и упасть прямо в море.

— Я тоже думаю, что тебе, Августа, лететь не надо, со всей серьезностью проговорил альбатрос, — мне будет тяжело нести тебя, а вот Мартина я смогу домчать за считанные часы.

— Мартина?

— Ну да, он легкий, гибкий, ловкий, молодой. Он сможет усидеть на моей спине...

— Но он же так мало знает, и Отец Ворон просто не станет его слушать, — качая головой, перебила его Августа. Лететь должен зрелый Хранитель.

— Ты забываешь о силе молодости. О неукротимости духа, о сомнениях и тревогах юных сердец. Возможно, именно это и послужит ключом от затворничества Отца Ворона. Потому что когда встречаются две старые головы, не в обиду тебе, Августа, то разговор плавно перетекает в старческое брюзжание. А когда к старости приходит за советом молодость, то польщенная старосты рада поделиться воспоминаниями и опытом. Так что я думаю, что у Мартина есть шанс.

— Возможно, ты прав, вздохнула бабуля, обернулась и посмотрела внуку в глаза. — Мартин, ты как? Готов к приключениям?

— Да! Не скрывая восхищения, воскликнул Мартин.

— Тогда не теряйте времени. Попутного ветра вам и удачи!

Мария ПОЛЯНСКАЯ

ПРИТЧИ О СТРАННИКЕ

Притча 3. Странник и учитель

Как только Странник покинул дом, жену и сына, начались годы и годы бесприютных скитаний по миру, и зачастую, просыпаясь утром, Странник не сразу вспоминал, где он находится и что привело его сюда. День за днем дорога становилась его домом, прохожие — семьей, немощные калеки — детьми, и вселенная — одним большим садом, в котором он блуждал, разыскивая одному ему нужные ароматы.

Ибо Странник не просто так путешествовал по дорогам мира, его подгоняло вечное сосущее чувство под левой ложечкой — он искал себе учителя, одного-единственного учителя, подобного Иисусу Христу, Будде Гаутаме, пророкам Мохаммеду и Моисею. Странник знал, что именно желание найти учителя заставило его отречься от всего, что было ему дорого, вынудило его осиротить семью, побудило отказать от хорошей пищи, сладкого питья, роскошных женщин, доступных богатств и вело его за собой в утомительных, а зачастую и опасных скитаниях. Но даже не это было самое тяжелое и страшное, потому что когда цель известна и достижима, можно вытерпеть любые лишения ради ее достижения, но что делать в том случае, когда цель, словно линия горизонта, все время пятится и отступает назад?

Именно это происходило со Странником из года в год. Каждый раз, приходя на новое место, привлеченный людской молвой, Странник находил себе нового учителя. Очарованный духовной красотой, мудростью и щедростью последнего, Странник присоединялся к хору восторженных почитателей и учеников. С тех пор он неотступно следовал за своим кумиром, слушал его, открыв глаза, уши и рот от усердия, ловил каждое его слово, жест и мысль, впитывал учение и мудрость, словно пересохшая морская губка, упивался знаниями учителя и тем, как прорастали в его собственной унавоженной почве, жил жизнью учителя, ел его хлеб и видел его сны. Однако эта идиллия продолжалась не так долго — вскоре наступал момент, когда Странник начинал замечать, что хлеб учителя — кисл, сны — нечестивы, знания — безнадежно устарели, да и сам он не ведает, что говорит и творит. С этой минуты Странник начинал видеть учителя и его жизнь в совершенно ином свете, словно у него открывались незрячие прежде глаза, и тогда кумир низвергался с пьедестала в грязь, где ему и надлежало быть, по мнению Странника. Однако и этого было мало — Странник легко переходил от беззаветной любви к открытой ненависти — он на каждом шагу поносил учителя, клеймил его учение, оскорблял его учеников, и так продолжалось до тех пор, пока учитель и его приверженцы не изгоняли Странника с позором и зачастую нешуточными побоями. Гордо подняв голову, уходил Странник на поиски нового учителя, и вскоре история повторялась, и так продолжалось бесконечно, пока Странник не исчерпал все возможности этого мира, перебивав в учениках у всех, кого люди почитали за мудрецов, наделенных умом и опытом.

К тому моменту Странник решил жить уединенно и выбрал себе под обитание скромную хижину высоко в горах, рядом с холодным чистым ручьем, там, где часто ночуют облака и гостят туманы. Часть пропитания он добывал себе скромной охотой, часть — в обмен на шкурки животных в предгорных селеньях, жил скрытно и тихо, завидев редких людей, уходил с тропы в чащу, особенно же избегал жен-

щин и детей по причине их суетливости и неразумности. Еще выше по склону взялся он за постройку большого каменного дома, похожего на настоящую крепость — с бойницами, отвесными стенами, глубоким погребом-схроном, сторожевой башней и подвесным мостом. Дом этот был Страннику вовсе не нужен — не собирался же он на самом деле провести в этом богом забытом месте всю жизнь, однако он исправно занимался строительством, таскал снизу камни, доски, крепил, забивал, рыл, словом, трудился, не покладая рук. Вскоре и местные крестьяне, и приезжий люд прознали о тайне Странника, и многие насмеялись над ним и его неуклюжим каменным монстром, вырастающим на склоне горы. Слыша насмешку, Странник молчал, ничем не удаивая обидчика, лишь желваки на его скулах ходили ходуном от незаслуженной обиды. Да и что было ему отвечать — он и сам не понимал, зачем ему нужна эта крепость — не служит ли она выражением обиды на несостоятельных учителей, не станет ли она памятником его гордыне и могилой его изнуренному телу, однако так уж он был устроен, что, единожды взявшись за дело, не мог оставить его незаконченным, а посему упрямо продолжал строить.

Однако чем больше высилось над скалами угрюмое и величественное сооружение, тем меньше смеха раздавалось вокруг. Люди с уважением и даже опаской стали смотреть в его сторону, когда он спускался вниз за сыром, маслом и вином, многие даже предлагали ему помощь за небольшую плату или вовсе без денег, но он неизменно отказывался. Внутри у него было чувство, что он непременно должен возвести в горах неприступное для внешнего мира жилье, хотя он и сам толком не понимал, зачем и кому это нужно.

Время шло, росла неприступная крепость, и постепенно вокруг нее стали селиться разные люди пришлые и местные, служивые и крестьяне, богомольцы и дорожные разбойники. Странник упорно делал вид, что не замечает того, как вокруг его дома копошится и разрастается целый город, молча продолжая заниматься строительством и охотой, избегая людей и всего, что с ними связано. Однако вскоре он заметил, что все они накрепко привязали себя к нему и его новому жилищу: одни из них с самого утра занимали очередь у входа в его замок, чтобы хотя бы кончиками пальцев дотронуться до его изношенных одежд, другие весь день ходили за ним по пятам с перьями и бумагой в надежде записать за ним хотя бы одно выпущенное им слово, третьи наблюдали за ним со стороны, по-своему истолковывая своим спутникам каждый сделанный им шаг, четвертые писали его портреты, пятые слагали о нем песни, шестые, и это были не только женщины, пытались соблазнить его, седьмые подражали ему во всем, восьмые пытались с ним соперничать, девятые помогали ему, десятые мешали, и так до бесконечности. Из хозяина одинокого неприступного замка Странник превратился в удельного князька, обремененного хозяйством, лошадьми, людьми, которые к тому же звали его Учителем. Учитель, говорили они, ходя за ним по пятам, подскажи нам, как заработать себе на хлеб, учитель, канючили они, подай нам на воспитание детишек, учитель, молили они, защити нас от врагов, учитель, покажи нам, как жить праведно, и не было конца и края их просьбам, мольбам, слезам и крикам.

Сначала Странник недоумевал, потом громко возмущался, а потом смирился с неизбежным сбродом, толкущимся день и ночь около его жилища. Ему и в голову не приходило, что люди действительно считают его одним из величайших учителей мира, пока однажды к нему не подполз один из тех, кто преследовал его с перьями в руках, и не обратил-

ся к нему с просьбой. О, Учитель, сказал он, снизойди до нас, учеников твоих, и начни проповедовать. Молчание твое слишком темно для нас, поступки твои выше нашего убогого понимания, слова, скупо отпускаемые твоим ртом, нуждаются в истолковании не нами, а твой образ жизни слишком уединен и недоступен для нас. Напрасно мы ходим за тобой по пятам, напрасно ищем истину в твоих деяниях, напрасно подражаем тебе — все по-прежнему пусто в наших головах и душах. Спустись к нам с небес и объясни нам то, что остается сокрытым. Все мы смиренно молим тебя об этом, ибо обошли весь мир и не видали учителя выше тебя, мудрее тебя, скромнее тебя, святее тебя. И новоявленный ученик замолчал и почтительно простерся перед Странником в пыли.

Странник же стоял, пораженный ужасом и отчаянием до глубины души, ибо он ни секунды не считал себя учителем, то есть тем, кому есть что сказать этим людям в крайней нужде и нищете. Тщетно искал он в своей душе хотя бы частицу, хотя бы крупницу высокого знания, редчайшей мудрости, благородного великодушия, о которых толковал его ученик, но там было пусто, как бывает пусто в горах после бурного дождя, как бывает пусто в лесу после первого снега, как бывает пусто в степи после горячего ветра. Пусто и холодно было в душе Странника, и он не чувствовал себя учителем еще и потому, что понимал, что остался один нет больше в мире достойных учителей, нет больше под солнцем достойных духовидцев, нет больше под лунной достойных странников, раз люди, собравшиеся вокруг его замка, пришли к нему за ответами на вопросы, которых он и сам не знал.

И потому он молчал, потрясенный этой тайной, вдруг открывшейся ему в своей простоте. Молчал и его ученик, лежащий в пыли, притихли женщины, не плакали дети, не кричали куры, не ржали лошади, не мычали коровы, казалось, сама природа ждала, пока Странник отверзнет уста. И он понял, что должен что-то сказать всем тем, кто ради него забрался в такую глушь и денно и ночью нес на себе его заботы, делил с ним свой хлеб и горе, спал рядом с ним, ел рядом с ним, жил его жизнью. Словно что-то теплое заструилось вдруг внутри Странника, как будто горячая кровь омыла его оледеневшее в странствиях сердце, и он почувствовал, что он в ответе за всех тех, кого призвал сюда, сам того не желая. И он почувствовал в своей груди... нет, не любовь, а жалость, бесконечную жалость ко всем живым существам вокруг себя, и принял их в свое сердце, и открыл им свою душу, начав говорить.

Говорил Странник долго, страстно, убежденно, так, словно всю жизнь ждал этого момента, изливая накопленную мудрость и любовь на тех, кто молча слушал его. Свет струился из его уст, мед капал с его губ, руки его излучали сияние, а сердце его просвечивало сквозь грудную клетку. Сначала он будто ослеп и оглох, и ничего вокруг не видел и не слышал, однако вскоре он почувствовал, что его уже не слушают, как прежде. Он открыл глаза и уши и понял, что люди целыми караванами покидают его, спешно собирают свои скромные пожитки, сажают на арбы плачущих детей, сгоняют скот, и уходят, уходят от него. В недоумении Странник обратился к своему ученику, который уже больше не лежал в пыли у его ног, а, завернувшись в плащ, тушил костер и собирал золу, собираясь в долгий путь.

— Скажи мне, ученик, покидающий своего Учителя, — сказал ему Странник, — скажи, почему вы все покидаете меня? Скажи, почему пришли ко мне, когда я вас не звал, почему прилепились ко мне, когда я вас не любил, почему слушались меня, когда я вас не жалел и почему теперь уходите от меня, когда я забочусь о вас, почему теперь

покидаете меня, когда я жалею вас, почему теперь бежите от меня, когда я говорю с вами?

И так ответил ему тот, кто не хотел более называться его учеником.

— Зачем нам учитель такой же, как и все мы, страдающий любовью, жалостью, переполненный состраданием и терпением. Мы ищем не доброго спасителя, а сурового судью, не помощника, а надсмотрщика, не ласку, а бич, ибо мы слабы и подвержены порокам, ибо мы ветрены и нуждаемся в исправлении, ибо мы не хотим быть ведущими, а желаем быть ведомыми. Зачем нам твоя правда жизни, нам нужна сладкая ложь, зачем нам твое учение о страдании, нам нужна несбыточная надежда. Что можешь ты дать нам, кроме того, о чем мы сами страшимся даже и думать? Мы ждали от тебя рассказов о райских куцах, где ты побывал и куда поведешь лучших из нас, мы ждали от тебя рассказов о неземных девушках, которых ты знал и с которыми встретятся праведнейшие из нас, мы ждали от тебя рассказов о несметных богатствах, которые ты собрал и которыми поделишься со святейшими из нас, а что дал нам ты? Ничего, кроме горечи странствий, кислоты страданий, соли усталости, сладости возвращения, но что нам с этого, если мы и сами таковы? Поэтому мы уходим искать нового Учителя, не такого как ты, не такого как мы, не такого, как все, а тебя презираем. Хлеб твой кисл, сны твои нечестивы, знания твои безнадежно устарели, да и сам ты не ведаешь, что говоришь и творишь.

И так плюнув Страннику в лицо, от него ушел его первый и лучший ученик, а вместе с ним ушли и остальные, захватив с собой немудреный скарб, детей, скот, солому с крыш своих хижин и даже колья от ограды. Странник остался один посреди разоренного селения, над которым нависала угрюмая громадина холодного неприступного замка. Тогда он оглянулся и понял, зачем залез на эту неприступную вершину, зачем в трудах и нищете построил свой дом, зачем полюбил этих жалких людишек и зачем потерял их. И он рассмеялся и ушел с горы, не оглядываясь, чтобы больше никогда не создавать себе бездушных кумиров и не свергать их с неприступной высоты. Больше в его жизни не было ни учителей, ни учеников, ни любви, ни страдания, ни надежды.

Будда Шакьямуни обучает. Чан Шэнвэнь, Юньнань, 1200.